

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Тезисы Международной научной конференции
(Екатеринбург, 29.09 — 6.10. 2011)

Екатеринбург 2011

УДК 409.34
ББК Ш107
С56

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 33 от 13.09.2011).

Современная политическая лингвистика :
С56 тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09—6.10.2011) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011. — 307 с.

Представлены тезисы выступлений на Международной научной конференции «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, 29.09—6.10.2011).

Тезисы предназначены для филологов и всех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

Материалы публикуются в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

УДК 409.34
ББК Ш107

Издание выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

Подписано в печать 14.09.2011. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура "Tahoma". Усл. печ. л. – 16,9. Тираж 500 экз. Заказ 3664.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2011

Содержание

АГАФОНОВА А. А. (г. Иваново, Россия) «Каирский» дискурс Б. Обамы: манипуляционные особенности концептуальной метафоры.....	13
АЙВАЗОВА В. В. (г. Сургут, Россия) Когнитивно-дискурсивные особенности ментального пространства Нобелевской лекции лауреатов Премии мира.....	15
АЛЕКСЕЕВА М. С. (Нижний Тагил, Россия) Ирония и пропаганда — две вещи несовместные? Репортажи А. Колесникова о В. В. Путине	17
АНТОНОВА А. В. (г. Оренбург, Россия) Особенности речеактовой реализации стратегии обещания в политическом дискурсе Великобритании	20
АНТОНОВА Ю. А. (Екатеринбург, Россия) Танцы Президента: удар по имиджу политика или очко в пользу народного образа (по материалам интернет-сервисов).....	21
АНТОНОВА Ю. А. ХАРЧЕНКО О. А. (Екатеринбург, Россия) Комикс как инструмент политического PR (на примере анализа комикса «Человек-Грызлов»).....	24
АСТАШОВА О. И. (г. Екатеринбург, Россия) Динамика оппозиции «свой — чужой» в речевом портрете Н. Ю. Белых	25
АТЪМАН О. В. (г. Волгоград, Россия) Повтор как средство актуализации концепта (на материале текстов субботних радиообращений президента США Б. Обамы).....	28
БАБЕНКОВА Е. А. (г. Саранск, Россия) Лексико-семантические структуры американского инаугурационного дискурса	30
БЕЛЯЦКАЯ А. А. (Саранск, Россия) Аксиология лингвокультурного развития как проблема языковой политики (к вопросу о ценностных основаниях лингвокультуры)	32

БОРИСКИНА О. О. (Воронеж, Россия) Криптоклассные метафоронимы и политическая метафорология.....	34
БОРОВИЦКАЯ Е. Н. (г. Киев, Украина) Политическая реклама как исследовательская проблема политической лингвистики.....	36
БРИНЕВ К. И. (Барнаул, Россия) Судебная лингвистическая экспертиза по экстремизму: проблема определения термина «социальная группа»	39
БУДАЕВ Э. В. (Нижний Тагил, Россия) Экстралингвистические корреляции русской морбиальной метафорки	41
БУЛЫГИНА Е. Ю, ТРИПОЛЬСКАЯ Т. А. (Новосибирск, Россия) Выявление имплицитной информации в публицистических текстах экстремистского содержания	44
БУШЕВ А. Б. (Тверь, Россия) Художественное видение мира и политический опыт.....	46
ВАН Личжи (г. Чанчунь, КНР) РУЖЕНЦЕВА Н. Б. (г. Екатеринбург, Россия) Манифестация авторской позиции в китайском историко-политическом дискурсе.....	49
ВИКТОРУК Е. Н., СОБОЛЕВ Ю. В. (г. Красноярск, Россия) Репрессивная поэтика в политическом дискурсе: язык и искусство	52
ВОЛКОВА Т. А. (Челябинск, Россия) Риторическая стратегия убеждения в дипломатическом дискурсе.....	54
ВОРОНЦОВА Т. А. (Ижевск, Россия) Народ глазами политиков (репрезентация концепта народ в современном политическом дискурсе)	56
ВОРОШИЛОВА М. Б. (Екатеринбург, Россия) Адольф Гитлер и Евпатий Коловрат: прецедентные имена экстремистского текста	58
ГАВРИЛОВА М. В. (Санкт-Петербург, Россия) Когнитивная модель идеологии партии «Единая Россия»	60

ГАЛИНСКАЯ Т. Н. (Оренбург, Россия) Психолингвистический механизм манипулятивного воздействия в англоязычном массово-информационном дискурсе	62
ГЕВОРГЯН М. В. (г. Кемерово, Россия) Актуализация тактики манипуляции лексикой при репрезентации информации в СМИ.....	64
ГОЛЕВ Н. Д. (Кемерово, Россия) Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы.....	66
ГРИБАН И. В. (г. Екатеринбург, Россия) «Контроверза Голдхагена»: историческая дискуссия в контексте медиаполитического дискурса.....	69
ГРИДИНА Т. А, КОНОВАЛОВА Н. И. (г. Екатеринбург, Россия) Ассоциативные доминанты восприятия личности политического лидера	75
ГРИШАНИНА А. Н. (Санкт-Петербург, Россия) Эмоциональная окраска стереотипных высказываний политического дискурса: речи президентов	78
ГРОМЫКО С. А. (Вологда, Россия) Судебная речь как источник русского парламентского красноречия	80
ГУЛЯЕВА Е. В. (Волгоград, Россия) Оценка поведения типичного российского политика в смеховых текстах.....	83
ДАНИЛКИНА Е. Ю. (Екатеринбург, Россия) Манипулятивные технологии оперирования информацией в СМИ (на примере эпидемий «свиного» гриппа 2009 — 2010 гг. и ВИЧ-инфекции).....	86
ДАНЮШИНА Ю. В. (Москва, Россия) Бизнес-дискурс versus политический дискурс.....	87
ДЕНИСОВ Ю. П. (г. Омск, Россия) Смерть Б. Н. Ельцина в дискурсе российских оппозиционных сил.....	90

ДЗЮБА Е. В. (г. Екатеринбург, Россия) Концепт пятилетка: прошлое и настоящее	92
ДУБРОВСКАЯ Т. В. (г. Пенза, Россия) СОВИНЬСКА Агнешка (г. Торунь, Польша) Дискурсивные средства репрезентации России, Польши и США в контексте дискуссии о размещении американской ПРО в Европе (на материале российской и польской прессы)	97
ДУПКАЛА Р. (г. Прешов, Словакия) Феномен славянства в словацкой философии XIX века	99
ЕРЕМИН А. Н. (Калуга, Россия) Идеология и толковый словарь	105
ЕФРЕМОВ В. А. (Санкт-Петербург, Россия) Метафорическая репрезентация экономического кризиса в дискурсе партии власти	109
ИВАНОВА С. В. (Уфа, Россия) Технология субъективизации в новостном массмедийном политическом дискурсе	111
КАБЛУКОВ Е. В. (Екатеринбург, Россия) Официальные идеологемы в современном российском медиадискурсе	113
КАСПАРОВА А. Ю. (г. Москва, Россия) Фразеологическая активность метафорического концепта «Война» в англоязычном политическом дискурсе	115
КЕРИМОВ Р. Д. (г. Кемерово, Россия) О перспективах политической германистики	118
КИМ Л. Г. (г. Пятигорск, Россия) Вариативно-интерпретационный потенциал политического высказывания и факторы, определяющие его реализацию (на материале газеты «Аргументы и Факты»)	120
КИРЬЯНОВА В. В., КУРНИКОВА Е. П. (г. Альметьевск, Россия) К вопросу об эвфемизации речи в современном английском языке	123
КИУРУ К. В. (г. Челябинск, Россия) Дискурсная модель харизмы политического лидера	126

КИШИНА Е. В. (Кемерово, Россия)	
Концептуальный аспект описания политических дискурсов разных исторических формаций	129
КНЯЗЕВ Н. А. (г. Пятигорск, Россия)	
О некоторых особенностях лексических инноваций в англоязычном политическом дискурсе	131
КОЖЕВНИКОВА О. В. (г. Ижевск, Россия)	
Образ современной России в англоязычных СМИ	132
КОНДАКОВА Ю. В. (Екатеринбург, Россия)	
«Медведь» глазами «Марианны». Концепт «Russie = l'ours» во французской политической прессе	134
КОНДРАТЬЕВА О. Н. (Кемерово, Россия)	
Концептуальная оппозиция «душа — желудок» в современном политическом дискурсе.....	137
КОРОБКОВА О. М. (г. Москва, Россия)	
Использование лексики <i>элемент — элементы</i> в советском тоталитарном дискурсе конца 20-х — 30-х годов XX века.....	139
КОСТРОМИЧЕВА М. В. (г. Орел, Россия)	
Неонацистская символика в интернет-общении: 14/88	145
КОСТЮНИНА М. В. (Сургут, Россия)	
Риторико-критический анализ агитационной речи Д. А. Медведева (2008 год).....	147
КОШКАРОВА Н. Н. (г. Челябинск, Россия)	
Пресс-конференция как разновидность интервью.....	149
КРАСИЛЬНИКОВА Н. А. (Новоуральск, Россия)	
Дискурс общественного мнения в системе политической коммуникации.....	152
КРИЖАНОВСКАЯ Е. М. (г. Пермь, Россия)	
Особенности индивидуального стиля Г. А. Зюганова (на материале новостных текстов официального сайта Коммунистической партии РФ)	155
КУБАСОВ А. В. (Екатеринбург, Россия)	
Политический дискурс в эссе постмодерниста (Владимир Сорокин в интернет-журнале «Сноб»).....	158

КУДРЯВЦЕВ А. Г. (г. Челябинск, Россия)	
Толерантность в языковой картине мира. Этнокультурная специфика и политические факторы, влияющие на концепт «толерантность» в национальном сознании	161
КУЛТЫШЕВА И. В. (Нижний Тагил, Россия)	
возможности речевого воздействия имени числительного в предвыборных листовках	163
КУШНЕРУК С. Л. (Челябинск, Россия)	
Архитектоника дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы	165
ЛАВРИК Э. П. (г. Ставрополь, Россия)	
Лингвистические средства формирования негативных установок на этнической почве (на материале прессы республик Северного Кавказа).....	168
ЛАППО М. А. (Новосибирск, Россия)	
Национальная самоидентификация в оппозиционном дискурсе	170
ЛАТУ М. Н. (г. Пятигорск, Россия)	
Области взаимодействия военного и политического видов дискурса	172
ЛОСКУТОВА К. Н. (Санкт-Петербург, Москва, Россия)	
Закон как отражение политической ситуации (на примере советских Конституций 1918 и 1936 годов)	174
МАВРИН В. И. (г. Новоуральск, Россия)	
Метафора и политическое знание	176
МАЛЕВИЧ И. И. (Киев, Украина)	
Метафорический образ Украины в современном финском медиадискурсе (2010—2011 гг.).....	179
МАРДИЕВА Л. А. (Казань, Россия)	
Использование прецедентных визуальных феноменов в целях управления образами сознания потребителей информационного продукта	181
МАТЫГИНА Е. Б. (г. Челябинск, Россия)	
Описание внешности и стиля как особенность изображения женщин-политиков в СМИ	183

МИХАЙЛОВА Т. В., МИХАЙЛОВ А. В. (Красноярск, Россия) К становлению политической терминологии московского царства: вера и правда в текстах Ивана Пересветова.....	186
МОРГУН О. М. (г. Москва, Россия) Критический дискурсивный анализ в методологии политической науки	188
МОХОВА Е. К. (г. Сургут, Россия) Прецедентные имена в современном президентском дискурсе	190
ОВРУЦКИЙ А. В. (Ростов-на-Дону, Россия) Коммерческий бренд как политический дискурс	194
ПЕТРИКОВА А. (г. Прешов, Словакия) Содержание культурного концепта Вера в религиозном и политическом дискурсах	196
ПИМЕНОВА М. В. (Кемерово, Россия) Категории и формы языка в зеркале политической лингвистики	203
ПЛАХОТНАЯ Ю. И. (Челябинск, Россия) Речевое воздействие в политическом дискурсе	205
ПОЛЮГОВА Е. В. (г. Нижний Тагил, Россия) Газовый конфликт с Россией глазами украинских политических лидеров и журналистов в интернет-СМИ.....	208
ПОЛЯКОВА И. С. (Екатеринбург, Россия) Особенности национальных источников прецедентных имен в институциональном политическом дискурсе США и России	211
ПОЛЯКОВА Л. С. (Магнитогорск, Россия) Воздействие гендерных стратегий на аудиторию (социолингвистический эксперимент)	214
ПОПОВА О. И. (Екатеринбург, Россия) Имиджевый политический медиатекст	216
ПОЦЕЛУЕВ С. П. (Ростов-на-Дону, Россия) Когнитивные стратегии вокруг «Причерноморского диалога»: опыт политического дискурс-анализа	218

ПУЗЫРЕНКО Я. В. (г. Киев, Украина) К проблеме политической корректности в контексте речевого этикета и культуры общения	221
РЕЗНИЧЕНКО Д. В., ТЕХАНОВСКАЯ Н. В. (г. Екатеринбург, Россия) Заголовки газетных публикаций как инструмент информационного воздействия	224
РУСОВА И. А. (г. Сургут, Россия) Ориентационная метафора в политической коммуникации	226
РЫБАКОВ С. В. (Екатеринбург, Россия) Корректировка политического лексикона «Правого дела»: блеф или реальность?	229
РЯБКОВА И. П. (Ижевск, Россия) Политическая коммуникация и перевод в свете когнитивной парадигмы.....	231
РЯПОСОВА А. Б. (г. Нижний Тагил, Россия) Освещение финансово-экономического кризиса в дискурсе российских федеральных СМИ	234
САЛАТОВА Л. М. (г. Челябинск, Россия) Метафорическая картина экономического кризиса	237
САДУОВ Р. Т. (Уфа, Россия) Политический дискурс Барака Х. Обамы как пример современного политического дискурса США	240
САРАФАНОВА О. Л., ЯКОВЧИЦ Н. (г. Екатеринбург, Россия) Политика и английский язык: проблемы перевода «новояза» Дж. Оруэлла	242
САТМАРИ Ж. (г. Будапешт, Венгрия) Образ России и русского человека в Венгрии (в историческом аспекте).....	244
СЕМЕНЕЦ Е. А. (Кировоград, Россия) Дискурсивные практики массовой коммуникации: власть человека или власть дискурса?	247
СИПКО Й. (Прешов, Словакия) Концепт «Гагарин» в словацкой среде	249

СМОЛИНА А. Н. (Волгоград, Россия)	
Умение читать как основа политической грамотности	257
СОЛОПОВА О. А. (Челябинск, Россия)	
Будущее «внешней политики» России (на материале американо-британских СМИ)	259
СТЕКОВА Т. И. (г. Новосибирск, Россия)	
Место речевого жанра обещания в политическом дискурсе	262
СТРОКИНА Л. В. (г. Петропавловск, Республика Казахстан)	
Лингвистика современного телевизионного заголовка	264
СУСПИЦЫНА И. Н. (г. Екатеринбург, Россия)	
Речевой этикет как средство разрешения политических конфликтов	266
ТЕРСКИХ М. В. (Омск, Россия)	
Советские индексы в современной рекламе: модификации и функции	268
ТИХОВСКАЯ О. А. (Кишинев, Республика Молдова)	
Речевой портрет в контексте политического кризиса (на примере выступлений В. Н. Воронина, председателя Партии коммунистов и третьего президента Республики Молдова)	271
УПОРОВ А. А. (г. Екатеринбург, Россия)	
Семантика превосходства в текстах экстремистской направленности	274
ЦОНЕВА Л. М. (г. Велико-Тырново, Болгария)	
Метафора в болгарском политическом дискурсе	276
ЦУЦИЕВА М. Г. (г. Санкт-Петербург, Россия)	
Дискурс языковой личности в политической коммуникации	277
ЦЫГАНКОВА А. В. (г. Екатеринбург, Россия)	
Зоонимные метафоры в массовой коммуникации	280
ЧИСТОВА С. С. (г. Нижний Тагил, Россия)	
Прецедентные феномены в оценке политического лидера	281

ЧУДАКОВА Н. М. (г. Нижний Тагил, Россия)	
Август 1991-го: метафорическое осмысление	283
ЧУДИНОВ А. П. (г. Екатеринбург, Россия)	
Методология зарубежной политической метафорологии	286
ШЕСТАКОВА Э. Г. (г. Донецк, Украина)	
Сращение политической, социальной и повседневной коммуникаций в реалити-шоу (на материале украинского реального шоу «Без мандата»)	289
ШЕХТМАН Н. Г. (г. Екатеринбург, Россия)	
Метафорическая репрезентация современной российской политической ситуации в британском дискурсе массмедиа	292
ШИЛИХИНА К. М. (г. Воронеж, Россия)	
Ирония аудитории: отказ от участия в политическом диалоге	294
ЯНУШ О. Б. (Казань, Россия)	
Политические факторы выбора системы письма	297
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	298

АГАФОНОВА Антонина Александровна

г. Иваново, Россия

«КАИРСКИЙ» ДИСКУРС Б. ОБАМЫ: МАНИПУЛЯЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

В условиях межгосударственных отношений борьба за власть сопровождается идеологическим воздействием, что требует искусного использования политических метафор. Целью данной работы было рассмотрение особенностей употребления когнитивных метафор в речах Барака Обамы, обращенных к иноязычной аудитории. Объектом анализа являются публичные выступления действующего президента США во время его встреч с президентом Египта Хосни Мубарак в 2009 году ^[1–3], а также речи, произнесенные Б. Обамой в рамках «революционного дискурса» в Египте в 2011 году ^[4–8].

Актуальность исследования состоит в необходимости изучения манипуляционных свойств политического дискурса и публичной речи. Гипотеза исследования заключается в том, что специфика революционного дискурса в Египте, представленная в указанных выступлениях президента США, носит ярко выраженный целевой манипуляционный характер, проявлявшийся через применение ряда метафорических концептов. Дискурс Б. Обамы от имени демократической партии США, осуществлявшийся в рамках межгосударственных отношений с Египтом в 2009 и 2011 годах, был рассмотрен сквозь призму когнитивного концепта «а Него», в частности, «America as a Него», предложенного Дж. Лакофф. Показано, что в дискурсе Б. Обамы когнитивные концепты, которые выражаются с помощью метафоры и аллюзии, служат средством глубинного продвижения смысловых сообщений, которые можно объединить в несколько групп: *концепт «мир»* = «*все человечество*» — метафоризация взгляда на мир без акцента на существующие границы и различия, является концептуализацией понятия «общность»; *концепт «колесо истории»* — темпоральная метафорика данного концепта связана с ориентационными метафорами — «вперед» = «хорошо / прогресс», «на месте, назад» = «плохо / регресс»; *концепт «египтяне — библейский народ»* — известная аллюзия на библейский сюжет «Исход»; *концепт «демократия»* = «*прогресс*» — ориентационная метафора, посредством которой оппозиция мусульманских общин к инновациям имплицитно преподносится, как концепт «традиция» = «регресс»; *концепт «Америка»* = «*друг*» — США и демократия представлены через образ «героя», который ведет к «светлому будущему» = к «прогрессу».

Сопоставительный анализ речей 2009 и 2011 годов показал, что в дискурсе Б. Обамы доминируют общие метафорические концепты,

образующие целостный когнитивный пласт, логически связывающий указанные выступления между собой. Оппозиция базовых концептов «демократия» и «традиция» прослеживается во всех рассмотренных речах президента, что позволяет говорить о внедрении в сознание аудитории негативных коннотаций в отношении традиционной культуры как причине регресса. Процесс внедрения негативных коннотаций концепта «традиция» базируется и на позиционировании «мира» как «все человечество». Концепт «мир» = «все человечество» апеллирует к приобщению Египта к стремительному прогрессу, который, однако, наблюдается лишь в передовых демократических государствах, таких, как США. Таким образом, позитивный концепт «мир» = «все человечество» приобретает негативное значение. Основываясь на результатах исследования можно предположить, что Б. Обама в своих выступлениях не отвергает культурные традиции как таковые, но, имплицитно отсеивает все те общества, которые являются носителями вековой традиции внутри собственного сознания. Молодому поколению, которое, как известно, стало главной движущей силой революции в Египте в 2011, вполне естественно стремиться к прогрессу, а потому и к преодолению того, что этому мешает. Следовательно, концепты, использованные президентом США в 2009 году, имплицитно вошли в поток объективной информации и стали достоянием молодого египетского сообщества. События на Ближнем Востоке 2011 года являются ярким подтверждением того, как осуществляется манипуляция сознанием посредством употребления выверенных когнитивных концептов в политическом дискурсе.

Примечания

[1]. June 4, 2009 Remarks by President Obama and President Hosni Mubarak of Egypt before Bilateral Meeting. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-president-hosni-mubarak-egypt-bilateral-meeting-6-4-09>.

[2]. June 4, 2009. Remarks by The President on a New Beginning. [2011]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/.

[3]. August 18, 2009. Remarks by President Obama and President Mubarak of Egypt During Press Availability. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-president-mubarak-egypt-during-press-availability>.

[4]. January 28, 2011. Remarks by the President on the Situation in Egypt. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/28/remarks-president-situation-egypt>.

[5]. February 01, 2011. Remarks by the President on the Situation

in Egypt. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/01/remarks-president-situation-egypt>.

[6]. February 10, 2011. Statement of President Barack Obama on Egypt. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/10/statement-president-barack-obama-egypt>.

[7]. February 11, 2011. Remarks by the President on Egypt. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/11/remarks-president-egypt>.

[8]. February 04, 2011. Remarks by President Obama and Prime Minister Stephen Harper of Canada in Joint Press Availability / Obama Briefing with Canada's Harper, Comments on Egypt. [2011]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/02/04/remarks-president-obama-and-prime-minister-stephen-harper-canada-joint-p>.

АЙВАЗОВА Валерия Вячеславовна

г. Сургут, Россия

КОГНИТИВНО-ДИСУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НОБЕЛЕВСКОЙ ЛЕКЦИИ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ МИРА

Теория публичного выступления, или ораторского искусства, имеет долгую историю, истоком которой является античность. Уже в то время блестящие политические ораторы публично отстаивали свою точку зрения, используя различные языковые средства, закладывая тем самым основы политического дискурса. Как показывает практика, за всю историю человечества интерес к политическому красноречию не только не ослабевает, но растет и углубляется. Над созданием политических речей работают самые квалифицированные специалисты, так как общество заинтересовано в вербальном отражении моделей мира, чутко реагирует именно на языковые стороны тех или иных явлений. В рамках данного исследования проведен комплексный когнитивно-дискурсивный анализ Нобелевских лекций лауреатов премии мира: президента США Барака Обамы, британского политика Джона Хьюма, канцлера ФРГ (1969—1974) Вилли Брандта.

Нобелевская премия выделяет лауреата среди других людей, дает ему возможность выступить с лекцией, в которой он может как поблагодарить комитет за признание своих достижений, так и наметить дальнейший курс действий. Подобный вывод позволил нам обратиться к когнитивному фрейму-сценарию «благодарность», опо-

средованному взаимодействию двух ключевых макрофреймов: 1) «Благодарность как признание заслуг лауреата», 2) «Благодарность как будущие действия лауреата».

Рис. 1 Взаимодействие ключевых макрофреймов в рамках фрейма-сценария «благодарность»

Проведение анализа макрофреймов с опорой на данный понятийный комплекс позволило определить отношение лауреатов к столь почетной награде.

Для Макрофрейма 1, выделенного на основе анализа лекций Джона Хьюма, Барака Обамы и Вилли Брандта, характерно наличие фрейма «коллективное», поскольку нобелевская премия воспринимается как благодарность не только лауреату, но и всему мировому сообществу за совместные действия по установлению мира во всем мире. Более того, в пределах данного фрейма четко прослеживается восприятие благодарности лауреатов, которое характеризуется обещанием выполнить определенные действия взамен за полученную награду.

Макрофрейм 2 в проанализированных лекциях можно представить как задающий определенный набор фреймов, метафорических моделей в контексте «благодарность как будущие действия лауреата».

Схожесть проанализированных нами Нобелевских лекций Джона Хьюма, Барака Обамы и Вилли Брандта проявляется в том, что в рамках фрейма-сценария «благодарность» нами были выявлены такие фреймы, как «война», «коллективное», «мир».

Среди главных отличий можно выделить отношение к фреймам «мир» и «война» в пределах макрофрейма «Благодарность как будущие действия лауреата». В своей Нобелевской лекции Барак Обама не рассматривает мирное существование как альтернативу войне, а подаренную ему возможность выступить с речью он использует для оправдания и обоснования необходимости войны (ВОЙНА — это НЕИЗБЕЖНОСТЬ, ВОЙНА — это СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ВОЙНА — это МИР, а МИР — это ВОЙНА, ВОЙНА — это ЗАЩИТА). Вилли Брандт уже с первых слов отвергает данную позицию в своей Нобелевской лекции, утверждая, что ВОЙНА — это не что иное, как ВЫЗОВ МИРУ, а ПОДДЕРЖАНИЕ МИРА — это неизменная ЗАДАЧА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. В лекции Джона Хьюма данные фреймы вообще не противопоставляются, в отличие от лекции Барака Обамы, в своей лекции он не уделяет большое внимание характеристике войны, обоснованию

причин появления конфликтов. Так же, как и Вилли Брандт, он резко отрицает насильственные способы урегулирования противоречий, призывает к толерантности, согласию и пониманию.

Таким образом, в лекции Барака Обамы БЛАГОДАРНОСТЬ — это ПОДДЕРЖКА МИЛИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ США, в лекции Вилли Брандта БЛАГОДАРНОСТЬ — это БОРЬБА ЗА МИР, а в лекции Джона Хьюма БЛАГОДАРНОСТЬ — это МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ, СЛЕДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯМ БЕЛФАСТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ.

Построение фрейма-сценария позволило определить, какие механизмы руководят коммуникативной деятельностью субъекта, выражающего и воспринимающего благодарность, и рассмотреть его особенности. По результатам исследования благодарность в Нобелевской лекции выражена эксплицитно (как глубокая признательность за предоставление премии, высокую оценку и возможность выступить с лекцией) и имплицитно (как будущие действия лауреата, обещание выполнить поставленные задачи).

Литература

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 256 с.

Schank, R. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R. Schank, R. Abelson. — Hillsdale, NY, 1977. — 266 p.

АЛЕКСЕЕВА Мария Сергеевна

Нижний Тагил, Россия

ИРОНИЯ И ПРОПАГАНДА — ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ?

РЕПОРТАЖИ А. КОЛЕСНИКОВА О В. В. ПУТИНЕ

Пропаганда — распространение фактов, аргументов, слухов и других сведений с целью их внедрения в общественное сознание. Решающим для понимания процесса пропаганды являются *социальные интересы ее субъекта* (социальной группы, интересы которой выражает пропаганда). Это определяет ее содержание и оказывает существенное влияние на выбор форм, методов и средств пропаганды [Праваторов]. *Стремление к развлечению, легкости, несерьезности* — очевидная характеристика современного общества. Многие исследователи, например Д. Мюкке, отмечают, что ирония — это

уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько «способ мировосприятия», «состояние духа», «способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени» [цит. по Википедии].

Среди профессионалов-журналистов можно встретить довольно критичные высказывания о стиле Андрея Колесникова: «В условиях современной России игра с иронией превращается в инструмент конвейеризации массового сознания. Тексты в «стиле Ъ-Колесникова» подменяют собой анализ, способный послужить течей духовной свободы, фундаментом гражданского общества. Ъ-Колесников — комментирующий шут при театре кукол» [Юркин]. Однако этот же исследователь замечает, что «ирония — это высшая форма проявления профессионализма нейтрального журналиста, вовлеченного в информационные войны», а Колесников — «бесспорная удача в области очеловечивания власти» [Там же]. В представлении А. Юркина, «корреспондентам кремлевского пула поручено заряжать обычного читателя директивной добротой, а интеллектуалов — иронией. Благодаря их усилиям энтропийные офицеры спецслужб каждый день приближаются к почти человеческому облику», а при непосредственном участии Андрея Колесникова создается «образ доброго без причины, кем-то озадаченного и кого-то удивляющего Путина» [Там же]. Таким образом, корреспондент «Коммерсанта» представляется имиджмейкером В. В. Путина и пропагандистом его деятельности, активно использующим прием иронии.

Ирония — троп, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) смыслу явному. Ирония, как правило, дискредитирует описываемое: «Андрей Калугин отличился тем, что „первым поехал на площадь Тынисмяги нести вахту памяти на месте Бронзового солдата“. *Особой заслугой* Андрея Калугина является то, что он *выстрадал право и не упустил шанс* быть внесенным „в черный список Шенгена»» (Коммерсантъ. № 140 (4681). 02.08.2011).

Выделим некоторые способы создания иронии в репортажах А. Колесникова.

Цитирование широко известных текстов, зачастую неточное (ироническая цитация). Достаточно обратить внимание на **прецедентные феномены** в заголовках репортажей: *С корабля на байк* (Коммерсантъ. № 160 (4701). 30.08.2011), *Владимир Путин вынырнул в историю* (Коммерсантъ. №147 (4688). 11.08.2011), *Взвейтесь шатрами!* (Коммерсантъ. № 140 (4681). 02.08.2011), *Свобода, раввинство, братство* (Коммерсантъ. № 131 (4672). 20.07.2011), *Как закалялся Владимир Путин* (Коммерсантъ. № 129 (4670). 16.07.2011), *Все лучшее дядям* (Коммерсантъ. №116 (4657). 29.06.2011), *Уставай, страна огромная!* (Коммерсантъ. №102 (4643). 08.06.2011) и т. д.

Переосмысление стереотипных словосочетаний: — *Граждане России помнят выступление Владимира Владимировича Путина в Мюнхене, когда он выступил со своей знаменательной речью и заставил граждан гордиться своей страной! — воскликнул муфтий. — **Хвала Всевышнему** (интересно, кого он при этом имел в виду. — А. К.), Россия сегодня уважаема в мире! А мы все говорили: когда же Россия покажет свое лицо державности?! (Коммерсантъ. №131 (4672). 20.07.2011).*

Преувеличение или явное противоречие: *Премьер шел по деревянной дорожке с татуировками „Курилы наши!“ — и **по обе стороны от него Россия вставала с колен в жиме и толчке, и величие ее становилось уже просто невыносимым** (Коммерсантъ. №140 (4681). 02.08.2011).*

Иронические сравнения: *Премьер говорил, не заглядывая в текст своей речи, в конце ее не осталось за столом человека, на которого он внимательно и в меру задумчиво не посмотрел бы. **Слова и мысли его были вескими, как головные уборы патриарха Московского и всея Руси Кирилла, председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина и главного раввина России Берл Лазара** (Коммерсантъ. № 131 (4672). 20.07.2011).*

Иронические характеристики: *Премьер изучил открытый археологами проход, а вернее, лаз. Пока им непонятно, конечно, куда он ведет и кто его вырыл кроме них. Профессор Кузнецов уверен, что это грабители (вообще, **и внешне, и внутренне выглядит романтиком, хотя бы потому, что с бородой**) (Коммерсантъ. №147 (4688). 11.08.2011).*

Ироническому описанию подвергаются как второстепенные герои репортажей, так и главный — премьер-министр РФ: *Еще одну вершину премьер попытался покорить через пару минут. Это была альпинистская стенка, по которой можно подняться, цепляясь за небольшие выступы /.../ **Человек-паук в эти мгновения гордился бы им** (Коммерсантъ. №140 (4681). 02.08.2011).*

Современное общество, безусловно, диктует условия журналистам, освещающим политическую жизнь страны. Целевая аудитория не желает «разбираться» в серьезных, глубоких материалах. Вместе с тем, ирония как средство нивелирования острых проблем востребована и властью. В результате мы видим слияние двух, казалось бы, несовместимых вещей — пропаганды действующей власти и современной иронии над ней.

Литература

Праваторов В. Ф. Пропаганда. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Пропаганда/>.

Юркин А. Кремль на турусах (стилистический портрет Андрея Ъ-Колесникова). URL: <http://polygamist.narod.ru/0700/0055.html>.

АНТОНОВА Анна Владимировна

г. Оренбург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕАКТОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИИ ОБЕЩАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Стратегия обещания является одной из доминирующих стратегий политического дискурса, реализующейся с помощью речевых актов соответствующего типа. Как показывает анализ предвыборных речей британских политиков, при реализации данной стратегии используются следующие речевые акты:

1) *по количеству компонентов речевой интенции*: промиссивные речевые акты с реализацией всех трех компонентов речевой интенции (эксплицитные интенсифицированные речевые акты или акты с полной реализацией интенций); промиссивные речевые акты с реализацией двух компонентов интенции; промиссивные речевые акты с реализацией одного компонента интенции;

2) *по структуре речевого акта*: сложные промиссивы, представляющие собой сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным, где перформативная формула выступает в роли главного предложения, а содержание обещания заключается в придаточном предложении, представленном пропозицией, реализующей информативную интенцию говорящего; инфинитивные промиссивы, в которых информативная интенция выражена инфинитивной фразой, следующей сразу за перформативной формулой (инфинитивный промиссив указывает на то, что лицо, совершающее речевой акт обещания, одновременно является продуцентом "обещаемого" действия в будущем, то есть данное действие предсказывается самому говорящему);

3) транслирующие речевые акты обещания, под которыми подразумеваются случаи, когда говорящий сопровождает свой акт обещания определением условий, при которых возможно совершение действий, отраженных в пропозиции (такой промиссив имеет форму сложноподчиненного предложения с придаточным условия, с помощью которого на поверхностном уровне передаются условия, необходимые для совершения какого-либо действия, мыслимого как «обещаемое»);

4. *с точки зрения предполагаемого перлокутивного эффекта* речевые акты обещания в политическом дискурсе можно разделить на

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Антонова А. В., 2011

собственно промиссивные и менасивные (соответственно, промиссивная манипулятивная тактика может быть представлена собственными промиссивным и менасивным вариантами);

5) по степени выраженности собственно коммуникативной промиссивной интенции на поверхностном уровне речевые акты обещания, задействованные в соответствующих предвыборных агитационных речах, можно разделить на акты с эксплицитным выражением и акты с имплицитным выражением интенции.

АНТОНОВА Юлия Анатольевна

Екатеринбург, Россия

**ТАНЦЫ ПРЕЗИДЕНТА:
УДАР ПО ИМИДЖУ ПОЛИТИКА
ИЛИ ОЧКО В ПОЛЬЗУ НАРОДНОГО ОБРАЗА
(по материалам интернет-сервисов)**

Видео, на котором запечатлен Президент России Д. А. Медведев, танцующий под песню группы «Комбинация» “American Boy”, взорвало интернет-сообщество в апреле 2011 года. Его обсуждали не только в социальных сетях, но и на новостных порталах, что свидетельствовало о необычайном интересе, проявленном к этому ролику. Только на сервисе YouTube к моменту написания данной статьи это видео посмотрели 8 370 222 раз, причем любопытно, что 13 640 пользователям ролик понравился, а 2 463 проголосовали против, остальные воздержались от комментария. Сам Дмитрий Анатольевич спокойно отреагировал на обнародованное во Всемирной сети видео, Президент ответил на запись пользователя-юзера Halfblood_Uliss, которая написала (здесь и далее авторские орфография, шрифт и пунктуация сохранены): «Вы танцуете как мой папа! Сегодня с утра отличное настроение благодаря видео с Вами:)). «По возрасту, похоже, так и есть)). Зажигаем год назад на встрече с курсом. Танцы/музыка - еще те, соответствующие прошлому)», — ответил Медведев.

В целом стоит отметить, что характерные для интернет-коммуникации демократичность общения и неограниченность в выборе языковых средств, проявляются в постах о танце Президента в полной мере: вместо фамилии Медведев используется пользовательская игровая лексема «Медвед», в качестве обращения к Президенту (иногда номинации) часто используется панибратское «Дима», «Димка», «чувак». Сетевая вседозволенность уничтожает эти-

кетные формы и субординацию как таковую. Действительно ли это реакция пользователя на событие, его мнение или же позёрство, желание написать самый яркий комментарий и тем самым повысить собственный рейтинг во Всемирной паутине? На этот вопрос пока нет ответа. Можно лишь предполагать, что общение в Сети часто носит неискренний характер, пользователь надевает маску — речь стоит вести о карнавализации, о которой не раз говорил М. М. Бахтин.

Мнения пользователей видеохостинга YouTube были абсолютно противоположны. Кто-то резко осуждал танцы Президента со собственным пользователям нигилизмом, любовью к обценной лексике: fuckon2007: *Дима танцует, а Вова — поёт! Такой, бл*ть, тандем-чик, йобанарот!;* prosecutor14: *Ё*тыть, ну если не умеешь танцевать, *ер ли понтиться? Я не умею и не буду делать этого на камеру, дабы не стать посмешищем и позориться! А этот фантик прямо отрывается!* Многих пользователей задел сам факт, под какую песню танцует Президент, поэтому незамедлительно появились реплики, в которых подчеркивается его любовь к Западу: 4334t37: *И ведь точняк - американ бой! А я то думал, что это он айфоны пиарит, твиттеры, милицию в полицию, десоветизация и т.п.;* ssoceane: *«А*УЕТЬ !! НАШ ПРЕЗИДЕНТ ПЛЯШЕТ С НЕ РУССКИМИ ПОД американ бой...ЭТО ЖЕ ПОЗОР...ЭТО ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОБСТВЕННОГО НАРОДА...*

Кто-то, напротив, в комментариях к ролику на YouTube подчеркивал человечность, близость к народу ныне действующего Президента РФ: neposedaanna: *А нам на работе всем понравилось, мило и забавно. у него тоже есть право на личную жизнь;* Artisto177: *ДАМ — ЛУЧШИЙ!!!!;* gghice1: *Медведев клевый чувак, так мне и Путин, и Медведев нравятся, но Медведев в последнее время больше»;* BellissimaGatta: *«Молодец Медведев! так держать! он тоже человек и имеет право отдохнуть иногда. может он и зажат немного,но это потому что скромный и не хочет за рамки выходить,потому как знает,что завтра в инет выложат и обо*рут!Странный вы народ! ну станцевал человек под ретро и что?если узнаете,что президент сексом занимается,то на стенку полезете от удивления что ли???*

Нотки сарказма также присутствуют в репликах пользователей: hunterschindler: *Знаю что в России плохо, но я Диму к себе на свадьбу позову - хай пляшет)*) [http://www.youtube.com/watch?v=_Hzg2IL9xQ0].

Если среди пользователей Сети немало положительных откликов, то интернет-СМИ все как один говорят о недопустимости подобного поведения со стороны Президента. Любопытна, на наш взгляд, эмоциональная нагрузка лексики, которая используется журналистами Интернет-СМИ для описания события: *Дмитрий Медведев сплясал с резидентом Comedy Club Гариком Мартиросяном <...>*

отплясывает одетый в синий костюм президент» (<http://www.uralweb.ru/news/n374385.html>); «Оцените **эти па**. Медведев **пустился в пляс** под песню группы „Комбинация“. **Продолжитель ельцинских традиций**. Осталось еще в штаны... В Сети появился видеоролик, на котором запечатлен **зажигательный танец** в исполнении президента РФ (PIA URA.RU от 20.04. 2011). Интернет-сообщество обсуждает „**лихой танец**“ президента Дмитрия Медведева в YouTube ... Танцует президент **скорее старательно, чем душевно**. Некоторые его движения похожи на **неуклюжую попытку маршировать**, он **явно не попадает в такт ритму**. Кстати, его **танцевальные „па“** вызвали неодобрение многих блоггеров, которые увидели в них **намек на „женское начало“** и стали **злобно шутить на тему нетрадиционной сексуальной ориентации**» (Nesru.com). Танцы главы российского государства под этот хит **вызывают сомнения морально-этического свойства** ... Медведев ведет себя так, будто никакого груза ответственности на его плечах нет... Он удачно сочетает в себе **безбашенность** выборного западного президента с **безнаказанностью монарха**... Подобные кадры теоретически вроде как должны вызвать чувство сопричастности. Дескать, „он такой же, как мы“. Но на деле они вызывают ощущение прямой трансляции с инопланетной летающей тарелки (KM.py от 25.04.2011). Глава государства „**отжигает**“ под шлягер 1990-х (Деловая газета-интернет версия от 20.04.2011).

Стоит отметить, что Д. А. Медведев — не единственный политик, который танцует: танцевал президент США Барак Обама во время выступления на одном из телешоу, кстати, западные СМИ в голос восхищались тем, как владеет телом их президент. А одним из самых популярных танцев (в том числе в интернет-пространстве) в последнее время стал танец экс-президента Чувашии Михаила Игнатьева. В молодежной среде танцы президентов вызывают, скорее, положительные эмоции — это подтверждается многочисленными флешмобами и видеороликами в поддержку танцующих политиков. Получается, что новое поколение готово танцевать, закрыв глаза на существующую политическую и социальную ситуацию, тогда как взрослые осуждают и критикуют подобные действия. А образ нынешнего российского Президента часто строится по принципу «продвинутый политик» в оппозиции к «зажатому», скупому на эмоции в силу бывшей профессии В. В. Путину (хотя стоит отметить, что и его образ становится все более демократичным: ловит и целует пойманную рыбу, играет на рояле и поет). Как бы не оценивали СМИ подобные действия политиков, сами эти моменты становятся ярким информационным поводом, востребованным со стороны общественности, и заставляют включиться в обсуждение политической жизни государства даже самых неактивных граждан, что с точки зрения PR

уже является положительным результатом, и потому не удивлюсь, если появление ролика с танцующим Президентом РФ в Сети было все-таки продуманным PR-ходом, давшим ошеломляющий медиашлейф.

АНТОНОВА Ю. А.

ХАРЧЕНКО О. А.

Екатеринбург, Россия

КОМИКС КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО PR (на примере анализа комикса «Человек-Грызлов»)

Слово «комикс» произошло от английского «comic» (смешной, веселый). Однако не стоит полагать, что комиксы — это обязательно смешно. Тематика комикса может быть весьма разнообразна: это могут быть и социальные проекты, например, комиксы по социальной адаптации детей из детских домов, и обучающие комиксы, и злободневные политические комиксы, отражающие реалии современного мира. Комикс взяли себе на заметку и специалисты по связям с общественностью. А в последнее время использование комикса как инструмента связей с общественностью стало значительной составляющей PR-кампаний политических лидеров.

23 июня 2009 года в сети Интернет появился комикс «Человек-Грызлов», выполненный в стиле классических американских историй про супергероев. В первом выпуске комикса оригинальный персонаж «Человек-Грызлов» спасает Москву от взрыва газопровода, борясь с приспешниками Черного Олигарха. Выход этого комикса в свет, получил большой резонанс в отечественных СМИ, то есть стал информационным поводом.

Существуют и существовали определенные предпосылки для возникновения комикса о Грызлове. Это и значимая роль Грызлова в политике РФ, и оценка его деятельности общественностью, и его неоднозначные проекты, и политическая деятельность в целом. Имеет смысл говорить о необходимости смены матрицы политика, ведь в глазах общественности главную партию страны должны олицетворять сильные, волевые, незаурядные личности, а имидж Грызлова не вполне соответствует этому портрету. Для пиарщиков Бориса Грызлова стоит проблема публичного позиционирования. И с этой точки зрения комикс «ЧГ» скорее весьма интересный инструмент для вовлечения аполитичного населения в политику и повышения интереса к ней. Преимущества комикса как инструмента связей с

общественностью здесь налицо. Комикс — это приятная, ненавязчивая форма политической пропаганды.

Комикс «ЧГ» является шаблонным исполнением американских комиксов «Человек-паук» и «Бэтмен», что, конечно, влияет на его восприятие с точки зрения ментальности и архетипичности используемого образа. Б. Грызлов в роли героя не сильно правдоподобен и явно копирует образ американских супергероев, что вызывает в сознании русского человека некоторое отторжение. Но с другой стороны, очень удачным стал способ распространения комикса в сети. Анализ мнения экспертов по поводу отношения русского человека к комиксу дает точное понимание того, что если бы комикс «ЧГ» был распространен не через Интернет, а попросту опубликован в виде печатного издания, то ни о каком ажиотаже вокруг данного комикса не могло бы быть и речи. Комикс был опубликован в сети и стал достаточно эффективным инструментом привлечения внимания и к жанру комикса, и к политику, ставшему его героем.

Подводя итог, стоит отметить, что появление комикса «ЧГ» ознаменовало новую эпоху — эпоху возрождения политического комикса в России. Безусловно, ему предстоит ломать стереотипное отношение русского читателя к комиксу как несерьезному жанру. Насколько это возрождение значимо покажет время, но пока можно смело говорить о том, что у пиарщиков появился новый инструмент продвижения политической фигуры, рассчитанный на молодежь, которая в нашей стране политически неактивна.

Проведенный анализ комикса «Человек-Грызлов» помог сделать вывод о том, что, если учесть все достоинства и недостатки рассматриваемого комикса при создании какого-либо другого политического PR-комикса, то можно создать эффективный и оригинальный комикс, который действительно сможет стать качественным PR-инструментом в борьбе за внимание электората.

АСТАШОВА Ольга Игоревна

г. Екатеринбург, Россия

ДИНАМИКА ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РЕЧЕВОМ ПОРТРЕТЕ Н. Ю. БЕЛЫХ

Проблема речевого портретирования, особенно в области политической лингвистики, активно разрабатывается современными лин-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Асташова О. И., 2011

гвистами [Енина 2009; Купина 2007; Романова 2009 и др.]. В докладе в качестве материала для сопоставительного анализа мы взяли речь известного политика Н. Ю. Белых двух хронологических срезов: 1) с 28 мая 2005 г. по 2 сентября 2008 г. — работа в должности председателя федерального политсовета партии «Союз правых сил»; 2) с 15 января 2009 г. по настоящее время — работа на посту губернатора Кировской области. Цель исследования — проследить трансформацию оппозиции «свой — чужой» в лингвоидеологическом портрете Н. Ю. Белых.

Публичная речь Н. Ю. Белых с 2005 по 2008 гг детерминирована борьбой за власть, поскольку он выражал интересы оппозиционной партии «Союз правых сил». Образ «своих» складывается с помощью идеологом *либерализм, европоориентированность, капитализм, свобода, демократия*. Н. Ю. Белых включает в поле «своих» социальную группу предпринимателей и идентифицирует себя как одного из них: *«Союз Правых Сил» — единственная партия, последовательно и идейно **защищающая интересы предпринимателей ... Я — предприниматель.***

«Чужие» в речи Белых-оппозиционера — партия «Единая Россия» и В. В. Путин: *отказ Путина и «Единой России» участвовать в теледебатах — это **трусость*** (ЖЖ, 30.10.2007). Современная картина государственного устройства подвергается критике с помощью педалирования контридеологом *вертикаль власти, тоталитаризм, противопоставленных идеологемам права собственности и власть народа*.

В речи Белых-губернатора либеральные идеологемы по-прежнему играют ведущую роль. Политик неоднократно подчеркивает, что смены политических взглядов не произошло: *У меня как у человека, долгое время **стремившегося добиться повышения гражданской активности**, работая на стороне общества, а теперь занимающегося **тем же самым**, но уже на стороне власти, есть свой ответ на извечный вопрос «что делать?»* (газета «Ведомости», 14.12.2010). Политик поддерживает имидж борца за интересы населения.

«Чужими» в речи лидера предстает не власть, частью которой он теперь является сам, а незаконопослушные члены общества: *у нас в Кирове, насколько я понимаю, порядка **35 клубам и заведениям общественного питания вынесены разного рода предписания** [о соблюдении норм пожарной безопасности], то есть для нашего полумиллионного города **это очень много*** («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 14.12.2009).

Словосочетание *вертикаль власти* в речи Белых-губернатора теряет отрицательную характеристику: *Понимаете, **власть действительно существует в виде некой вертикали**. Соответственно, вопросы,*

которые касаются текущих моментов взаимодействия, мы прекрасно решаем с «Единой Россией» и с другими структурами в регионе. Безоценочно констатируя факт существования вертикали в структуре власти, губернатор не вдаётся в подробности взаимоотношений внутри нее и при этом использует эвфемистические обороты.

Хотя со сменой должности политика дихотомия «свой — чужой» в речи несколько трансформировалась, картина настоящего в дискурсе Н. Ю. Белых неизменна: *мы констатируем — раньше это констатировала оппозиция, сейчас это констатирует и власть, — что ситуация в экономике и в социальной политике далека от идеальной, мягко скажем, и требуются очень серьезные изменения* («Дневник губернатора» на «Эхо Москвы», 18.01.2010).

В результате анализа мы пришли к выводу о наличии константных и меняющихся лингвоидеологических черт в речевом портрете политика. Смена роли оппозиционера на роль представителя власти отразилась на концептуальном наполнении общесемиотической дихотомии «свой — чужой». Слияние с партией «Союз правых сил» и социальной группой предпринимателей трансформировалось в слияние с властью. Метка «чужой» сместилась с объекта «власть» в лице Путина и партии «Единая Россия» на объект «нарушитель закона». Слово сочетание *вертикаль власти* утратило отрицательную модальность, открытый протест уступил место эвфемизмам и фигурам умолчания.

Постоянные признаки речевого портрета политика составляют либеральные идеологемы и негативная оценка настоящего, что подкрепляет утверждение о неизменности политических взглядов Н. Ю. Белых как «борца за права народа».

Литература

Енина, Л. В. Речевой портрет губернатора Э. Росселя: советская составляющая / Л. В. Енина // Советское прошлое и культура настоящего. — Екатеринбург, 2009. — Т. 2. — С. 120—131.

Купина, Н. А. Речевой портрет современного уральского политика / Н. А. Купина // Политический дискурс в России : материалы 10 Всерос. юбил. семинара. — М., 2007. — С. 129—139.

Романова, Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика / Т. В. Романова // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 109—117.

АТЬМАН Ольга Вячеславовна

г. Волгоград, Россия

**ПОВТОР КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
(на материале текстов субботних радиообращений
президента США Б. Обамы)**

В настоящее время политическая лингвистика остается одним из перспективных направлений, а появляющиеся научные работы как результат плодотворных исследований в этой области свидетельствуют о неиссякаемом интересе к изучению разных граней этого явления. Одна из таких граней — политический дискурс — отражает происходящие процессы в политической коммуникации, позволяющие осознать этапы развития любого современного политического общества. Все чаще появляются исследования, посвященные описанию жанров политического дискурса, типологизации лингвокультурных концептов, вербализуемых в политическом дискурсе, метафоризации политического дискурса и др. Предметом нашего исследования является дискурс субботнего радиообращения президента США, относящийся к интегральным жанрам политического дискурса и до настоящего времени еще не рассматривавшийся в современной литературе по политической лингвистике. Объектом исследования выступает повтор как лингвостилистическое средство актуализации рекуррентных концептов в дискурсе субботнего радиообращения президента. Под рекуррентными концептами мы, вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, понимаем актуальные, важные или популярные в тот или иной период развития политического общества концепты, номинируемые частотными лексическими единицам [Попова, Стернин, 2007: 148—149].

Наше исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе мы провели содержательно-тематический анализ текстов субботних радиообращений президента США Б. Обамы, что позволило нам выделить две группы актуальных для субботних обращений тем. К первой группе мы отнесли так называемые «постоянно затрагиваемые президентом темы», к ним относятся темы «Америка/America», «Президент/President», «Безопасность/Security». Объяснить это можно следующим образом: президент обращается к теме «Америка», поскольку является главой американского государства, находится на страже национальных интересов, защищает и оберегает американскую нацию; «президентская» тематика постоянно присутствует в субботних радиообращениях с целью подтверждения статуса оратора, который является представителем высшей политической власти и гарантом государственной стабильности и благопо-

лучия; и, наконец, тема безопасности является актуальной для Соединенных Штатов на протяжении многих лет, президент затрагивает темы различного рода безопасности, в том числе национальной безопасности, экологической безопасности, безопасности в сфере здравоохранения, безопасности продуктов питания, безопасности законодательной системы и др. Во вторую группу были включены темы «Демократия/Democracy», «Свобода/Freedom», «Выборы/ Elections» и ряд других, обсуждение которых зависит от тех или иных социально-политических событий, происходящих в государстве.

О содержательно-тематическом наполнении субботних радиообращений можно судить по наличию определенных лексических единиц, которые являются именами актуализируемых концептов. Соответственно, на втором этапе нашего исследования в текстах субботних радиообращений президента США мы выявили определенный набор рекуррентных единиц, репрезентирующие актуальные для дискурса субботнего радиообращения президента США концепты. К их числу мы отнесли следующие лексические единицы, и, соответственно, репрезентируемые ими концепты America, Safety, President. В ходе проведенного лингвоконцептологического и лингвостилистического анализа текстов дискурса субботнего радиообращения мы установили, что повтор и его разновидности являются не только одним из наиболее продуктивных лингвостилистических средств, но и средством репрезентации рекуррентных концептов дискурса субботнего радиообращения, повышения степени их актуализации, «излюбленным» средством, применяемым президентом с целью воздействия на американских радиослушателей. Таким образом, из общего массива текстов субботних радиообращений общим объемом примерно 80 000 знаков мы выделили повторяющиеся рекуррентные единицы, которые являются репрезентантами актуализируемых президентом США концептов America, Safety, President:

1. America, American, Americans, ordinary Americans, American people, millions of Americans, young Americans, American consumers, working Americans, every American, United States of America, American businesses, American economy, America's infrastructure, American institutions, success of America (46 % от общего количества примеров).
2. Safety, safe, safe-keeping, safely, public safety, safety of medicines, food safety, safety laws, safety system, protecting the safety (29 %).
3. President, presidential, presidential memorandum, next President, your President (25 %).

Предполагается провести дальнейшее лингвоконцептологическое исследование дискурса субботнего радиообращения, выявить концепты, образующие концептосферу этого дискурса, а также описать их понятийные, образные и ценностные составляющие.

Литература

Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — 314 с.

Barack Obama's Weekly Radio Addresses. URL: <http://www.whitehouse.gov/briefing-room/weekly-address> (дата обращения: 10.07.2011).

БАБЕНКОВА Елена Александровна

г. Саранск, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ АМЕРИКАНСКОГО ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Семантически ориентированные исследования, проведенные на основе обширного корпусного материала, занимают значительное место в общем объеме работ по политической лингвистике. В этом смысле в качестве материала исследования представляет интерес американский инаугурационный дискурс, содержательная сторона которого вызывает определенного рода споры и разногласия среди его исследователей.

Жанр инаугурационного обращения традиционно классифицируется как один из наименее динамичных жанров. Одной из причин является высокая степень ритуальности, выражающейся в исторически устоявшейся традиции, строго упорядоченной последовательности исполнения действий и значительной символичности всей процедуры инаугурации нового президента [Дотдаева 2009: 120]. Это дает исследователям основание констатировать низкую информативность этого жанра. Отсутствие новизны в продуцируемом тексте, обязательно перемещает фокус внимания адресата на другие его компоненты, релевантным оказывается не столько содержание высказывания, сколько сам факт его произнесения [Шейгал 2000]. Таким образом, инаугурационная речь традиционно относится к жанрам с преобладанием фатической составляющей. Такое толкование подразумевает повторение того, что уже известно аудитории, принципиально отказывая в возможности появления новизны.

Однако категоричное отнесение инаугурационных речей к лишненным информативности жанрам вызывает ряд возражений. Так, Ф. И. Дотдаева считает, что «если бы инаугурационные речи не стимулировали мысль, не бросали вызов, не содержали никакой новизны, они не приковывали бы к себе столь пристального внимания граждан государства, чей президент выступает с инаугурационным

обращением, а также правительств и народов иностранных государств. Напротив, кроме традиционных, можно сказать, формальных стандартно-возвышенных оборотов, инаугурационное обращение содержит политические ориентиры и приоритеты, которыми глава государства собирается руководствоваться в течение срока своего президентства.» [Дотдаева 2009: 120] Данная точка зрения представляется обоснованной и весьма объективной. Традиционность жанра инаугурационного обращения не может отрицать вариативность и разнонаправленность его общего семантического пространства.

С целью определения концептуальных параметров семантического пространства американского инаугурационного дискурса была предпринята попытка компьютерного анализа лексико-семантической структуры всего корпуса текстов инаугурационных речей американских президентов. Результат проведенного исследования позволяет с одной стороны констатировать наличие определенного общего лексического поля в семантической структуре инаугурационного дискурса, эксплицирующегося посредством ряда лексических единиц, имеющих наибольшую степень частотности в исследуемом текстовом пространстве.

С другой стороны, имеются основания утверждать определенную степень вариативности семантической структуры исследуемого материала, вытекающей, во-первых, из различной контекстуальной и коннотативной нагрузки выделенных слов и, во-вторых, из-за диахронической дифференциальности в их употреблении. В частности, после обработки корпуса и уменьшения размерности данных с целью удаления из него контекстуально незначимых слов (*stop words*), была выделена группа лексических единиц, чаще других употреблявшихся в инаугурационных обращениях американских президентов. Первые пять позиций в данной группе занимают следующие слова: *government, people, nation, state, country*. Очевидно, что данные лексические единицы объективно могут быть отнесены к семантическому полю «государство» с субполями «народ» и «правительство». Подобная частотность выделенных слов, несомненно, обусловлена общей интенциональной направленностью инаугурационного обращения, эксплицирующей общую политику государства и роль правительства и народа в ее осуществлении.

Вместе с тем, привлекает внимание тот факт, что частотность употребления выше обозначенных слов президентами меняется в диахронии. Так, результаты анализа показывают наиболее заметное снижение частотности слова *state*, и активный рост употребляемости слова *nation*. Данный феномен может быть интерпретирован как следствие влияния ряда эстралингвистических факторов на лексико-семантическую структуру инаугурационного дискурса, а именно ориентация речи на текущую общественно-политическую обстановку.

Этот факт может объяснить значительный рост частотности лексемы *nation* в эпоху обострения национальных проблем во внешней и внутренней политики США.

Литература

Дотдаева Ф. И. Языковые средства манифестации функций инаугурационного обращения президента США // Вестник ПГЛУ. 2009. №3. С. 120—125.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. — Волгоград, 2000.

БЕЛЯЦКАЯ Анастасия Александровна

Саранск, Россия

АКСИОЛОГИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КАК ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

(к вопросу о ценностных основаниях лингвокультуры)

Развитие лингвокультуры как средства объединения современного мира, разобщенного экономическими, политическими и религиозными интересами, представляет собой одно из актуальных направлений языковой политики. Наиболее проблемный аспект языковой политики — аксиологический. Со времен крушения вавилонской башни перед человеком по-прежнему стоит задача выбора не языка ради языка, но языка как средства хранения и распространения духовных ценностей, опорных в общей стратегии выживания человечества и обеспечивающих собственно творческие основания его культурной эволюции.

Механизмы формирования единого лингвокультурного пространства, обеспечивающие лингвокультурное развитие общества на определенном историческом этапе, во многом обусловлены стратегией культурно-языковой политики.

Осмысление культурно-геополитических процессов сегодняшнего времени позволяет нам выделить ключевые бинарные оппозиции развития лингвокультурного пространства современности: полилингвизм — монолингвизм; уникальная национальная идентичность — интегрирующаяся планетарная идентичность; индивидуализм — синергия; экологизация языка — заимствования; вербальная ассерция — вербальная агрессия. Векторы, направляющие лингвокультуру по пути индивидуальной экспансии, чрезмерной традиционализации, национализации, разобщения лингвокультурного пространства зачастую обусловлены корпоративностью геополитических интересов.

Ключевой оппозицией, находящейся в фокусе нашего внимания, является пара «индивидуальная лингвокультурная экспансия — синергетическое лингвокультурное взаимодействие».

Обращение к современным законодательным и нормативным документам, содержащим направления, цели и задачи языковой политики развитых и развивающихся стран мира, позволяет заключить, что сегодня преобладает лингвокультурное развитие по принципу индивидуалистической глобальной языковой экспансии — когда один язык (английский), распространяясь на различные культурные территории, внедряет ценностные концепты западного мира. К примеру, в Индии функционирует Всемирная Ассоциация Литературоведения на Английском Языке (World Association for Studies in Literatures in English (WASLE)), пропагандирующая английский язык как источник единения человечества и инструмент передачи жизненных истин.

К сожалению, через английский язык проникают и разрушительные информационные структуры, внедряются концепты корпоративной культуры индивидуалистов, навязывается психология социал-дарвинистского успеха, агрессивного игрового пространства, рыночных отношений. Пропаганда индивидуалистической материальной эгоцентрической парадигмы и договорных отношений в политическом, экономическом, образовательном, социальном дискурсах приводят к обесмысливанию человеческого *со*-общества, уже не способного к безусловному даропринятию и любви. Англоамериканская экономическая и политическая экспансия, по мнению современного русского писателя М. Веллера, не раз озвученному на телеканале «Культура», имеет и свое языковое воплощение.

Анализ языковой ситуации в современных развитых странах дает отчетливое представление о необходимости лингвокультурной синергии при условии сохранения уникальности развития каждого отдельного языка и творческих оснований каждой отдельной лингвокультуры (лингвозкологический аспект), а также ориентации на абсолютные духовные ценности при осуществлении языковой способности человека (аксиологический аспект).

Размышляя над ключевой проблемой языковой политики — сохранностью духовных начал лингвокультуры, — мы видим ее разрешение в преодолении оппозиционности развития лингвокультурного пространства и выведение в качестве приоритетных направлений языковой политики всех государств мира духовных ценностей. В творческом плане наиболее продуктивными для любой лингвокультуры будут поиски оптимальных механизмов текстовой вербализации новых смыслов и инокультурных реалий на родном языке. При этом различие способов номинаций в разных лингвокультурах обеспечит всемирной межкультурной коммуникации необходимое для ее плодотворного осуществления разнообразие.

Ощущаемая сегодня потеря творческих оснований культуры во многом связана с утратой ее способности к языковому воплощению абсолютных духовных истин. Необходим новый цивилизационный (с безусловным участием и при инициативе русского языка) подъем, за которым последуют и ужесточение норм языковой политики. Необходимо очистка русского языка и его текстовой лингвокультуры от иноязычной культурной экспансии. Вплетение в тексты родного языка иноязычных элементов вместо уже существующих является сегодня очень острым вопросом сохранности русского языка и культуры, их творческих и цивилизационных оснований. Соглашаясь с тезисом М. Веллера о том, что величие языка следует за величием народа, сегодня мы должны настаивать на обратном: величие народа, его политическая мощь последуют за духовным величием его языка, как уже неоднократно доказывали история и культура.

БОРИСКИНА Ольга Олеговна

Воронеж, Россия

КРИПТОКЛАССНЫЕ МЕТАФОРОНИМЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ

На этапе углубления и детализации теории политической метафорологии было проведено корпусное исследование метафорики англоязычного политического дискурса (с привлечением открытого национального корпуса американского английского языка *Open American National Corpus (OANC)*, корпуса современного американского варианта английского языка *Corpus of Contemporary American English (COCA)* <http://www.americancorpus.org/> (M.Davis), корпуса исторического американского языка *Corpus of Historical American English*, британского национального корпуса *British National Corpus (BNC)* <http://corpus.byu.edu/bnc>.

Проведенное исследование представляет собой попытку систематизации отдельных сведений о метафорическом поведении абстрактных имен с последующей реконструкцией наивной, стихийной (первичной) категоризации мира, выраженной в скрытом виде в системе именных криптоклассов английского языка. Криптоклассы именной лексики выявляются в языке благодаря языковой памяти о единственном доступном языке первоначальном, «дологическом»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Борискина О. О., 2011

способе категоризации внешнего и внутреннего мира человека — известном как метафоризация.

Если допустить, что метафоричность есть «единственный первоначальный способ <категоризации>, доступный языку» (Потебня 1905), то логично исследовать метафоризацию в контексте номинализации и классификации. Криптокласс представляет собой разновидность скрытой именной классификации, основания которой уходят корнями в недра номинационной категоризации, недоступной прямому наблюдению.

Попытки выявить криптоклассы английского языка показывают, что криптокласс отдельного языка отражает наивную когнитивную категоризацию мира лексико-грамматическими средствами конкретного языка.

Когнитивная однородность именного класса обусловлена действием закона аналогии, позволяющего категоризовать абстрактные явления и сущности по типу и подобию предметов, свойства которых мифологическое сознание выделяло как значимые. Такие свойства отражались в категориальных (семантических) признаках, которые социально абстрагировались в классификационных процессах в условиях мифологического познания действительности по законам «логики» мифа. Смысл когнитивной однородности криптокласса в том, что отдельные имена, которым присущ данный криптокласс, имеют разное лексическое значение, но их объединяет «прототипический категориальный признак», соотношенный с именным классом, реально выделяемый в имени или условно ему приписываемый по закону аналогии. Это значит, что класс составляют имена разной лексической семантики, обозначающие сущности и физического и психического миров, но моделируемые, или категоризируемые языком однотипно, по аналогии с эталоном. Таким образом, в криптоклассе представлены не только предметные имена, или имена-эталоны, но и имена, которым язык условно приписывает категориальный признак, и которые могут «менять класс» по законам метафоры (ср. «метафора — это всегда изменение класса» (Арутюнова 1976), назовем их *метафоронимы*.

Криптоклассный анализ отличается от лингвокультурологического или концептуального анализа (в смысле теории концептуальной метафоры). В работах, нацеленных на описание концептуальных метафор в качестве материала используется такой тип образного дискурса, который не поддается или плохо поддается корпусному исследованию. Напр., предложение *she was boiling* актуализирует метафору ГНЕВ это ЖИДКОСТЬ. Однако выражения такого типа являются неформатными с точки зрения корпусных запросов. Именно поэтому исследователи концептуальной метафоры опираются на свою интроспекцию или на результаты психолингвистического экс-

перимента (напр., концептуальный прайминг *conceptual priming*, *eye tracking* и т. п.).

Более реальный и «приземленный» способ исследования метафорики и, шире, категоризации, состоит в анализе метафорических словосочетаний. Как известно, метафорическая модель находит выражение в метафорических словосочетаниях, напр., *гнев хлынул на нее*, из которых можно сделать репрезентативную выборку для количественного анализа. Именно этот второй тип образного дискурса является предметом криптоклассного исследования, которое опирается в первую очередь на методы корпусной лингвистики.

Изучая метафорические выражения, мы получаем доступ к «скрытым» или забытым семам, которые актуализирует метафора, для того чтобы узнать больше о классификативных системах в целом и, в частности, реконструировать один из классификационных типов — эхо-семию (см. шкалу классификативности В. А. Виноградова, 1990).

Исследование позволило количественно оценить степень метафоризации абстрактных сущностей в английском языке (что представлено криптоклассными портретами имен), определить их значимость в наивной когнитивной категоризации опыта и подготовило статистическую базу для составления прогнозов дискурсивного поведения имен и расчета вероятности появления новых (авторских) метафор.

БОРОВИЦКАЯ Елена Николаевна

г. Киев, Украина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исследование *политической рекламы* является довольно сложным и неопределенным без конкретных методологических принципов ее исследования, через ее интенсивную специфику — достижение конкретных результатов в определенный максимально сжатый срок.

Политическую рекламу рассматриваем как *социально-языковое* явление, имеющее статус дискурса, и следовательно, — как проблему политической лингвистики, — согласно *социально-прагматическим принципам анализа дискурса* [Боровицкая 2005: 8—10; Боровицкая 1998: 65—68; Боровицкая 2008: 317—321].

Рекламный текст как дискурс образуется в максимальном контексте коммуникативной ситуации, участниками которой являются и

заказчик, и исполнитель, а также и такие социальные структуры, как государственное учреждение, которое контролирует, и выступает цензором рекламной деятельности, консультанты (специалисты), потребители (читатели рекламы), конкуренты, рекламные агенты. В процессе исследования рекламы следует уточнить цели, интересы, желания коммуникантов, их социальные роли, статус, позицию для получения конкретной модели дискурсно-рекламной деятельности; а также и другие различные социальные условия, в которых оценивается и сам дискурс (его нормативность, девиантность). Очень часто различные аспекты дискурса уточняют сами *принципы социально-прагматического анализа отклонений в дискурсе* [Боровицька 1998: 65—68; Боровицька 2008: 317—321] (политическая реклама всегда как коммуникативное явление). Следует отметить, что и отклонения в дискурсе могут употребляться как стилистически нормированные его единицы.

Еще всегда необходимо помнить, что рекламе свойственна и метафоричность, поэтому особую значимость *социально-прагматический анализ* приобретает при исследовании процессов метафоробразования [Боровицька 2005: 8—10]. Социальная метафора образуется путем интеграции социокоммуникативного смысла. Исследование *процессов метафоризации*, а также их учет при анализе, значимы в связи с рекламной деятельностью, причем не только при создании текста рекламы, но и для прогнозирования ее восприятия, оценки, эффективности и т. д. Процессы метафоризации значимы, поскольку рекламные тексты приобретают метафорическое значение и воспринимаются в различных социальных контекстах в различных стилях (вполне серьезная реклама, воспринята с юмором, иронией или сарказмом, — это «антиреклама»; например, *политическая реклама* накануне избирательной кампании). Ярким примером такой сомнительно удачной *политической рекламы* можно считать расклеенные повсеместно прозрачные предвыборные листовки с белоголубыми флагами накануне президентских выборов в Украине. Или еще одна реклама — «*ВОНА ПРАЦЮЄ*». Сразу же, благодаря соответственной изображенной символике, конструируется метафора. Восприятие этой метафоры с иронией, в нейтральном стиле или с юмором зависит от отношения к той или иной политической организации, лидеру и т. д. И как раз именно некоторое уточнение: «*ВОНА — це УКРАЇНА*», заключая в себе некий скрытый политический метафорический смысл, отнюдь не улучшает, а скорее наоборот, усугубляет восприятие такой же, как очевидно, сомнительно удачной рекламы. Политическая метафоричность должна всегда максимально уточняться прагматическим контекстом, чтобы была возможность принятия адекватных политических решений. Важен не абстрактный метафорический смысл, а столкновение его со значением

ситуаций, именно тогда обнаруживаем, как возникает восприятие метафоры в определенном стиле (*нейтральном, юмористическом, ироническом, саркастическом*). Даже стилизация рекламы под юмор еще не значит, что она будет восприниматься адекватно. Все зависит от прагматического контекста. Реклама, предназначенная для серьезного понимания, но воспринята с юмором, может уничтожить значимость рекламируемого товара (идеи — «*политическая реклама*»). Таким образом, проблема власти в данном случае абсолютно аналогична проблеме продажи товара. *Принципы социопрагматического анализа* способствуют критическому восприятию словосочетания «*политическая реклама*» именно как метафорического, а также обнаружению границ метафорического смещения, прогнозированию эффективности *политической рекламы (лозунга)* зависимо от восприятия ее в том или ином контексте. В словосочетании «*политическая реклама*» смысл самого термина «*реклама*», уже заданного в смысловой системе коммерческой деятельности, маркетинга (реклама — средство стимулирования продажи товара), дополняется (благодаря синтезу со смыслом термина «*политический*») смысловыми элементами структуры с области идеологии и пропаганды (обоснование, оправдание политической деятельности, использование власти, аргументы в борьбе за власть). Термин «*политический лозунг*», не метафорический, в отличие от термина «*политическая реклама*» не несет смысловой нагрузки репрезентации политического деятеля как товара, понимания «*политического пространства*» как рынка, политической партии как заказчика рекламы, «производителя» этого «товара» (такие смысловые компоненты метафоризации вне границ метафорического смещения); общие моменты (в рамках метафорического смещения). Цель — повлиять на решение (избирателя), «приобрести «товар» (легитимизировать «товар», например кандидата в президенты в определенной социальной роли), сделать этот выбор в условиях политической конкуренции, соперничества или даже конфликта. Смысл «*политической рекламы*» всегда схематизируется в контексте определенной идеологической (а не коммерческой) деятельности, коммерция здесь воспринимается как аполитичность («продажность политика»). Все эти особенности *социально-прагматической метафоризации* необходимо принимать во внимание как в теоретическом исследовании, так и в практической имиджмейкерской деятельности («паблик-релейшнз»).

В заключение, следует отметить, что особенно актуальными в контексте предлагаемой проблематики исследования видятся научные разработки украинского ученого Г. Г. Почепцова. Особого внимания заслуживают исследования вопросов создания положительно-го имиджа политического лидера, стратегии и тактики избирательных кампаний, *политической рекламы* и *антирекламы*, решения ак-

туальной проблемы манипулирования массовым сознанием [Почепцов 1997; Почепцов 1997].

Литература

Боровицька О. М. Політична реклама (соціально-прагматичний аспект). Вибори-2006 в контексті розвитку суспільно-політичних процесів в Україні. — Тернопіль, 2005. С. 8—10.

Боровицька О. М. Загальнофілософські проблеми соціальної прагматики // Генеза. Філософські студії. Спецвипуск журналу. — Киев, 1998. С. 65—68.

Боровицкая Е. Н. Социальная прагматика дискурса как междисциплинарное направление // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. науч. тр. — Челябинск, 2008. С. 317—321.

Почепцов Г. Г. Имидж и выборы. Имидж политика, партии, президента. — Киев: Адеф-Украина, 1997.

Почепцов Г. Г. Символы в политической рекламе. — Киев: Принт Сервис, 1997.

БРИНЕВ Константин Иванович

Барнаул, Россия

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА»

Норма 282 УК предусматривает ответственность за разжигание социальной ненависти и вражды. Эта часть нормы является наиболее обсуждаемой и критикуемой как в экспертном сообществе, так и за его пределами. Обсуждается, как правило, нечеткость и неопределенность понятия «социальная группа», при этом предполагается, что уточнение этого термина способно разрешить как проблемные вопросы, связанные с производством лингвистической экспертизы, так и проблемы, связанные с правоприменением. Тогда как относительно правоприменения в каком-то смысле эти предположения справедливы, хотя и ложны, к проблемам производства лингвистической экспертизы они не имеют никакого отношения.

Для ясности разделим эту проблему на две. Первая проблема, условно — дескриптивная — связана с тем, что в экспертных заключениях предполагается, что вопрос типа: «Являются ли милиционеры социальной группой?» разрешим эмпирически, и эксперт,

когда выполняет заключение при ответе на это вопрос, устанавливает именно факт, что такое-то (произвольное) объединение лиц представляет / не представляет собой социальную группу.

Однако выражение «Социальная группа — это объединение лиц любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями» не является утверждением о факте, но представляет собой определение, левая часть которого не имеет никакого значения. Особенно это понятно на фоне возможных иных или непохожих определений словосочетания «социальная группа». Возьмем, например, другое определение и сравним его с первым:

1. «Социальная группа — это объединение лиц, любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями».

2. Социальная группа — это объединение людей, основанное на их общем участии в некоторой деятельности, связанное системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.

Эти два утверждения при их небольшом отличии относительно утверждений о фактах являются высказываниями о существовании. Данные определения могут быть трансформированы в следующие высказывания, которые, несмотря на их неопределенность, вероятно, истинны.

В первом случае мы имеем: *существуют объединения лиц, относительно устойчивые совокупности людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями.*

Во втором: *существуют объединения людей, основанные на их общем участии в некоторой деятельности, связанные системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами.*

Из этих двух высказываний нельзя в логическом и эмпирическом отношении вывести ни одного значимого высказывания, кроме тавтологических, тех, которые будут основаны на синонимических преобразованиях каких-либо компонентов этих высказываний.

Левая часть определений, которая представлена словосочетанием «социальная группа», не имеет для фактической стороны дела никакого значения, левая часть с точки зрения номинализма — это ответ на вопрос: «Как мы будем называть любую относительно устойчивую совокупность людей?», тогда как предполагается, скорее, что правая часть — это ответ на вопрос: «Что такое социальная группа?» Отметим, что это типичный эссенциалистский вопрос, который не имеет эмпирического содержания.

Если мы начнем сравнивать два определения в аспекте правильности (какое из определений более правильно?), то мы будем,

очевидно, решать вопрос о том, какая из ситуаций заслуживает названия «социальная группа». Мы сомневаемся в продуктивности этого вопроса относительно установления фактов, значимых для разрешения дела по существу.

При разрешении вопроса о том, что такое социальная группа, мы «сдвигаем» проблему не в сторону установления фактов, а в сторону содержания словосочетания «социальная группа», другими словами, в сторону толкования конкретной нормы. При таком подходе эксперт неизбежно осуществляет юридическую квалификацию фактов в том смысле, что предикат «быть социальной группой» становится основой принятия юридического решения. Таким образом, эксперт начинает решать проблемы толкования права, которые имеют правоприменительные последствия, тем самым он выходит за пределы своей компетенции.

БУДАЕВ Эдуард Владимирович

Нижний Тагил, Россия

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ РОССИЙСКОЙ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРИКИ

На современном этапе развития политической лингвистики отмечается повышенный интерес ученых к анализу когнитивных метафор. Интерес этот настолько велик, а количество публикаций столь многочисленно, что исследователи все чаще выделяют политическую метафорологию в отдельную область лингвистических изысканий. Вместе с тем подавляющее большинство публикаций в этой области ориентировано на синхроническое изучение политических метафор. В связи с этим недостаточно изученными остаются диахронические аспекты функционирования политической метафорики, в том числе вопрос о динамике метафорических моделей.

На наш взгляд, большой гносеологический потенциал для изучения динамики политической метафорики содержит метод фрагментации дискурса, суть которого заключается в разделении анализируемого периода времени на определенные сегменты, параметры которых планируется сопоставлять.

Фрагментация дискурса бывает фокусной и равномерной. При фокусной фрагментации исследователь сравнивает особенности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Будаев Э. В., 2011

дискурса, хронологически предшествующего определенному политическому событию, а затем сопоставляет эти данные с данными, полученными при анализе дискурса, актуализированного после рассматриваемого события. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Шаг фрагментации может быть различным. Он может быть равен году, месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о темпоральных изменениях метафорики. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации (комбинированная фрагментация).

Рассмотрим гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации на примере анализа российской морбиальной политической метафорики периода президентства В. В. Путина. Для этого применим разный шаг фрагментации (шф) к одному и тому же текстовому материалу, а затем сопоставим результаты исследований.

В качестве материала исследования послужил электронный корпус российской прессы, включающий в себя тексты статей из 314 периодических изданий за 8 лет. Единицей корпусного анализа является газетная статья, тематика которой связана с политической, экономической и общественной жизнью современной России. Нижняя граница выборки датируется 1.1.2000 г., верхняя — 31.12.2007 г. (данные границы приблизительно совпадают с периодом президентства В. В. Путина).

Для исследования с шагом фрагментации, равным одному году, использовался корпус текстов, разделенный на восемь групп в соответствии с годом публикации. (по 8 400 текстов в группе). В результате выборка составила 67 200 текстов. В данных текстах на основе сплошной выборки фиксировались метафорические контексты, объединяемые сферой-источником БОЛЕЗНЬ, которую традиционно относится к одной из наиболее «чувствительных» к дискурсивным условиям сфер-источников. При подсчетах не учитывалась та незначительная группа морбиальных метафор, которая актуализирует мелиоративные смыслы. Полученные для каждого сегмента показатели сопоставлялись между собой.

Как показали результаты анализа, уровень морбиальной метафорики планомерно снижается от 2000 г. к 2006 г., а в 2007 г. отмечается незначительный рост (по сравнению с 2006 г.). Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е гг. метафорическая модель СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ — ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ относилась к доми-

нантным метафорическим моделям, то в начале XXI века наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

На втором этапе исследования проводилась равномерная фрагментация политического дискурса с шагом, равным сезону (трем месяцам). При таком шаге фрагментации тенденция обнаруживается другая закономерность. Колебание уровня метафор болезни имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний в зависимости от года — на зимние, весенние или осенние периоды.

Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

С помощью комбинированной методики равномерной фрагментации удалось проследить динамические закономерности корреляции метафор болезни и ряда экстралингвистических факторов. Анализ показал, что частотность метафор из сферы-источника БОЛЕЗНЬ находится в зависимости, с одной стороны, от тенденции развития политической и социально-экономической ситуации, с другой — от геоклиматических условий проживания определенного лингвокультурного сообщества. Эти две группы экстралингвистических факторов одновременно воздействуют на динамику российской морбиальной метафорики.

Применение комбинированной фрагментации позволяет отобразить многофакторное воздействие экстралингвистических факторов на метафоры болезни и показать эвристический потенциал когнитивно-дискурсивных подходов для методологической эволюции политической метафорологии.

**БУЛЫГИНА Елена Юрьевна,
ТРИПОЛЬСКАЯ Татьяна Александровна**
Новосибирск, Россия

ВЫЯВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Проблема экстремизма в печатных и электронных СМИ является одной из наиболее острых и актуальных для лингвистического экспертирования (А. Н. Баранов, Ю. А. Бельчиков, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, С. Н. Кузнецов, А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин и др.).

Показательно, что сегодня и в социальных науках говорят о явлении явного и скрытого расизма: «...незамеченным остается тот факт, что расистские идеи в более „цивилизованном“, „окультуренном“ виде присутствуют практически во всех научных, учебных и публицистических текстах, претендующих на „объективность“ и следование нормам непредубежденного отношения к „другому“ (Исключение составляют академические тексты, авторы которых используют понятие „расизм“ в западном смысле)» [Расизм в языке социальных наук 2002: 6—7].

Поставленная социологами проблема привлекает особое внимание к так называемой имплицитной или подтекстовой информации и способам ее выявления. В публицистических, научных и бытовых текстах часто используются вполне нейтральные слова и выражения для сообщения о неполноценности, враждебности, подчиненном положении какой-либо социальной, конфессиональной или национальной категории людей в обществе.

Извлечение и интерпретация имплицитной информации представляет наибольшую сложность для эксперта; непросто также обнаружить эту информацию и тому, кто готовит постановление или определение для назначения экспертизы.

К имплицитным приемам относятся следующие типы предъявления подтекстовой информации.

1. Оценочные «приращения» смысла у слов с нейтральным значением: например, немотивированное упоминание при имени собственном национальной, расовой и конфессиональной принадлежности лица актуализирует семантику «свой — чужой» с соответствующими оценочными коннотациями. Ср.: *Помимо упомянутых выше «террористов», перед российским правосудием предстанут: опять же чеченец Магомат Нуралиев, чью принадлежность к бандформированиям Рушайло доказать не смог, а также армянин Арам Атанесян* (Время МН, январь, 2003).

2. Употребление метафор, в том числе и индивидуально-авторских (метафору рассматривают как косвенный речевой акт [Серль 1990]). Для языка современных СМИ характерны метафоры, связанные с понятийными сферами «театр», «цирк», «игра», «спорт», «война», «болезнь», «строительство», «мир животных», «мир растений» и др. [Чудинов 2001]. Применительно к экспертируемым текстам экстремистского содержания следует говорить, в первую очередь, о реализации метафорических моделей «болезнь», «война», «криминал» и «насилие», которые характеризуются отрицательными оценочными смыслами. Ср.: *Это было воспринято большинством рижан как **чужеземная агрессия**, которую надо остановить* (Энэм/Истина. №3, апрель 2006); *Для демонстрации своей силы израильтяне устроили мне **«показательную порку»** в прессе и на телевидении* (Русская Сибирь. № 4 (79), июнь 2003).

3. Намеренное использование слова в несвойственном ему значении. Этот процесс наблюдается при использовании слов или словосочетаний, которые имеют особую идеологическую окраску: *национализм, шовинизм, либерализм, демократия, космополит, диссидент, западник, исламист, куклуксклановец, сионист, расист* и др. В них содержатся оценочные смыслы, отражающие систему ценностей и мнений современного общества. Попытка изменить традиционное представление о явлениях действительности, отраженное в слове, показывает стремление говорящего/пишущего воздействовать на адресата, манипулировать им. Личностные смыслы преподносятся как общеизвестные и навязываются адресату: **Национализм — это любовь к своей нации и забота о ней** (Русская Сибирь. № 5 (80), июль 2003), тогда как в словаре *национализм* — это «идеология и политика, направленная на разжигание национальной вражды под лозунгом защиты своих национальных интересов и национальной исключительности» [СО 1975].

Литература

Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов [и др.]. — М., 1994. — (РАС).

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. — М., 1975. — (СО).

Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. — СПб., 2002.

Серль Дж. Метафора, ирония, косвенные речевые акты / Дж. Серль // Теория метафоры. — М., 1990. С. 207—241.

Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981—1984. — (МАС).

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001.

БУШЕВ Александр Борисович

Тверь, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВИДЕНИЕ МИРА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Разработка указанной темы — политический дискурс в текстах с художественным заданием — представляется новаторским аспектом теории политического дискурса. Политический дискурс традиционно изучается в публицистике, периодике, в текстах агитационных материалов, речах. Некоторые из этих произведений представляются достигшими художественной цельности на нехудожественном материале (скажем, шедевры кинодокументалистики). Однако, связывая художественное и социальное, мы не можем не отметить целого ряда художественных произведений, имеющих политический смысл. Если отставить беллетристику, имеющую конъюнктурный характер, то проблема представляется неразработанной.

Импульсом к разработке указанной темы послужила встреча с В. А. Шенталинским. Когда-то полярник, зимовавший на острове Врангеля, спасавший белых медведей и написавший об этом несколько книжек, писатель стал открывать свою землю не только в пространстве (Арктика), но и в истории. Двадцать лет провел в архивах ФСБ на Лубянке, собирая материал о репрессиях в отношении писателей в СССР и проводя поиск рукописей, изъятых при арестах или оказавшихся в архивах ФСБ. Работа комиссии по репрессированным литераторам выявила, что речь идет о 3000 репрессированных литераторах, примерно половина из которых расстреляны. Писатель процитировал слова, что Россия убивает поэтов и рождает людей, готовых умирать за свои стихи. Судьбы поэтов всегда не просты. Но какой контраст с мирным филистерским существованием лириков в других странах, получающих хороший чек за свои вирши!

Работе комиссии сочувствовали Окуджава, Астафьев, Олег Волков, Чуковская, Солженицын. Небольшой временной отрезок конца восьмидесятых, когда с высочайшего позволения А. Яковлева эта работа оказалась возможной, желание работать В. Шенталинского совпало даже не с желанием руководства, а скорее с политическом конъюнктурой момента, выгодной руководству, резко менявшему курс. В контрапункте с этим находятся апатия и цинизм дня сегодняшнего, при этом уходят последние живые свидетели тех лет.

Трагический опыт миллионов жертв и сегодняшние знаки возрождения сталинизма. Архивы захлопываются, 80 % материалов вновь засекречены. «И прошлое как ящер, вползает в настоящее», — процитировал свои стихи В. А. Шенталинский.

Море бумаг предстояло ему превратить в море людей. Доносы под кличками, личные мольбы, окровавленные свидетельства пыток, карандашом помеченные истинные даты смерти, признания добытые под пытками и угрозами, море лжи, расстрельные списки.

Обэриуты, Гумилев, Флоренский, Мандельштам, Клюев, Бабель, Шаламов. Солженицын, Керсновская, Пильняк, Булгаков, толстовцы, Бердяев, Волошин, Н. Онуфриева, Н. Стефанович (писатель, оставивший художественные свидетельства своего предательства, выведший себя под именем Иуды), Д. Жуковский, М. Цветаева, Платонов, Пастернак, Киннигисер, Эрдман, Ахматова, Мейрехольд.

В архивах писателем найдены рукописи Платонова, неизвестные стихи Волошина, дневник Булгакова, письма Мейрехольда Молотову, по недосмотру оставленные и сохранившие описание пыток, которым он подвергался, биографические заметки Бабеля. Кладбище чувств, мыслей, талантов — ГУЛАГ той эпохи. Конечно, одновременно были и восторги по поводу Беломорканала, дачи, доносы, гонораны, продажность, демонстрации, распределение того, кому пост, кому пуля, кому премия.

«Над бездной можно только лететь». Так заканчивается книга В. Шенталинского. Просвеченные от кошелька до постели, писатели и их трагические судьбы осели документами самого громадного архива, не разобранным до сих пор.

Власть и художественная интеллигенция — все это известно, но как разоблачительна эта книга. Сталин и писатели, Сталин и театр — изученные темы. Сон разума, болезнь исторического беспамьятства, борьба за историю. Материал преобразил исследователя, увидевшего судьбы писателей в слезах, поту, крови. К исследованию неявных политических смыслов в их творчестве литературная теория еще не подступалась.

Приведем пример современного политически неангажированного поэта с мощным политическим смысловым миром. На встрече с поэтом Верой Павловой мой слух резануло стихотворение:

*где моя родина? —
возле родинки
у левой твоей ключицы.
Если переместится родинка —
родина переместится.*

Женский поэт, поэт-мистификация, гениальная пиарщица, человек Культуры, автор спектаклей в театре Практика — это все лики Веры Павловой. Но есть у неё политические размышления, и ее политический дискурс весомей строк какого-нибудь В. Зорина:

*Граждане Соединённых Штатов,
знаете, как мы живём в России? —
словно в ожиданье результатов*

*биопсии.
Станет ли диагнозом угроза?
Верить ли растерянной гадалке,
просыпающейся от наркоза
на каталке?*

Поэт осмысляет свою судьбу:

*Родина-мать зовёт:
Вера, иди домой!
Родина-мать суёт
посох с пустой сумой
и говорит: вперёд,
первенец гадкий мой!
Космы. Щербатый рот.
Пёстрый плат с бахромой.*

Поэт отождествляет себя с историей страны:

*Подарки. Тосты. Родственники. Подружки.
Стая салатниц летает вокруг стола.
Бабушка, у тебя была любимая игрушка?
Бабушка, ты меня слышишь? Слышу. Была.
Кукла. Тряпичная. Я звала ее Нэлли.
Глаза с ресницами. Косы. На юбке волан.
В тысяча девятьсот двадцать первом мы ее съели.
У нее внутри были отруби. Целый стакан.*

Загадочная «идентичность» находит свое перевыражение в стихах В. Павловой:

*Жуть. Она же суть. Она же путь.
Но года склонили-таки к прозе:
Русь, ты вся — желание лизнуть
ржавые качели на морозе.
Было кисло-сладко. А потом
больно. И дитя в слезах бежало
по сугробам с полным крови ртом.
Вырвала язык. Вложила жало.*

Поколение восьмидесятых автор описывает так:

*Не знали, что такое зависть,
глотали комплексный обед,
одною «Правдой» подтирались
и веровали: Бога нет.*

И эффект этой лапидарной строфики посильнее некоторых книг.

Ван Личжи

г. Чанчунь, КНР

Руженцева Наталья Борисовна

г. Екатеринбург, Россия

МАНИФЕСТАЦИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В КИТАЙСКОМ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время идет активное изучение различных видов дискурса: газетно-журнального, политического, рекламного, педагогического, дискурса Интернета и других. Дискурсивные разновидности отличаются не только временной протяженностью и национальной спецификой, но и совокупностью представленных в рамках того или иного дискурса текстов. Под историко-политическим дискурсом мы понимаем совокупность текстов ретроспективной тематики и политической направленности, взятых в широком контексте их текстопорождения и текстовосприятия, написанных в рамках научно-публицистического подстиля речи и опубликованных в виде научных, учебно-научных и публицистических трудов.

Авторская позиция реализуется в тексте на уровне его содержательно-формальной организации и манифестируется: выбором темы и проблемы, отбором информации о политике; структурой (композицией) текста, с помощью которой оценочная информация располагается наиболее выгодным для формирования мнения способом; системой речевых средств (оценочной лексикой, метафорой и метафорическими выражениями, прецедентными высказываниями, средствами различных уровней языковой системы (фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса), а также такими единицами, как мифологемы, идеологемы, аксиологемы; возможностями функционального стиля и избранного типа речи, например, системой аргументированных или неаргументированных, эксплицитных или имплицитных суждений и выводов о политике или политической ситуации и их обоснованием и фоновыми сведениями, усиливающими аргументацию.

Авторская позиция соотносится и с коммуникативно-прагматическим планом текста и манифестируется субъектной организацией высказывания (образ автора, образ адресата-союзника или адресата-соперника, внутритекстовый образ оппонента, образ самого политика); коммуникативной стратегией и системой речевых тактик, используемых для реализации глобальной и локальной авторских

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Ван Л., Руженцева Н. Б.

интенций; пресуппозициями адресата; системой апеллятивов; ключевыми словами и выражениями, способствующими закреплению тех или иных смыслов в сознании адресата.

Манифестация авторской позиции в историко-политическом дискурсе имеет свои особенности, связанные с ретроспективной направленностью последнего и связью его со сферой исторических исследований, исторических документов и публицистикой. К этим особенностям можно отнести логичное построение текста под заданным идеологическим углом, четкую тезисно-аргументативную организацию текста, однозначные выводы, широкое использование идеологем, аксиологем, а также оценочной лексики, полистилизм — речевую ткань текста, сочетающую признаки научного и публицистического стилей.

И китайскому, и российскому историко-политическому дискурсу присущи вышеназванные особенности, однако манифестация авторской позиции в китайском историко-политическом дискурсе имеет свою специфику. Первой особенностью манифестации авторской позиции в китайском историко-политическом дискурсе является известное стремление к объективности и меньшая категоричность оценок. В исследованных нами текстах о культурной революции в Китае нет однозначного подразделения на «своих» и «чужих», друзей и врагов, полностью негативной оценки того или иного исторического периода, что является типичным признаком российского историко-политического дискурса. Так, например, оценка деятельности Сталина в 30-е годы целиком выдержана даже в современных источниках в негативном ключе:

На новом витке развития были воспроизведены характерные черты самодержавно-государственно-крепостнического феодализма (деспотическая власть, опирающаяся на бюрократию, определяющая роль государства в общественных отношениях, закрепощение сословий, полное господство марксистской идеологии, фактически заменившей религию в духовной сфере [Горинов 1997].

В свою очередь, автор китайского текста о периоде культурной революции не столь категоричен в оценке деятельности Мао Цзедунa: *Несмотря на то, что Мао Цзедун совершил во время культурной революции серьезные ошибки, вся его жизнь и деятельность свидетельствует, что его заслуги перед революцией значительно превосходят допущенные промахи [Сунь 2009].*

Второй особенностью китайского историко-политического дискурса является его иная речевая организация. Как свидетельствует анализ подстрочного перевода с китайского языка текста о периоде культурной революции, текстовое представление этих событий отличается особой метафорикой: это «стершиеся» метафоры и метафорические выражения, метафоры-штампы, речевые клише (*развернуть за спиной Мао Цзедунa широкую деятельность, принесшую*

бедствия стране и народу, нанесен тяжелейший урон и серьезный ущерб, разгромить контрреволюционную группировку, вступить в новый исторический период развития, по настоящему требованию всей страны, величайший перелом в жизни всей страны, китайский народ открыл путь социализма с китайской спецификой, облик Китая претерпел существенные перемены и др.).

Наконец, важнейшим ключевым словом в китайском историко-политическом дискурсе является слово НАРОД и его производные, ставшее, по сути, идеологемой, перешедшей из публицистического дискурса в историко-политический: *китайский народ, жизнь народа, широкие народные массы, непреходящее значение для страны и народа, польза и выгода для народа и др.* В свою очередь, в российском историко-политическом дискурсе это слово используется гораздо реже, а исследователи медиатекстов (политического дискурса) даже не включают его в разряд ключевых (см., например, коллективную монографию «Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах», в которой слово НАРОД не относится к списку ключевых даже авторами разделов «Ситуация обещания: эксплуатация ключевых смыслов в предвыборных листовках» и «Переключка стереотипов: положительная оценка в политическом портрете»).

В целом изучение способов манифестации авторской позиции в политическом и историко-политическом дискурсе Китая, в сопоставлении с аналогичными российскими дискурсами, заслуживает серьезного внимания в связи с некоторыми важнейшими особенностями общественного сознания народов двух стран, сформировавшимися к началу нового столетия.

Литература

Горинов, М. М. История России / М. М. Горинов, А. А. Горский, А. А. Данилов — М. : Владос, 1997.

Майданова, Л. М. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах / Л. М. Майданова, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов ; УрГУ. — Екатеринбург, 2004.

Руженцева, Н. Б. Газетно-журнальные жанровые разновидности как формы связей с общественностью: политический и рекламный дискурс / Н. Б. Руженцева, Н. А. Гулиев. — Омск : ОМГИС, 2006.

Сунь, В. Страноведение Китая / Сунь Вэньфан. — Чанчунь (КНР) : ЦИРЯ, 2009.

ВИKTOPYK Елена Николаевна, СОБОЛЕВ Юрий Викторович
г. Красноярск, Россия

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЭТИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЯЗЫК И ИСКУССТВО

Репрессивная поэтика — понятие, фиксирующее различные феномены в культуре, существенным признаком которых является поэтизированная форма при «не-поэтическом» содержании. Репрессивная поэтика характеризуется монологизмом как замкнутой структурой, направленной не на развитие диалога, но, напротив, на невозможность взаимной коммуникации. При этом в ряде случаев репрезентанты репрессивной поэтики выступают под видом диалога, в основании которого лежит скрытый монолог — репрессивный диалог, главным свойством которого является навязывание репрессивного образа посредством «видимого» диалога, минуя прямое оппонирование (рациональный уровень). Репрессивный диалог — монолог, выступающий под видом диалога, неравноправный диалог. Этот диалог невозможен по определению, так как настоящая диалогическая коммуникация возникает при наличии двух равноправных логик (референта и адресата). В ситуации же диалога рациональной и обратной логик, первая оказывается репрессированной (подавленной), так как образ преодолевает — ломая — практически любой рациональный конструкт. Предлагается следующее определение понятия «репрессивный диалог»: репрессивный диалог — монолог, выступающий под видом диалога.

Дискурсивность репрессивной поэтики играет первостепенную роль в политическом языке, закрепляя в сознании словесный слепок происходящих событий: выдвижения конкретных программ, формулировки проектов и их реализация. Репрессивно-поэтический язык сам по себе — к чему бы он ни обращался — уже есть пропаганда, поскольку он подспудно навязывает, по словам Р. Барта, как «нечто очевидное и само собой разумеющееся» определенные идеологические предпосылки, которые, будучи изложенными в открытой форме, могли бы вызвать сомнение, негативную критику, отторжение или несогласие. Язык как речь, как литература (в широком смысле) является одной из форм репрессивной поэтики. И в этом смысле языковая структура более совершенна в качестве идеологического инструмента, нежели визуальная, что связано главным образом с его распространенностью; любой человек современного общества является носителем языка. Языковой репрессивный образ в тотальном реализме проявляется как в непосредственно поэтической языковой форме, так и в обыденной (на уровне разговорной речи).

Семантика тоталитарной репрессивной поэтики заключается не в изобретении новых понятий, но в восстановлении на основе единственно верной идеологии единственно верные значения и смыслы, искаженные в прошлом различными жаргонами.

В политическом дискурсе репрессивная поэтика проявляет себя в таких формах властной политики, как «заказные» статьи в средствах массовой информации, актуальные телевизионные передачи, события (заранее подготовленные властными структурами), а также непосредственные «обращения» представителей власти к народу. Особенно отчетливо это проявляется во время предвыборных кампаний, когда дискурс власти начинает работать совместно с формами политехнологических реклам (на материале и методах искусства), вследствие чего действенность репрессивной поэтики повышается; становится выше уязвимость *cogito* на уровне образа. Достаточно вспомнить в данном случае знаменитый тезис В. Ленина о кино как о «важнейшем из искусств» и высказывания А. Гитлера — повторяемые им многократно — о задачах и сущности изобразительного искусства.

Искусство соцреализма и национал-социализма, или — «тотального реализма» (термин И. Голомштока), является наиболее показательным примером слияния дискурсов власти и искусства, в котором отчетливо проявляет себя репрессивная поэтика. В тотальном реализме карнавальность (М. Бахтин) из «темного» превращается в «светлое», ясное, чистое, новые образы — это образы репрессивной поэтики, основанные на энтузиазме, динамике, действии, оптимизме, где толпа (изначально негативный образ) трансформируется в стройные ряды демонстраций, радостные трибуны на стадионах, хоры и танцевальные ансамбли. Репрессивная поэтика, будучи частью реальности — реальности властной системы — воспринимается субъектом как «особо показательный предмет системы вещей» (М. Фуко), в качестве некоего образа, предназначенного для нетранзитивного чтения. Происходит отождествление идеологической модели с существующей реальностью, а репрессивная поэтика создает ощущение прямой связи.

Как один из феноменов дискурса власти, репрессивная поэтика имеет большую область действия; выполняя одну из важнейших функций власти в процессе «нормализации» (М. Фуко) общества, посредством собственно-универсальной основы — репрессивного образа. Наиболее эффективна функциональность репрессивной поэтики в режимах тоталитаризма из-за отсутствия достойной оппозирующей силы и отлаженной структуры властной вертикали.

Репрессивная поэтика как универсальное понятие дает возможность анализа художественных форм различных тоталитарных систем с выявлением наиболее характерных черт как самого феномена

тоталитаризма, так и репрессивной поэтики в системе политического дискурса.

ВОЛКОВА Татьяна Александровна
Челябинск, Россия

РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современных исследованиях коммуникативная стратегия определяется как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, как план общения, творческая реализация которого допускает различные способы его осуществления [Иссерс 2006]. Коммуникативная стратегия представляет собой планирование в максимально обобщенном виде, выбирается в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации; стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам реципиента, на сочетание рациональных и эмоциональных аргументов [Чудинов 2006].

В основе исследования стратегий коммуникативного взаимодействия лежат положения о кооперативном и конфронтационном характере коммуникации, динамический характер взаимодействия субъектов, условия и мотивы возникновения дискурса. Комплексное исследование коммуникативных стратегий возможно с опорой на ряд параметров, объединенных в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода [Волкова 2010]. Модель охватывает следующие характеристики, выделяемые на уровне текста, уровне дискурса и уровне коммуникации: лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив); узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность); функции, типовые свойства и стратегии коммуникации.

Вслед за О. С. Иссерс с функциональной точки зрения мы выделяем основные (семантические / когнитивные) и вспомогательные (прагматические, конверсационные, риторические) коммуникативные стратегии [Иссерс 2006]. К реализуемым в дипломатическом

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Волкова Т. А., 2011

дискурсе коммуникативным стратегиям относится основная семантическая стратегия совместности (коммуникативные действия в конфликтных ситуациях), ряд вспомогательных коммуникативных стратегий: прагматическая стратегия самопрезентации, семантическая стратегия дискредитации, конверсационная стратегия неискренности [подробнее см. Волкова 2007]; прагматические эмоционально настраивающие стратегии; конверсационная стратегия контроля над распределением инициативы; риторическая стратегия убеждения.

Исследование реализуемой в дипломатическом дискурсе риторической стратегии убеждения может быть построено на основе тактик, выделяемых для аргументативной стратегии в политическом дискурсе [Паршина 2005]: тактика обоснованных оценок, тактика контрастивного анализа, тактика указания на перспективу, тактика иллюстрирования. Тактика контрастивного (сопоставительного) анализа реализуется в дипломатическом дискурсе в сопоставлении темпоральных характеристик, может быть совмещена с тактикой иллюстрирования (использование фактов, примеров, цифр), тактикой обоснованных рациональных оценок.

Тактика видения перспективы реализуется в рассмотрении того или иного решения с точки зрения возможных последствий (*«акцентировались потенциальные негативные последствия такого шага для международной безопасности и стабильности»*), результатов (*«этот договор позволил на прагматичной основе решить проблему пересечения границы в заливе судами двух государств, что будет способствовать развитию двусторонних связей»*), обусловленности перспективы (*«участие ЮАР в БРИКС <...> будет способствовать дальнейшему повышению его политического веса в мире, в том числе с учетом той важной роли, которую Южная Африка играет в Африканском союзе <...>»*).

Исследование реализуемых в институциональном дискурсе коммуникативных стратегий в рамках дискурсивно-коммуникативной модели позволяет определить стратегию перевода исходного текста, рассматривая коммуникативные стратегии в комплексе с другими параметрами текста, дискурса и коммуникации, учитывая возможности пересечения и комбинирования коммуникативных стратегий и тактик.

Литература

Волкова, Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Волкова. — Челябинск, 2007. — 231 с.

Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода : моногр. / Т. А. Волкова. — М. : Флинта ; Наука, 2010. — 128 с.

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 4-е, стер. — М. : КомКнига, 2006. — 288 с.

Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... докт. филол. наук / О. Н. Паршина. — Саратов, 2005. — 325 с.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 256 с.

ВОРОНЦОВА Татьяна Александровна

Ижевск, Россия

**НАРОД ГЛАЗАМИ ПОЛИТИКОВ
(репрезентация концепта *народ*
в современном политическом дискурсе)**

Значение СМИ в современном мире трудно переоценить. С одной стороны, СМИ — это своего рода посредник между человеком и миром: значительная, если не основная, часть информации, получаемая каждым из нас сегодня, опосредована СМИ. С другой стороны, СМИ — это отражение ситуации, существующей в обществе. С точки зрения процессов массовой коммуникации, СМИ обладают функциональной амбивалентностью: с одной стороны, отражают процессы, происходящие в коллективном когнитивном пространстве, репрезентируя социально значимые концепты, с другой — способны на это пространство воздействовать, участвуя в формировании социально значимых концептов.

В российском национальном языковом сознании одним из наиболее актуальных концептов является концепт *народ*. Ключевая номинация данного концепта *народ* активно употребляется в самых различных видах современного российского дискурса: политическом, бытовом и др.

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, *народ* — дискурсообразующий концепт политического дискурса. С позиций коммуникативно-прагматических, народ — это основной адресат политического дискурса, к которому, собственно говоря, этот дискурс должен быть обращен. Именно поэтому для политического дискурса данный концепт особенно актуален.

Как известно, основным способом выявления структуры и содержания концепта является анализ значений языковых единиц, их словарных толкований и речевых контекстов. Сложность опреде-

ния структуры и содержания концепта *народ* обусловлена тем, что номинация *народ*, согласно современным толковым словарям, передает несколько значений: 1) население той или иной страны; 2) нация национальность, народность; 3) основная трудовая масса населения.

Если смысловая зона «народ — национальная общность» (*русский народ*) имеет более или менее четкие границы, то границы смысловой зоны «народ — социальная общность» определить гораздо сложнее. Между тем именно эта смысловая составляющая номинации *народ*, как правило, «задействована» в политическом дискурсе.

Ответить на вопрос, что вкладывается сегодня в содержание данного концепта, в значительной степени позволяет анализ концепта *народ* в различных российских СМИ. Для анализа использовался материал теле- и радио-передач, интернет-изданий (2009-2011 гг.), имеющий политическую тематику. В качестве объекта исследования взяты высказывания известных политиков, журналистов, политологов. Анализ употребления номинации *народ* в значении «социальная общность», показал, что, используя номинацию *народ*, адресанты чаще всего транслируют следующие актуальные для политического дискурса смыслы:

- 1) *народ* пассивен, беспомощен, не способен действовать самостоятельно и активно. При этом адресант, как правило, позиционирует себя (или свою партию) как защитников и спасителей народа;
- 2) *народ* не ориентируется в политических проблемах. *Народу* нужна сильная власть, сильные политики;
- 3) *народ* имеет низкий интеллектуальный и культурный уровень. Основным источником информации для *народа* является телевидение, которому народ безоглядно верит.

Очевидно, что абсолютное большинство высказываний содержат имплицитную (реже эксплицитную) негативную оценку данного концепта.

При этом ни один из адресантов не идентифицирует себя с данной социальной общностью. *Народ* репрезентируется адресантами как более низкая социальная общность, чем та, к которой принадлежит он сам, но о которой, однако, он знает все (Ср. многочисленные высказывания типа: *народ хочет...; народу нужно...; народ не готов...; народ не может* и т. п.).

Следовательно, в современном политическом дискурсе, транслируемом СМИ, *народ* — это некая совокупность людей, которая занимает едва ли не самое низкое место в политической, социальной и культурной иерархии современного российского общества: пассивная, аполитичная, малокультурная.

Такая репрезентация концепта *народ* обуславливает явное коммуникативное противоречие: позиционируя народ как основного

адресата, а себя как «борцов за народное счастье», адресанты данного дискурса репрезентируют народ как некую общность, недостойную уважения.

ВОРОШИЛОВА Мария Борисовна

Екатеринбург, Россия

АДОЛЬФ ГИТЛЕР И ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ: ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

Одним из основных «орудий» экстремистского текста (понимаемого нами в рамках данного исследования как текста, выражающего экстремистские взгляды, или, пользуясь юридической терминологией, «призывающего к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающего или оправдывающего необходимость осуществления такой деятельности» [№114-ФЗ: <http://base.garant.ru/12127578/#1>]) является прецедентность. Тем более, что обращение к прецедентным феноменам — это один из юридических признаков экстремизма: «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» [<http://base.garant.ru/12127578>] в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» определено как экстремистская деятельность.

Обращение к прецедентным феноменам — это классический прием, который с одной стороны, позволяет ярче представить позицию автора, с другой стороны, усилить прагматическое воздействие текста.

Помимо этого необходимо учитывать, что прецедентные феномены традиционно соответствуют определенному лингвокультурного сообщества [см. подр: Красных 2002, Нахимова 2007], поэтому они:

во-первых, являются некими маркера принадлежности текста определенному дискурсу;

во-вторых, значение набор используемых в экстремистских текстах прецедентных феноменов ограничен;

в-третьих, семантика прецедентного феномена в различных сообществах может различаться, или, говоря иначе, в экстремистском дискурсе существует собственная традиция «прочтения» прецедентного текста.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Ворошилова М. Б., 2011

Самым ярким и известным примером, конечно, является свастика — один из самых древних и широко распространенных графических символов. У свастики в настоящее время выделяется много значений, и большинство из них положительны. Так, у большинства древних народов она была символом движения жизни, солнца, света, благополучия. Но в XX веке свастика получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в Западном мире стала устойчиво ассоциироваться именно с гитлеровским режимом и идеологией.

В современной культуре все чаще обращаются к древним истокам символа, так в русской рок-поэзии, данный образ используется на обложке группы «Алиса» «Солнцеворот»; в связи с увлечениями восточными религиями, нередко упоминается буддистский символ совершенства мандзы, внешне похожий на свастику.

В ходе исследования нами были классифицированы прецедентные имена, выделенные в экстремистских текстах.

1. Имена лидеров нацистских европейских движений, конечно данный список возглавляет имя Адольфа Гитлера;

2. Имена богов восточных славян: чаще всего упоминаются, Сварог и Перун. Обращение к данным именам направлено в первую очередь на провозглашение превосходства славянской расы.

3. Имена русских богатырей.

Самым востребованным и частотным в анализируемом дискурсе является имя Евпатия Коловрата - воеводы и Славянского богатыря, героя рязанского народного сказания XIII века, времен нашествия Батыя.

В анализируемом контексте данное прецедентное имя отсылает и к названию современной музыкальной группы, известной своими националистскими текстами.

Таким образом, прецедентные единицы могут служить некими маркерами экстремистского текста, но, конечно, специалист не вправе сделать вывод о принадлежности текста экстремистскому дискурсу, опираясь только на данный показатель, необходимо учитывать и иные признаки, не раз описанные в научной литературе.

Литература

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. — М., 2002.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : моногр. — Екатеринбург, 2007.

ФЗ №114 «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://base.garant.ru/12127578>.

ГАВРИЛОВА Марина Владимировна

Санкт-Петербург, Россия

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Цель данной статьи — экспликация идеологических предпочтений членов партии, представленных в предвыборной программе «План Путина — достойное будущее великой страны» (2007 г.).

Вслед за Т.А. ван Дейком мы рассматриваем структуру идеологии в виде «групповой схемы» (schema). В ее основании — базисные категории, благодаря которым знания (верования) выстраиваются в систему, идентифицирующую группу: критерии членства, типичная деятельность, цели, нормы и ценности, отношение к другим группам, ресурсы [Dijk 1998].

Результаты лингвокогнитивного анализа идеологических представлений членов партии «Единая Россия» (далее ЕР) представим в таблице.

Кто мы?	Политическая партия. Общественная сила. Опора президента. Добровольное объединение. Критерии членства: 1) разделяет программные положения партии, 2) поддерживает политику президента, 3) готов «обеспечить достойную жизнь нынешнему и будущим поколениям россиян», 4) добровольно вступил в партию объединение, 5) дорожит Отечеством. Широкая социальная база.
Типичная деятельность	Значимые категории: «настоящее — будущее», «протяженность» и «процессуальность». Частотны глаголы речи и умственной деятельности.
Цели	Достойная жизнь россиян. Россия — великая держава. Россия — лидер технологического процесса.
Ценности	Моральные, духовные, культурные.
Кто они?	Представлены имплицитно. Популисты, безответственные политики, безразличные к нуждам людей.
Ресурсы	Нравственные ценности народа. Природные ресурсы. Национальный лидер. Интеллектуальный потенциал россиян. Культура народов России. Программа действий «План Путина». Сама партия «Единая Россия».

Таким образом, идеологи считают необходимым эксплицировать следующие признаки партии: политическая партия, общественная сила, опора президента, добровольное объединение.

В программе ЕР при помощи языковых средств (номинация, синтаксическая позиция, метафорическая модель строительства, морфологические показатели, композиционные приемы и др.) подчер-

кивается активная роль партии в политическом процессе страны. Социальная база определена предельно широко.

Несмотря на то, что идеологи подчеркивают практическую направленность своих действий, реальные дела, вещность, глаголы, описывающие действия партии, относятся к сфере интеллектуального (идеального, нематериального) действия. Самая многочисленная группа глаголов — это глаголы говорения: *называть, констатировать, отчитываться, заявлять, убеждать, призывать, предлагать, выражать, обещать*. Далее следуют глаголы умственного действия: *понимать, считать, определить*. То есть НАШИ действия преимущественно связаны с производством речи и умственным процессом.

Идеологи концептуализируют деятельность партии в категориях «настоящее — будущее», «протяженность» и «процессуальность».

Отметим, что высказывания о целях являются принадлежностью многих политических текстов, имеющих декларативный характер. Нам представляется, что для политика цель — это набор параметров, характеризующих идеальный образ страны. Партия ЕР ставит перед собой следующие цели развития России: *«достойная жизнь россиян», «строительство России как великой державы», «лидерство России в технологическом процессе»*. Стратегия достижения целей сформулирована как *рывок, прорыв*. В данных словах наличествуют семы 'резкое порывистое движение', 'максимальные усилия в работе', 'неожиданность', то есть актуализируется мобилизационная стратегия.

Следует отметить, что, представляя результаты деятельности партии ЕР за прошедшие четыре года, идеологи упоминают достижения исполнительной власти, всей страны: экономический рост, снижение налоговой нагрузки, повышение минимальной оплаты труда и т. п. Иными словами, деятельность партии уподобляется деятельности всего народа.

Важными ценностями в представлении членов партии являются моральные и духовные основы народов России, их культура.

Мы наблюдаем исчезновение политических конкурентов в предвыборной программе партии.

Литература

Van Dijk, T. A. Ideology. A multidisciplinary study / T. A. Van Dijk. — London, 1998.

ГАЛИНСКАЯ Татьяна Николаевна

Оренбург, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Именно в СМИ наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка, которая реализуется посредством различных психолингвистических средств манипуляции: стратегий, тактик, в том числе и техник нейролингвистического программирования (НЛП) — психологического воздействия, изменяющего мотивацию людей путем введения в их сознание специальных лингвистических программ, усвоение содержания которых позволяет изменить в заданном направлении убеждения человека.

Цель нашего исследования заключается в изучении психолингвистического механизма манипулятивного воздействия массово-информационного дискурса на материале статей британских (The Times, Guardian, The Independent, Daily Mail, The Telegraph) и американских (The New York Times, The Washington Post, Chicago Tribune, Los Angeles Times, Wall Street Journal) печатных изданий. Анализ 53 аналитических статей, освещающих обстоятельства гибели правительственной делегации в результате авиакатастрофы борта № 1 Польши под Смоленском 10 апреля 2010 года, показал, что авторы представляют происшедшие события, оперируя такими стратегиями, как дискредитация, псевдоаргументация, фрустрация и героизация, которые, в свою очередь, реализуются посредством ряда тактик: «бездоказательное умаление авторитета», «агрессивный компонент», «совместное рассуждение», «апелляция к авторитету», «создание образа защитника», «подчеркивание высоких морально-этических качеств», «нагнетание отрицательных эмоций», «шокирование фактами».

Наиболее широко в анализируемых статьях представлена стратегия дискредитации, которая направлена на подрыв доверия читателя к кому-либо, чему-либо через тактики «бездоказательное умаление авторитета» и «агрессивный компонент». В исследованных нами статьях можно наблюдать процесс эксплицитной и имплицитной дискредитации России в глазах англоязычных читателей. С одной стороны, дискредитируется правительство РФ и ее политика,

прошлое и настоящее, с другой — техника и научно-техническое развитие.

В примере, приведенном ниже, Россия отчетливо дискредитируется посредством тактики «бездоказательное умаление авторитета» и указывается на то, что Москва не хочет признать *правильную* оценку историческим событиям весны 1940 г. в Катынском лесу: ***Moscow is sabotaging attempts to give a proper historical account. There was no breakthrough on Katyn.*** (The Independent, 13 April 2010). Использование автором конструкции **«a proper historical account»**, а не, к примеру, **«an objective historical account»** либо **«an independent historical account»**, указывает на то, что в данном вопросе необходима именно **proper** — *правильная* оценка и что Россия не может ее предоставить.

Умаление авторитета либо престижа со стороны западных СМИ является характерной чертой не только по отношению к российскому правительству и политике, но и по отношению к состоянию техники и развитию технологий, что наблюдается в следующем примере: ***It was not the first time the presidential plane — a 26-year-old Russian-made Tupolev-154 — had encountered difficulties. It had been grounded during a state visit to Mongolia 16 months ago owing to technical problems, leaving the Polish leader to charter a private jet for the next stage of his tour to Japan. There have been 16 crashes involving Tupolev-154s since 1994, killing 1,727 people, and Poles have been asking why their president was using an aircraft with such a poor safety record rather than fly with the Polish state airline LOT whose entire fleet is Western-made.*** (Daily Mail, 11th April 2010). В приведенном примере журналист делает акцент на возраст самолета, на то, что неоднократно возникали технические проблемы, в частности, во время полета в Монголию, после чего польскому лидеру пришлось воспользоваться услугами частных авиалиний. Использование конструкции **a 26-year-old Russian-made Tupolev-154** придает большей убедительности позиции автора. Однако в статье не указано, что президентский борт был оснащен самым современным оборудованием и недавно прошел диагностику. Также стоит отметить, что в данном пассаже тема авиакатастроф с Ту-154 широко развернута: перечислено количество происшествий (16 случаев с 1994 года) и общее количество жертв (1727 человек). Все вышеперечисленное убеждает нас в том, что основная интенция автора состояла не в поиске объективной истины, а в обвинении конкретных лиц. В другом примере, который представляет собой заголовок статьи, российский самолет Ту-154 сравнивается с летающим гробом: ***POLAND CALLED PLANES 'FLYING COFFINS'*** (Wall Street Journal, April 10, 2010), и такой негативный акцент создает у англоязычного читателя предвзятое отношение к качеству и надежности данной марки самолетов.

Таким образом, критика российского государства, его прошлого, настоящего и даже будущего, его политики на всех этапах исторического развития часто проявляется в западных и, в частности, англо-американских СМИ. В изученном материале при описании событий, связанных с гибелью президента Польши Леха Качиньского, преобладает стратегия дискредитации образа России. В ходе исследования было выявлено, что механизм манипулятивного воздействия англоязычного массово-информационного дискурса базируется главным образом на техниках нейролингвистического программирования.

ГЕВОРГЯН Мариам Вардановна

г. Кемерово, Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКИ МАНИПУЛЯЦИИ ЛЕКСИКОЙ ПРИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В СМИ

В настоящее время наблюдается тенденция к междисциплинарности современных исследований, политическая лингвистика — один из подобных примеров. Политика настолько тесно связана со СМИ, что исследования языка средств массовой информации невозможны без рассмотрения различных политических явлений. В настоящее время огромную роль играет то, как выглядит какой-либо политический лидер, событие или шаг именно в информационном пространстве. Главное место действия всех политических событий — СМИ. Именно исследования в области политической лингвистики дают возможность выявить новые тенденции, приемы, особенности, изменения, которые имеют место быть в языке в связи с различными событиями, явлениями, процессами в мире политики.

Часто исследования СМИ проводятся на базе анализа дискурса. Одним из самых распространенных дискурсов является массмедийный политический дискурс. Данная разновидность дискурса «создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться практики политиков и даже рядовых граждан» [Будаев, Чудинов 2006].

Анализ современного массмедийного политического дискурса позволяет выявить тенденции, а также различные лингвистические феномены, которые возникают в информационном пространстве. Так, в последнее время все чаще во многих источниках встречается термин «информационная война», который используется в различных значениях, одно из которых подразумевает представление одних и тех же событий с полярных точек зрения. Например, «в зави-

симости от точки зрения на мировую политику одни и те же действия могут быть подведены либо под категорию проявлений сепаратизма, либо под категорию борьбы за национальное самоопределение. Кроме того, одна и та же ситуация может быть подведена под категории разной степени конкретности/обобщенности» [Кобозева 2003: 230].

Рассмотрим примеры различной номинации политических лидеров из статей, посвященных теме предстоящих президентских выборов в России 2011года. Тема выборов обсуждается во многих источниках, но в каждом медиатексте по-разному номинируются сами политические лидеры. Так, В. В. Путин номинируется следующими словосочетаниями в различных зарубежных источниках: *the ex-KGB spy* (Russia will turn into an African-style tinpot dictatorship if Putin wins another term as president, warns Gorbachev // Dailymail.co.uk, 22.07.2011), *a former KGB agent* (Merkel Is Dancing With a Bear // nytimes.com, 21.07.2011), *powerful Putin* (Hedging Putin's Will // rferl.org, 20.07.2011), *Russia's paramount leader* (Ahead of Election in March, Putin the Reformer Steps Up // nytimes.com, 15.07.11), *Russia's powerful prime minister* (Medvedev wants to stay on as Russian president, says leading MP // guardian.co.uk, 01.05.2011).

Использование подобных лексических средств номинации премьер-министра РФ служит не только в целях информирования, но также построения определенного образа, который закрепляется за этим человеком. Например, указание бывшей должности Владимира Владимировича с использованием лексемы "spy" активирует в сознании читателей довольно отрицательный образ человека, который может обладать такими качествами, как хитрость, изворотливость. Такой человек обычно не внушает доверия и вызывает опасения. Общий образ, созданный с помощью вышеуказанных лексических сочетаний, определяет В. В. Путина как одновременно и опасного, и очень влиятельного лидера.

Безусловно, не все тексты ярко иллюстрируют ярлыки в оценочных номинациях политических лидеров, побуждая адресата речи воспринимать эту информацию в заложенном автором контексте. Многие медиатексты информируют, прибегая к нейтральному способу номинации. Например, В. В. Путин представляется следующим образом: *prime minister Vladimir Putin, Mr. Putin* (A new model army tears its clothes off for 'amazing' Putin // independent.co.uk, 18.07.2011), *Russian prime minister Vladimir Putin* (Russians swarm "the front" // globalpost.com, 23.07.2011; Putin Army urges Russian girls to strip off for PM // thefirstpost.co.uk, 18.07.2011). Таким образом, в приведенных выше примерах осуществляется нейтральная номинация с помощью имени и должности политического лидера.

Итак, в результате анализа текстов СМИ были выявлены примеры оценочной и нейтральной номинации политических лидеров. При

оценочной номинации минимальное количество лексических единиц позволяет имплицитно выразить большое количество информации о человеке, незаметно направить внимание читателя на определенный контекст, активируя в сознании адресата некий образ и ассоциации. Таким образом, возможен вывод, что манипулирование лексикой позволяет авторам медиатекстов имплицитно выражать оценку, активируя в сознании читателя необходимый образ явления или человека.

Литература

Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>.

Кобозева, В. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ / В. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. д-р филол. наук, проф. Володина М. Н. ; МГУ. — М., 2003.

ГОЛЕВ Николай Данилович

Кемерово, Россия

ОБЫДЕННАЯ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Представляемое научное направление входит в парадигму отраслей, изучающих наивное знание. В их числе — наивная лингвистика, наивное литературоведение, наивная медицина, наивная физика и т.п. — образующие открытый ряд. В этом ряду находится и **наивная (обыденная) политология**. Многие из названных дисциплин еще не оформились как самостоятельные научные направления, которые бы имели свой предмет, проблематику, материал и методы изучения, хотя разрозненные исследования ведутся по многим из подобных предметов. Несомненно, что в каждом из них присутствует и лингвистический компонент, поскольку наивное знание выражается в соответствующих дискурсах (дискурсивных практиках) и закрепляется в языковой системе в виде ее фрагментов, прежде всего лексико-семантических, являющихся фрагментами языковой картины мира.

Доклад представляет собой предваряющий очерк обыденной лингвополитологии, ее предмета и исследовательских возможностей. Он построен в русле актуализации предмета и соответствующих направлений его исследования.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Лингвокогнитивный аспект предполагает, с одной стороны, изучение обыденного политического сознания, проявляющегося в речевой практике, языковом материале и языковой системе, а с другой стороны, — изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы.

Обыденная лингвополитология в этом аспекте — отражение, например, в текстах-откликах рядовых носителей языка политических идей, отношения к ним в языковом коллективе, политического расслоения читателей, отраженное в языковой прагматике и семантике. В этом направлении лингвополитология призвана зафиксировать и описать основные политические концепты, мифологемы, фреймы обыденного сознания (типа «политика», «власть», «сильная рука», «мировая закулиса», «Сталин» и т. п.) и основные способы их языкового воплощения: лексемы, их вторичные значения, метаязыковые смыслы, прецедентные тексты, ассоциативные поля.

Обыденная металингвистика — частный аспект когнитивной лингвистики, связанный с изучением обыденного метаязыкового сознания. Метаязыковые рефлексии весьма типичны в контексте обсуждения политических вопросов. Они нередко возникают в дискуссиях рядовых носителей языка при необходимости уточнения смысла политических терминов или тезисов. Характерны рефлексии участников различных политических форумов по поводу языка первоисточника, культуры речи оппонентов, суждения о языке вообще и своем индивидуальном языке в частности, оценка качества перевода, углубление в этимологию терминов. Исследователь может актуализировать обыденное метаязыковое сознание в специально организованных опросах или в сконструированных диалогах.

Лингвистический интерпретационизм — еще одна разновидность когнитивной лингвистики — предполагает изучение механизмов интерпретации языковых объектов интерпретации: дискурса, текста и слов, происходящей в сознании пользователей языком, с точки зрения их целей, средств, и главное — результатов. Среди результатов наибольший интерес вызывает множественность интерпретации одного текста (слова). Политические тексты и лексика предоставляют лингвисту обширные интерпретационные поля и богатейшие возможности для изучения механизмов интерпретации.

Лингвоконфликтологический аспект составляет пересечение лингвокогнитивного и социолингвистического направлений. Наиболее эффективным материалом для изучения политического сознания является дискуссия, представляющая собой столкновение мнений и языковых личностей. Так, на многих политических форумах в Интернете ярко проявляется оппозиция «свое — чужое», в

котором отражается глубинное содержание практически любого политического конфликта на обыденном уровне. Изучение модусов и диктумов участников дискуссий в этом аспекте — благодатный материал для лингвистики. Для политологии — это фиксация истоков формирования различных сообществ, объединяемых по идеологическим пристрастиям.

Лингвоперсонология — пересечение когнитивной лингвистики, социолингвистики и лингвопсихологии — имеет целью изучение гендерных, профессиональных, ментально-психологических особенностей языковой личности и ее типов в данных аспектах. В области обыденной лингвополитологии предполагается, например, создание речевых портретов и типологий коллективных или индивидуальных участников политических дискуссий, изучение идиостиля отдельных блогеров (завсегдатаев обсуждений).

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Дериватологический аспект. В сфере политических дискуссий интерпретируемый текст (например, обсуждаемой статьи) и интерпретирующий текст («комменты» участников дискуссий) могут рассматриваться как первичный и вторичный тексты, изучаться радикальные и цепочечные связи фрагментов дискуссии, дерево и ветви обсуждения, особенности интертекстовой организации (цитирования, гиперссылки).

Стилистический и ортологический аспекты предполагают изучение политических текстов в их обыденной разновидности, сопоставление профессиональной и народной политической публицистики, профессионального и обыденного научного дискурса и текста. В плане ортология интерес представляет типология и персонология ошибок. В плане грамматики могут быть изучены особенности графики естественной письменной речи (особые знаки, сокращения, иноязычные вкрапления).

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Лингводидактика предполагает выявление психологически реальных смыслов изучаемых политических терминов и на этой основе корректировку учебных курсов в плане ориентации на перлокутивные принципы.

Лексикографический аспект обыденной лингвополитологии предполагает создание словарей обыденных толкований политических терминов, словарей политических концептов (в том числе ассоциативных словарей).

Риторика, суггестивная лингвистика, стилистика — изучение способов внушения и убеждения в сфере массовой политической коммуникации, тактик и стратегий манипуляции, формирования фреймов агрессии и толерантности в обыденных дискурсах.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИИ

Прямые (наблюдаемые) дискурсивные практики

- бытовые («на кухне», в автобусе);
- социальные (интернет, пресса); в докладе более подробно представляются особенности дискурсов на информационно-дискуссионном портале «Ньюсланд»
- мемуары, дневники рядовых граждан с политическим содержанием;
- школьные сочинения по социальной тематике.

Специально моделируемые дискурсивные практики

- эксперимент (металингвистический, ассоциативный);
- опрос.

Опосредованно отраженные дискурсивные практики (в различных источниках — художественной литературе, текстах СМИ). В качестве примера лингвополитического подхода к коммуникации в докладе рассматриваются дискурсивные практики телевизионного проекта «Имя Россия».

ГРИБАН Ирина Владимировна

г. Екатеринбург, Россия

«КОНТРОВЕРЗА ГОЛДХАГЕНА»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проблема соотношения памяти, прошлого и настоящего не раз в XX веке побуждала историков «скрещивать копыта». Особенно часто это происходило в Германии — стране, в которой появился уникальный по своей сути и значению для историографии термин «Vergangenheitsbewältigung» («преодоление прошлого»).

На протяжении 1980-2000-х гг. в Германии регулярно возникали историко-политические дискуссии, которые выходили за рамки общения профессионалов-историков и широко обсуждались общественностью. Наиболее масштабной и продолжительной была дискуссия, вызванная книгой американского социолога и политолога Даниэла Йоны Голдхагена «Верные пособники Гитлера: обычные немцы и Холокост»[9]. Появление этого труда в 1996 г. побудило немецкое общество в очередной раз вернуться к непростым вопросам из прошлого: как произошел Холокост и почему он стал возможным именно в Германии.

Голдхаген подчеркивал, что антисемитизм имел место и в других странах, однако только в Германии в 1930-е гг. были выполнены три условия: у власти находились самые радикальные антисемиты в истории, большинство населения не любило евреев, государство имело в распоряжении необходимые ресурсы, вследствие чего стало возможным развязывание войны и массовое уничтожение евреев. Голдхаген утверждает: обычные немцы убивали потому, что хотели убивать, это соответствовало их системе ценностей. В центре внимания Голдхагена — не жертвы, а убийцы, не «кабинетные преступники» (должностные лица, отдающие распоряжения о совершении преступления), а те, кто входил в состав айнзатцгрупп и полицейского батальона, был сотрудником охраны в лагерях, кто, как и солдаты вермахта, принимал прямое участие в акциях уничтожения. Главный вывод Голдхагена: немецкий врожденный (элиминаторный) антисемитизм был главной причиной Холокоста.

Тезисы Голдхагена вызвали бурную реакцию не только профессиональных историков, но и всего немецкого общества. Эта дискуссия была предельно политизирована. Ее особенностью стало то, что споры велись в основном на страницах средств массовой информации, которые обладают более сильным воздействием на людей, чем отдельные исторические труды, издающиеся небольшим тиражом. Начавшись в конце марта 1996 г., дискуссия развивалась с различной интенсивностью на разных этапах. Интересен тот факт, что в Германии дискуссия была спровоцирована еще до публикации переведенного на немецкий язык издания книги Голдхагена — критической статьей Ф. Ульриха [20].

После сдержанной критики в конце марта 1996 г. последовал бурный медиарезонанс, вызванный первой официальной публикацией отрывков книги Голдхагена в «DieZeit» [7]. Буквально за одну неделю были сформулированы основные контраргументы против версии Голдхагена: критике подверглись стиль изложения, игнорирование результатов предыдущих исследований, а также тот факт, что внимание автора сосредоточено на истреблении евреев, в то время как политика на оккупированных территориях, направленная на уничтожение славянских народов, игнорируется [5, 14, 12, 22]. Возмущение вызвал и главный тезис об элиминаторности немецкого антисемитизма. Либеральные и правые круги общественности и науки восприняли книгу Голдхагена как попытку возродить теорию о коллективной вине немцев за преступления нацизма [13].

Вторая фаза дискуссий началась после публикации книги Голдхагена на немецком языке (6 августа 1996 г.). В сентябре 1996 г. Голдхаген совершил турне по Германии и предстал в разных городах перед напором своих критиков. Во время этого турне («DieZeit» назвала его триумфальным) тысячи людей приняли участие в публич-

ных дискуссиях [19]. Преимущественно молодые представители левой и леволиберальной общественности горячо поддерживали американского политолога. И это был очевидный парадокс, поскольку критиками Голдхагена в научных кругах были представители леволиберального лагеря историков, многие из которых долгие годы посвящали интенсивным исследованиям нацистского режима и Холокоста. Таким образом, этой отправной точкой, которая была задана периодическими изданиями — «DieZeit», «DerSpiegel», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Welt», — курс обсуждения контroversы Голдхагена был уже определен.

Осенью 1996 г. под редакцией директора центра европейско-еврейских исследований Потсдамского университета Ю. Шопса вышел сборник статей англо-американских и немецких авторов, посвященных труду Голдхагена [17]. Автор отмечал, что «это уникальный случай, когда книга зарубежного автора привлекла к себе такое внимание историков и общественности. Голдхаген своей книгой вызвал дебаты, которые оказались глубже и значимее, чем та проблема, которую он раскрывает в исследовании — дебаты оказались важнее, чем сам предмет обсуждения» [23].

Дополнительную политическую остроту дискуссиям придавал агрессивный протест политического деятеля П. Гаувайлера в газете «Bayernkurier» — официальном партийном печатном органе Христианско-социального союза. Враждебное выступление Гаувайлера призывало открыть глаза на левых и их обращение с историей. Тем временем, настроения в обществе изменились. Общественный подъем достиг своего апогея после вручения Д. Голдхагену демократической премии журнала «Blätterfürdeutscheundinternationale Politik» за заслуги перед немецкой демократией. Естественно, это событие сопровождалось рядом публикаций [11].

Уже в марте 1997 г., вскоре после вручения Голдхагену демократической премии, в Кембриджском историческом журнале была опубликована острая критическая статья эксперта канадского министерства юстиции по военным преступлениям и преступлениям против человечности Р.Б. Бирн [4]. Медиатемой это сообщение стало месяцем позже, когда Голдхаген обратился к адвокатам с просьбой принять меры против автора статьи.

Новый этап споров вокруг контroversы Голдхагена начался в августе 1997 г., когда «Spiegel» опубликовал интервью ответственного редактора Р.Аугштайна с Голдхагеном. Интересно, что в начале дискуссии Аугштайн выступил с резкой критикой Голдхагена, а затем изменил свое мнение [2]. «Подогрела» дискуссию публикация обстоятельной статьи американского политолога Н. Финкельштейна, который поддержал Р. Б. Бирн, выразив сомнения по поводу научности работы американского социолога [6].

Параллельно с «медийными битвами» осенью 1997 г. были опубликованы 2 новые книги по этой теме: «Письма Голдхагену» и — особенно значимая для дебатов — «Голдхаген и немецкие левые» [8, 10]. По мнению авторов, заразная политика отрицания вины подспудно определяет повседневную политическую ситуацию: «Отказ немецких левых воспринимать теорию Голдхагена реалистично (и самокритично) наталкивает на вывод о том, что процесс вытеснения из памяти «неудобных вопросов», характерный для послевоенного немецкого общественного сознания, проникает в настоящее и будет передаваться новому поколению»[13].

К осени 1997 г. наступило время осмысления самой дискуссии и причин, ее породивших, а также перспектив развития исследований проблемы, затронутой Голдхагеном, что нашло отражение в ряде аналитических статей в специализированных исторических журналах [1, 3, 15, 16].

Что позволило Голдхагену, написавшему «очень плохую книгу», спровоцировать столь бурную реакцию с одной стороны, в среде историков, а с другой — в обществе? Чем отличалась эта реакция? Какие выводы об историческом сознании в современной Германии можно сделать на основе анализа этой дискуссии? Для того, чтобы оценить роль Голдхагена в медиаполитическом дискурсе, недостаточно просто описать основные статьи, посвященные ему. Прежде всего, надо отметить, что с одной стороны, труд Голдхагена стал методически и содержательно своеобразным фоном, контрастом для рецензий на другие исследования о нацизме. С другой стороны, работа Голдхагена послужила стимулом для появления новых исследований, посвященных теме нацизма или уничтожения евреев. Тема, затронутая Голдхагеном, самым тесным образом связана с проблемами политики памяти, коллективной вины и преодоления прошлого, поэтому контроверзу Голдхагена и дискуссии вокруг нее можно считать этапом культурно-исторического развития. Интересно, что большинство историков ФРГ восприняли книгу с резкой критикой, в то время как оценки неправительственных организаций историков, журналистов и обычных читателей были в основном позитивными, а зачастую — восхваляющими [21]. Получилось, что общественный дискурс и академические круги историков оказались по разные стороны.

Чем объясняется популярность и одобрение Голдхагена в общественных кругах, особенно во время его турне по Германии? Интересное объяснение этому феномену дает Х. Ульбрихт: во-первых, сработал механизм: «Враг моего врага мой друг». Во-вторых, могло сработать мнение: «Если вы не на моей стороне в дебатах об «обычных немцах», значит вы — один из них»[18]. Другим фактором, который мог объяснить положительную реакцию в различных слоях немецкого общества, является сама манера изложения мате-

риала в книге. Голдхаген описал убийства так широко и так подробно, что создал ауру «радикального преступления». Традиционные исследователи Холокоста рассматривали его истоки и последствия, избегая такой детализации, будь то из благочестия, либо из-за опасения быть обвиненными в сенсационности. Подход Голдхагена в итоге дает возможность идентификации с жертвами. Младшее поколение немцев, соглашаясь с мнением Голдхагена, оказывается на стороне обвинителей, а не обвиняемых.

Книга Голдхагена оказалась одновременно в двух дискурсивных полях. Историки рассматривали ее как научную работу и критиковали с научной точки зрения. Леволлиберальная общественность рассматривала труд Голдхагена как еще одну главу в истории «примирения с прошлым». Безусловно, позитивным эффектом книги было то, что она позволила ускорить развитие в обеих этих сферах. Труд Голдхагена вызвал целый ряд новых вопросов и исследований и открыл новые аспекты в изучении Холокоста — прежде всего, ментальную детерминированность произошедших в XX веке событий.

Таким образом, резонанс, который вызвала книга Голдхагена в медиаполитическом дискурсе, является больше, чем выборочным историографическим сюжетом. Почти два года после публикации книги продолжались исторические и общественные дебаты. Это позволяет сказать, что продолжительное обсуждение «контroversы Голдхагена» стало частью более старого и пространного обсуждения «политики памяти», важной вехой в процессе длительного и мучительного «преодоления прошлого» историками и обществом ФРГ.

Литература

1. Alles und nichts erklärt // Der Spiegel. — 1997. — №34.
2. Augstein R. Der Soziologe als Scharfrichter // Der Spiegel. — 1996. — №16.
3. Benner T. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik / T. Benner, C.R. Köster // Sozialwissenschaftliche Informationen. — 1997. — №26 (1). - S. 55 — 64.
4. Birn R.B. Revising the Holocaust // The Historical Journal. - 1997. - №40/1. - P. 195 — 215.
5. Browning C. Dämonisierung erklärt nichts // Zeit. — 1996. — №17.
6. Finkelstein N.G., Birn R.B. Eine Nation auf dem Prüfstand: Die Goldhagen These und die historische Wahrheit / N.G. Finkelstein, R.B. Birn. — Hildesheim. — 1998. 228 S.
7. Goldhagen D.J. Auszüge aus „Hitler’s Willing Executioners“ // Zeit. — 1996. — №16.
8. Goldhagen D.J. Briefe an Goldhagen. — Berlin, 1997. — 250 S.
9. Goldhagen D.J. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. — Berlin, 1996. — 728 S.

10. Goldhagen und die deutsche Linke oder die Gegenwart des Holocaust. — Berlin, 1997. — 275 S.
11. Habermas J. Warum ein „Demokratiepreis“ für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Zeit. — 1997. — № 16.
12. Jäckel E. Einfach ein schlechtes Buch // Zeit. — 1996. — № 21.
13. Küntzel M. Goldhagen und die gewöhnliche deutsche Linke // Junge Welt. — 21. März 1997.
14. Mommsen H. Hans Mommsens Antwort auf Daniel Jonah Goldhagen: Der Antisemitismus war eine notwendige, aber keineswegs hinreichende Bedingung für Holocaust // Zeit. — 1996. — № 36.
15. Pohl D. Die Holocaustforschung und Goldhagen Thesen // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1997, H.1. — S. 1 — 48.
16. Schneider M. Die "Goldhagen-Debatte" : ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft. - Bonn, 1997. - 31 S.
17. Schoeps J.H. Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust. — Hamburg, 1996. — 252 S.
18. Ulbricht H. Academic and Public Discourses on the Holocaust: The Goldhagen Debate in Germany // German Politics and Society. — 1999. — № 4.
19. Ullrich V. Daniel J. Goldhagen in Deutschland: Die Buchtournee wurde zum Triumphzug // Zeit. — 1996. — № 36.
20. Ullrich V. Die Deutschen - Hitlers willige Mordgesellen: Ein Buch provoziert einen neuen Historikerstreit: Waren die Deutschen doch alle schuldig? // Zeit. — 1996. — № 16. — S. 89 — 92.
21. Ullrich V. Goldhagen ohne Ende. Die neue Kritik entwertet die Holocaust-Studie nicht // Zeit. — 1997. — № 35.
22. Wehler H.-U. Goldhagen-Debatte: Wie ein Stachel im Fleisch // Zeit. — 1996. — № 22.
23. Wieso kann eine Debatte wichtiger sein als ihr Gegenstand? Im Gespräch mit Prof. Dr. Julius H. Schoeps, dem Direktor des Moses Mendelssohn Zentrums / Режим доступа: <http://www.uni-potsdam.de/u/putz/jan97/13.htm>

**ГРИДИНА Татьяна Александровна,
КОНОВАЛОВА Надежда Ильинична**
г. Екатеринбург, Россия

АССОЦИАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Для современной политической ситуации в России характерна активизация рефлексии так называемого электората над поступками, поведением и личностными качествами политических лидеров. Это касается и оценки официальных политических деклараций представителей правящей власти, и не вполне официальных высказываний, проявляющих особенности личности современного политика в общении с «народом». Для анализа «общественной рефлексии» такого рода несомненный интерес представляют показания языкового сознания вовлеченных в дискурс политической коммуникации членов современного социума.

Одним из методов моделирования личности политика по данным языкового сознания может служить свободный ассоциативный эксперимент. В основе этой психолингвистической процедуры лежит выявление стереотипных и индивидуальных реакций, совокупность которых порождает некий типологический профиль оценки заданного стимульного «материала» (в данном случае образа современного политического лидера — сквозь призму ассоциативных доминант языкового сознания социума).

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором респондентам было предложено дать первые пришедшие в голову словесные реакции на фамилии двух ведущих политических лидеров современной России — Д. А. Медведева и В. В. Путина. В качестве участников эксперимента (всего 52 человека разного возраста, профессионального и социального статуса и гендерной принадлежности) выступили жители крупных областных центров (Урала и Сибири: Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Омска, Новосибирска, Кемерово, Иркутска). Опрос производился в режиме *on line* с каждым из информантов (с последовательным предъявлением стимулов).

Распределение реакций на заданные стимулы по степени частотности в результате статистической обработки представлено в *Таблице*.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2011

Ассоциаты на стимул <i>Путин</i>	Ассоциаты на стимул <i>Медведев</i>
Ядерная зона (наиболее частотные реакции)	
<i>президент (22), Медведев (20), «Единая Россия» (17), «мочить в сортире» (16)</i>	<i>Путин (15), президент (13), Интернет (9), Россия (9)</i>
Зона ближней периферии	
<i>премьер (13), власть (13), лидер (10), Чечня (9), спортивный (9), ФСБ (8), тандем (7), политика (6), терроризм (6)</i>	<i>голова (6), твиттер (5), блоггер (5), нанотехнологии (4), образованный (4), Новая Россия</i>
Зона дальней периферии	
<i>политик (5), деловой (5), сильный (4), глава (3), жесткий (3), КГБ (2), Распутин (2), Лада «Калина» (2), режим (2), «Народный фронт»</i>	<i>юрист (3), нацпроекты (3), марионетка (2), демагогия (2), малый бизнес (2)</i>
Крайняя периферия (единичные реакции)	
<i>«Говорите, вас услышат», карате, в онлайне, Беспутин, мужчина, «жрать землю из горшка», шпрехен зи дойч, Меркель, Буш, Ельцин, Саркози, Кабаева, в глаза не смотрит, рулит, вооружение, агрессивный, автомобилизация всей страны, силовик, скоро выборы, распил стабилизационного фонда, дядя Вова президент, Вовочка, Маяковский (так как Владимир Владимирович — примечание информанта), зачистка, собаки</i>	<i>клоны, двойственный союз, двуглавый орел, три «И», весельчак, однокурсник, «Американ бой», медведь, борьба с коррупцией, маленький мальчик, дипломатичный, Фурсенко, ЕГЭ, Обама, миротворец, Медведев.ru, Привед, Медвед; Ливия, Саркози, Меркель, Берлускони</i>

Из представленных данных видно, что одинаковые (правда, с разным индексом частотности) реакции на заданные стимулы присутствуют только в ядерной зоне полученных ассоциативных полей (при этом наиболее показательной является связка **Путин — Медведев, Медведев — Путин**, что свидетельствует о существующем в общественном сознании стереотипе представления российской власти как «тандема» двух политических лидеров). Реакции, представляющие зоны ближней, дальней и крайней периферии, значительно различаются по характеру актуализированных «составляющих» феномена «политический лидер», выявляя индивидуальные личностные характеристики и сферы деятельности первых лиц государства.

Для портретирования личности каждого из рассматриваемых политических лидеров представляется продуктивным выделение неких ассоциативных доминант, обобщающих полученные от респондентов реакции на основе единого смыслового вектора.

Для характеристики личности **В. В. Путина** такими доминантами являются:

1) стиль руководства (*лидер, сильный, жесткий, агрессивный, власть, тандем, деловой, мужчина, рулит, режим, «Говорите, вас услышат», скоро выборы, в онлайне*);

2) борьба с терроризмом (*терроризм, Чечня, зачистка*);

3) сфера увлечений, интересов, образ жизни (*спорт, спортивный, карате, собаки*);

4) опора на государственные структуры и общественные объединения в политической деятельности (*КГБ, силовики, ФСБ, «Народный Фронт», «Единая Россия*);

5) направления общественно-политической и экономической деятельности (*автомобилизация всей страны, Лада «Калина», распил стабилизационного фонда, вооружение*);

6) международные контакты в политической сфере (*Меркель, Буш, Саркози*);

7) личностные характеристики, связанные с прецедентными ситуациями и поведенческими приоритетами (*шпрехен зи дойч* — высокий уровень владения немецким языком, продемонстрированный В. Путиным на официальных международных раутах; *в глаза не смотрит* — о характерной для В. В. Путина «закрытой» манере общения с собеседником; *«мочить в сортире»* (о террористах), *«жрать землю из горшка»* — прецедентные высказывания, связанные с выражением негативного отношения к ситуации и способам ее разрешения в свойственном премьеру экспрессивно-сниженном стиле; *Кабаева* — муссируемый в желтой прессе сюжет о якобы близких отношениях В. В. Путина с известной гимнасткой; *Ельцин* — прецедент выдвижения В. Путина на пост главы государства по рекомендации первого президента России);

8) обыгрывание имени (*дядя Вова президент* — подражание детской речи, возможно, аллюзия на известное стихотворение С. Михалкова «Дядя Степа», *Вовочка* — персонаж детских анекдотов; *Маяковский* — совпадение имени и отчества Путина и известного «поэта-главаря»; *Беспутин, Распутин* — рифмующиеся отфамильные ассоциаты с выраженным оценочным вектором).

Для характеристики личности **Д. А. Медведева** ассоциативными доминантами по данным экспериментальной выборки являются:

1) стиль руководства (*мировотворец, дипломатичный, двойственный союз, демагогия, юрист, марионетка, твиттер*);

2) сфера увлечений, интересов, образ жизни (*Интернет, блоггер, Медведев.ru*);

3) направления общественно-политической и экономической деятельности (*борьба с коррупцией, три «И», малый бизнес, нацпроекты, Новая Россия*);

4) международные контакты в политической сфере (*Обама, Ливия, Саркози, Меркель, Берлускони*);

5) личностные характеристики, связанные с прецедентными ситуациями и поведенческими приоритетами (*двуглавый орел, клоны* — прецеденты, связанные с преемственностью и тесным сотрудничеством президента и премьера; ср. также ассоциат *двойственный союз*; *голова, образованный* — отражение того факта, что Д. А. Медведев — высокоэрудированный человек, имеет два высших образования, часто посещает вузы, встречается со студентами и преподавателями; *однокурсник, весельчак, «Американ бой»* — ассоциаты, отсылающие к интернет-сюжету о танцующем на встрече с бывшими однокурсниками президенте; *Фурсенко, ЕГЭ* — ассоциаты, актуализирующие аспекты ситуации, связанной с широко обсуждаемыми нарушениями в проведении и оценке результатов ЕГЭ);

6) обыгрывание имени (*медведь; Привед, Медвед* — шутивное обращение в стиле интернет-жаргона).

Приведенные характеристики, безусловно, не являются абсолютными и исчерпывающими, они во многом субъективны, и вместе с тем выявленные ассоциативные доминанты отражают выражения негативной оценки несомненно актуальные для российского социума аспекты восприятия личности политического лидера.

ГРИШАНИНА Анастасия Николаевна

Санкт-Петербург, Россия

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА СТЕРЕОТИПНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТОВ

Дискурс, как правило, не ограничивается рамками текста или диалога. Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики — все относится к данному событию. Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы порождения и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс имеет лингвосоциальный характер.

В. З. Демьянков отмечает, что политический дискурс может рассматриваться с трех точек зрения: филологической — как любой другой текст, социопсихолингвистической — при измерении эффективности для достижения скрытых или явных целей говорящего, индивидуально-герменевтической — при выявлении личностных

смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах (Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 35).

Правильно подобранные слова могут вызвать необходимые эмоции и тем самым подтолкнуть массы на бессознательные поступки, спонтанные действия. Еще Г. Лебон отмечал, что содержание речи не так важно, как ее оформление и подбор нужных слов. Люди не пытаются вникнуть в смысл речи, а подчиняются образам и ассоциациям, которые вызывают слова в сознании.

Автору текста в политическом дискурсе важно создать *положительный настрой аудитории*, необходимый эмоциональный фон. Задача политического дискурса не объяснить, описать те или иные события, а убедить, внушить адресатам необходимость "политически правильных" действий и/или оценок. По этой причине речь политика оперирует символами, а ее успех зависит от того, насколько эти символы созвучны массовому сознанию. Примеры тому — речи президентов разных стран за последние годы. С целью создания положительного настроения президент России Д. Медведев обращается к довольно сильному образу — истории России:

«У российского народа, как у каждого великого народа, яркая, героическая, вызывающая уважение и восхищение и в то же время — противоречивая, сложная, неоднозначная история <...> Мы должны смотреть на свое прошлое трезво. Видеть в нем и грандиозные победы, и трагические ошибки, и примеры для подражания, и проявление лучших черт национального характера» (http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

В обращении президента Белоруссии А. Лукашенко можно выделить оставшиеся от советского периода такие слова и выражения, как «качества патриота, делом доказывающим любовь к родной стране», «полная самоотдача каждого на благо всего общества». Положительный эмоциональный фон создается с помощью констатации успеха в настоящем времени: «за последние годы мир больше узнал о Белоруссии». Президент ярко строит концовку обращения, создает позитивный настрой: «мира и добра, счастья и успехов вам».

Президент Украины В. Янукович использовал антитезу «тогда — сейчас», противопоставление «мы — они». Для характеристики прошлого используются слова с резкой негативной коннотацией: «разрушенная экономика», «расколотое общество и общее разочарование», «период развала». Можно говорить об отрицательных эмоциях вокруг времени, которое осталось в прошлом, поскольку правители того времени лишились власти. Наблюдается попытка создать положительные эмоции адресата с помощью утверждения о том, что трудные времена закончились. Однако подобный эффект не

возникает, поскольку нет доказательств того, что перемены наступили, и «страшные времена» еще не закончились.

Обращение президента США Б. Обамы начинается с констатации наличия трудностей, трудных времен. Но завершается текст установкой на позитивный исход двойным императивом: «знай, мы справимся!» Как и в обращениях президентов России и Украины, в данном тексте возникает образ истории, однако только здесь она представлена в динамике, как нечто, что творится здесь и сейчас, и вся аудитория оказывается участницей этого процесса: «сделать выбор в пользу нашей лучшей истории».

Подводя итог кратким размышлениям, надо отметить, что основными отличительными чертами политического дискурса являются установка на формирование положительных эмоций у аудитории с целью «затуманивания» сознания и максимальная стереотипизация высказывания, что проявляется в форме и в содержании, превращение коммуникативного акта в ритуал. Для отечественного же дискурса характерно многообразие оценок, употребление лексики предшествующей эпохи, что проявляется в создании образа врага, имеющегося внутри государства. Данные гипотезы были частично подтверждены результатами пилотажных исследований.

ГРОМЫКО Сергей Александрович

Вологда, Россия

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ КАК ИСТОЧНИК РУССКОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант МК – 458.2011.6).

Русская парламентская риторика к настоящему моменту прошла недолгий, но драматичный путь развития. С момента образования I Государственной думы минуло уже больше ста лет, однако история русской парламентской речи насчитывает около тридцати лет: одиннадцать лет в начале двадцатого века и восемнадцать лет в общественно-политической ситуации конца двадцатого — начала двадцать первого веков. Соответственно этому формировалась и парламентская речь в России: динамично развивавшийся риторический опыт отечественных парламентариев был прерван почти на восемьдесят лет.

История русского парламентского, как, впрочем, и политического красноречия, исследована недостаточно. В то же время очевидно,

что степень развития парламентской коммуникации (конкретнее — риторики парламентского монолога, правил и норм ведения дискуссии в парламенте, способов поиска компромиссного решения проблем) непосредственно связана с уровнем развития политического диалога в обществе. Без изучения особенностей национальной парламентской речи невозможно выявление и преодоление целого ряда проблем политического диалога в Думе.

Одна из самых актуальных и интересных проблем русского парламентского красноречия — вопрос о его генезисе. В современной исторической и политической науке анализируются общественно-политические условия возникновения отечественного парламента, образ парламентария начала XX века как политика нового типа. Однако лингвориторические истоки отечественной думской коммуникации на сегодняшний день остаются практически неисследованными, несмотря на сложность и важность данного вопроса [Громыко 2010]. Не следует забывать, что до 1906 года в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Депутатам I Государственной думы пришлось разрешать противоречие между необходимостью участия в дискуссии и отсутствием у большого количества думцев умений и опыта ведения публичной политической дискуссии. Эта же проблема получила свое развитие и в дореволюционной Думе следующих созывов. Парламентская риторика не могла возникнуть сама собой только при условии наличия парламента как политического института. Публичная политическая речь в парламенте должна была ориентироваться на некие образцы, которые были признаны обществом. Интересной представляется попытка охарактеризовать судебное красноречие как один из источников развития парламентской риторики.

Судебное красноречие в России начинает развиваться после судебной реформы 1864 года, которая предусматривала публичный состязательный суд, а также введение в действие суда присяжных. За довольно короткое время судебной риторике удалось не только обособиться в отдельную отрасль профессиональной речевой коммуникации, но и выработать образцы коммуникативного поведения процессуальных противников в прениях. К концу XIX — началу XX века, когда в суде присяжных активно рассматривались дела с политической подоплекой, прокуроры и адвокаты становятся властителями дум, их выступления собирают полные залы, стенограммы печатаются в газетах. Значимость судебного красноречия для общественно-политической жизни на момент созыва I Государственной думы крайне велика.

В самой дореволюционной Государственной думе практикующие юристы были на ведущих ролях. Например, в I Государственной ду-

ме насчитывалось 40 адвокатов, что составляет 9 % от общего количества депутатов [Государственная Дума первого призыва 1906]. В парламентах последующих созывов адвокатов было несколько меньше, но это никак не отразилось на соотношении ораторских сил: самыми яркими трибунами, которые вели за собой дискуссию, были такие думы, как Петрункевич, Кокошкин, Недоносков, Тесленко, Гессен, Пергамент, Урусов, то есть депутаты с юридическим образованием и регулярной практикой участия в судебных прениях. Не стоит забывать и о том, что депутатом III Государственной думы был выдающийся русский адвокат и судебный оратор Ф. Н. Плевако. Логично предположить, что все эти депутаты использовали в своих выступлениях опыт судебной риторики и оказали некоторое влияние на развитие думской дискуссии. Какие же черты устной публичной юридической речи становятся актуальными и для зарождавшейся парламентской коммуникации?

Специфические черты судебной речи рассмотрены достаточно подробно как в научной, так и в научно-учебной литературе для юристов. Например, Л. А. Введенская и Л. Г. Павлова в качестве таких черт называют строгую процессуальную регламентированность, состязательный характер, доказательность, убедительность, оценочный характер, нравственно-правовую направленность и важность воспитательной роли [Введенская, Павлова 2002: 364—366].

Очевидно, что перечисленные характеристики относятся к юридической речи вообще. Риторические особенности судебной речи конца XIX — начала XX веков выделены и детально проанализированы в нескольких работах [Лаврухин 2001; Соловьева 2000]. Исследователи выделяют следующие специфические черты: большая значимость лексики и фразеологии высокого книжного и разговорно-просторечного характера, метафоризация как переосмысление универсальных, традиционных образов для раскрытия сущности и оценки анализируемых с точки зрения права явлений, а также яркий, специфический синтаксис. Большинство данных черт регулярно проявлялись в русской дореволюционной парламентской дискуссии, сначала (в I и II Государственной думе) особенно ярко в речи депутатов-юристов, а затем и в других дискурсных формациях. Кроме того, депутаты-юристы принесли в думскую дискуссию высокую ораторскую активность, ориентацию на официально-деловые источники (законы, документы, прецеденты), тягу к нормативно-правовому интертексту.

Литература

Введенская, Л. А. Риторика для юристов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. — Ростов н/Д : Феникс, 2002.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. 2 : заседания 19—38. — СПб., 1906.

Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. — М., 1906.

Громыко, С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года / С. А. Громыко ; ВГПУ. — Вологда, 2010.

Лаврухина, С. Н. Синтаксис русской судебной речи конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Лаврухина. — Орел, 2001.

Соловьева, Т. А. Лексико-грамматические и стилистические особенности судебной речи второй половины XIX в. : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Соловьева. — Тула, 2000.

ГУЛЯЕВА Евгения Вячеславовна
Волгоград, Россия

ОЦЕНКА ПОВЕДЕНИЯ ТИПИЧНОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА В СМЕХОВЫХ ТЕКСТАХ

Ценности лежат в основе каких-либо предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, события, качества, и отражаются в сознании людей в виде суждений и оценок. Не существует ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы связан с процедурой оценивания [Цит. по: Лутовинова 2009: 350].

Анекдоты отражают систему ценностей конкретного социума, и поэтому они важны как источники общественно значимых сведений о культуре того или иного общества. «Смеховые произведения, с их тенденцией к иносказательности и намеку, когда адресат сам извлекает скрытый смысл, получая от этого удовольствие, широко используют в своих целях элементы культурной грамотности» [Слышкин 2000: 55].

Специфика анекдота обусловлена двумя моментами. «Во-первых, он находится на границе между речевыми и литературными жанрами, т.е., будучи последним живым фольклорным жанром, представляет собой беллетризованный коллективный опыт рядовых носителей культуры, а не профессионального творца-литератора. Во-вторых, картине мира, реализованной в текстах анекдотов, свой-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Гуляева Е. В., 2011

ственна глобальность — анекдот отражает все значимые стороны бытия общества, в нем опредмечиваются все важнейшие культурные концепты («жизнь-смерть», «семья», «здоровье» и т. д.)» [Слышкин 2004: 194].

Отношение народа к какому-либо явлению ярко выражается в анекдотах и шутках. При этом только актуальные ценности могут переходить в свою противоположность, переворачиваться, вызывая при этом юмористический эффект. Представители политики во всех обществах составляют особый социальный класс, отношение к которому со стороны других социальных образований неоднозначно и порой враждебно, что объясняется многочисленными нарушениями закона или превышением власти. В силу этого существует огромное количество шуток высмеивающих политиков. Остановимся на анекдотах, свидетельствующих об оценке поведения типичного полтика.

Рассмотрим несколько примеров:

Мужик заходит в бар и произносит:

— Все политики — сволочи!

Из-за столика встает здоровенный амбал и говорит ему с угрозой:

— А ну-ка забери свои слова назад!

— А ты что, политик?

— Нет, я сволочь!

Вероятно, человек предпочтет, чтобы его оскорбили нецензурным словом, нежели назвали «политиком». Таким образом, «сволочь» (слово, отмеченное в словаре, как «грубое» и означающее «скверный, подлый человек; негодяй») оказывается более удобным или подходящим, только бы не быть названным «политиком».

При опросе респондентов выяснилось, что политики видятся опрашиваемым полноватыми людьми. Анекдот подтверждает это видение:

— Почему наши чиновники и депутаты отличаются такой упитанностью?

— Это их распирает от гордости за страну.

Вспомним современные скетчи в телепередаче «Наша Раша». В Нефтекузнецке живут депутаты Юрий Венедиктович Пронин и Виктор Харитонович Мамонов, которые во время роскошного и дорогого отдыха думают об избирателях, но только на словах, а на деле у них все совсем наоборот. Показанный здесь юмор представляет собой политическую сатиру. А образ политика характеризуется исключительно пустыми разговорами, а не реальными действиями.

— Чем отличается птица говорун от депутата?

— Птица говорун отличается умом и сообразительностью.

Из предыдущего анекдота становится ясно, что интеллектуальные способности не характеризуют типичного депутата. И даже пти-

ца говорун — ленивая птица, персонаж книг Кира Булычева, кажется умнее.

Типичный политик отличается также склонностью к воровству и нечестному присвоению чужого:

— Почему российские власти не выделяют денег на строительство новых телескопов?

— После того, как выяснилось, что газовые гиганты от Юпитера до Нептуна состоят из водорода и углеводородов типа метана, решили больше не строить никаких телескопов. Представляете, как больно смотреть на все это с такого большого расстояния, не имея возможности все это украсить?!

По результатам опроса респондентов и анализа политических форумов можно сделать вывод, что люди сходятся во мнении, что типичный политик пытается прийти к власти, чтобы воровать и злоупотреблять служебным положением.

Таким образом, при анализе ответов респондентов наблюдается тенденция давать поведению российского политика как положительную, так и отрицательную оценку. В анекдотах и шутках политик является образом с исключительно негативными характеристиками, ведь традиционно в смеховых текстах принято утрировать отрицательное путем высмеивания. Типичному политику приписываются глупость, пустословие, корысть, нечестность, ловкость. Таким образом, образ российского политика характеризуется аксиологической амбивалентностью.

Литература

Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 532 с.

Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : моногр. / Г. Г. Слышкин. — Волгоград : Перемена, 2004. — 340 с.

Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М. : Academia, 2000. — 128 с.

ДАНИЛКИНА Елена Юрьевна

Екатеринбург, Россия

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОПЕРИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ В СМИ

**(на примере эпидемий «свиного» гриппа 2009 — 2010 гг.
и ВИЧ-инфекции)**

В наше время информация является самым дорогим товаром. Воздействие любой информации, может создать социально-психологическую установку, т. е. внутреннюю готовность к каким-либо действиям. Данную особенность человеческой психики используют манипуляторы при манипулировании общественным мнением.

Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Для этого требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться. Эту действительность, по мнению многих авторов, создают СМИ. Их главной целью является изменение ценностей, восприятия действительности и интерпретации событий, а вследствие этого и поведения общества в выгодном для них направлении. Сегодня, вопреки своей обязанности отражать общественное мнение, СМИ создают его.

Исследования на тему манипулирования общественным мнением в СМИ можно найти во многих работах (С. Г. Кара-Мурза, Е. Л. Доценко, И. М. Дзялошинский, С. А. Зелинский и др.). Но большинство из них, рассматривают ее лишь в аспекте политики и рекламы, в связи с этим мы решили в рамках данной работы рассмотреть манипулирование в сфере здравоохранения. Так как это самая актуальная и малоизученная область для «среднестатистического» человека. И на примере эпидемий свиного гриппа и ВИЧ-инфекции за период 2009—2010 гг. мы рассмотрели манипулятивные технологии, которые использовали СМИ для управления деятельностью общества и выделили особенности манипулятивного воздействия при освещении эпидемий ВИЧ-инфекции и «свиного» гриппа.

При эпидемии «свиного» гриппа были использованы такие манипуляционные технологии:

- использование формулы **A H1N1**,
- изменение смысла слов и понятий («высокопатогенный», «контагиозный, вирулентный»),
- активное использование статистики (цифры),
- утаивание информации (в период начала вакцинации населения),
- использования пугающих тем и сообщений,
- дробление и контраст,

- использование противоречащих друг другу сведений,
- сенсационность,
- утверждение и повторение,
- личное свидетельствование,
- отбор событий реальности для сообщений,
- прогнозирование.

При освещении эпидемии ВИЧ-инфекции очень активно использовались прием личного свидетельствования и метод сравнения. Остальные методы манипулирования ничем не отличаются от тех, которые были использованы во время эпидемии гриппа.

Можно выделить общие черты манипулирования при эпидемиях «свиного» гриппа и ВИЧ-инфекции. Например, определенная сезонность сообщений. При освещении эпидемии ВИЧ-инфекции информация выходит в середине мая и в конце ноября — начале декабря. При эпидемии гриппа — в осенне-зимний период.

Литература

Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник МГУ. — 2005. — Сер. 10. Журналистика. — № 1, 2.

Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М. : Речь, 2003. — 304 с.

Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Эксмо, 2009. — 864 с.

Зелинский, С. А. Манипулирование личностью и массами / С. А. Зелинский. — СПб. : Скифия, 2008. — 240 с.

ДАНЮШИНА Юлия Владимировна

Москва, Россия

БИЗНЕС-ДИСКУРС VERSUS ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Применение когнитивно-дискурсивных методов анализа (концепции Т. ван Дейка, Р. Водак, Е. С. Кубряковой и др.) оказывается продуктивным не только в приложении к материалу политической коммуникации (как в работах А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и др.), но и в исследовании иных институциональных дискурсов, в первую очередь — бизнес-дискурса, а модифицированное использование общенаучных методологических принципов, положенных в основу отечественного развития политической лингвистики (например, А. П. Чудиновым и

его коллегами — [Чудинов 2008; Будаев, Чудинов 2008 и др.]), сделало возможным появление новой (смежной) субдисциплины — бизнес-лингвистики, науки, изучающей бизнес-дискурс [Данюшина 2010].

Примечательно, что политический дискурс и бизнес-дискурс любопытным образом соотносятся друг с другом, и цель нашего доклада состоит в попытке современного осмысления этой далеко не однозначной проблемы. В вопросах социально-экономических отношений связь этих двух типов дискурса очевидна, т.к. политика, власть неразрывно связаны с бизнесом, образуя взаимную систему распределения собственности, доходов/прибыли, ресурсов, а значит, и влияния, власти — как внутри стран, так и в глобальном масштабе; неслучайно все чаще звучат утверждения о том, что теперь миром правят не политики, а глобальные корпорации, крупный капитал: власть последних даже превосходит возможности руководителей небольших государств и не уступает власти многих национальных правительств. В современном обществе политика и бизнес все чаще и интенсивнее срастаются и на практике, т. к. власть и деньги — понятия взаимосвязанные. В политику часто приходят из бизнеса, а после завершения политической карьеры многие занимаются бизнесом (часто - не только после, но и во время). Крупный капитал оказывает всестороннее влияние на власть, и сейчас политические события, например, избирательные кампании, проводятся на основе технологий бизнеса — рекламы и маркетинга. Как и политический, бизнес-дискурс является идеологическим и агональным, ибо если политика — это борьба за власть, то бизнес — это борьба за прибыль (ее получение и максимизацию). Бизнес-дискурс является манипулятивным, что ярко проявляется в такой части бизнес-дискурса, как реклама.

И как для политического дискурс-анализа (термин американца К. Хэкера — Political Linguistic Discourse Analysis) основной задачей является вскрытие сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением [Hacker 1996: 51], так и лингвистический анализ бизнес-дискурса (предлагаем аналогичный англоязычный термин — Business Linguistic Discourse Analysis) нацелен на исследование отношений между властью корпораций и речью, познанием и поведением. Из списка функций, которые выполняет политический дискурс: регулятивная, референтная (отражательная), креативная и магическая [Шейгал 2000: 33—43] — все, кроме последней, можно отнести и к бизнес-дискурсу. Поэтому и определенные методы, применяемые для анализа политического дискурса, мы сочли возможным использовать и для анализа бизнес-дискурса. Некоторые исследователи даже объединяют политический дискурс и бизнес-дискурс в единый тип, например, И. Т. Касавин [2008: 364] иденти-

фицирует единый — «политико-экономический дискурс» и характеризует его как «отличающийся высокой внутренней структурированностью текста и жесткой контекстуальной (социальной) привязкой... отвечающий определенным общественным реалиям и социальным целям (политической эффективности, экономической выгоде)».

Однако мы видим, как минимум, два важных отличия между политическим дискурсом и бизнес-дискурсом с точки зрения адресата: первый нацелен на широкие массы, «простую публику», не разбирающуюся в глубинах происходящих в политике процессов, несведущую в политической теории и не знающую специальной терминологии; кроме того, эти широкие массы вовсе не отличаются единством взглядов. А бизнес-дискурс (и все деловое общение) строится на исходном постулате компетентности и взаимопонимания участников в вопросах дела, осознании необходимости наладить сотрудничество в интересах общего успеха (коммерческого, производственного). Невозможно не признать, что выступление на политическом митинге перед толпой и выступление перед знающими и влиятельными инвесторами в корне отличаются — и по степени правдивости/реальности обещаний, и по соотношению эмоционального и информативного элементов. С этой точки зрения, бизнес-дискурс ближе научному (академическому) дискурсу, с его высоким уровнем истинности (объективности вместо эмоциональности), информативности, логичности, доказательности и насыщенностью специальной терминологией. Тем не менее, несмотря на идентифицированные отличия, любопытным явлением, когнитивно-риторически связывающим политический и бизнес-дискурсы, является обнаруженное нами (на основе нашего анализа бизнес-метафорики и сопоставления наших результатов с результатами, полученными другими исследователями — А. Н. Барановым, А. П. Чудиновым, Э. В. Будаевым — для политической метафоры) своего рода диалектическое взаимодействие концептуальных метафор, зеркально отображающее эти два дискурса — «политика — это бизнес; бизнес — это политика».

Литература

Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2008.

Данюшина, Ю. В. Бизнес-лингвистика и деловое общение в Интернете / Ю. В. Данюшина ; ГУУ. — М., 2010.

Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст / И. Т. Касавин. — М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2008.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004.

Hacker, K. L. Political Linguistic Discourse Analysis / K. L. Hacker // The Theory and Practice of Political Communication Research. — N. Y. : SUNI Press, 1996. — P. 28—55.

ДЕНИСОВ Юрий Петрович

г. Омск, Россия

СМЕРТЬ Б. Н. ЕЛЬЦИНА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ

Феномен человеческой смерти всегда находился в эпицентре интеллектуальных исканий представителей практически всех направлений научного знания. Особый интерес представляет репрезентация образа смерти лидера национального масштаба в политическом дискурсе.

Одним из таких лидеров был Б. Н. Ельцин, скончавшийся 23 апреля 2007 года. Проведенное нами исследование основывается на анализе газетных изданий газеты «Советская Россия», «Правда», «Завтра», «Аргументы и факты», «Известия», «Коммерсантъ». Целью проведенного исследования является анализ репрезентации смерти Б. Н. Ельцина в дискурсе оппозиционных политических сил на материалах массовой газетной периодики.

Смерть экс-президента вызвала актуализацию его образа во всем языковом пространстве российской политики. Не стали исключением и дискурсы российских оппозиционных политических сил. Однако необходимо зафиксировать отличие в процессе репрезентации смерти Б. Н. Ельцина печатными органами либерально-демократической оппозиции и изданиями национально-патриотическую, «красно-коричневую» окраску. Газетные издания либерально-демократической оппозиции незамедлительно реагируют на смерть бывшего главы государства. Однако в связи с тем, что в дискурсе демократических сил Б. Н. Ельцин ушел из политической жизни 31 декабря 1999 г., его физическая смерть, вызванная остановкой сердца, как и в официальном дискурсе, выводит на первый план периферийные компоненты. Их усиление происходит за счет артикуляции представлений о «человеческих качествах» первого Президента РФ. Официальными же печатными органами КПРФ сам

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Денисов Ю. П., 2011

факт смерти Б. Н. Ельцина в определенном смысле игнорируется. Центральное место на первых полосах номеров «Советской России» и «Правды», вышедших на следующий день после смерти экс-президента, занимают тексты, не связанные с его смертью. Вместе с тем как официальные печатные органы коммунистической партии, так и другие национально-патриотические издания выводят на первый план в образе Б. Н. Ельцина элементы, составляющие ядро культурно-лингвистического концепта «политик». В результате актуализации тактики оскорбления, тактики обвинения, тактики обличения и тактики анализ-«минус» в дискурсе национально-патриотической оппозиции на первый план выдвигаются представления о политической деятельности Б. Н. Ельцина, наиболее тесно сопряженные с представлениями о его личных качествах. Важной особенностью дискурса национально-патриотических сил является то, что образ Б. Н. Ельцина формируется как образ врага, сохраняющего негативное влияние на политический процесс.

Сама смерть Б. Н. Ельцина репрезентируется по-разному. Если на страницах пережившей «правый поворот» газеты завтра смерти Б. Н. Ельцина означает конец его эпохи, официальные печатные органы КПРФ зачастую отказывают экс-президенту в смерти. Согласно конструируемой коммунистическими изданиями мифологии смерть Б. Н. Ельцина представляет собой лишь некий фарс, тогда как Зло, сотворенное Б. Н. Ельциным остается в реальности. Такого рода различия в репрезентации смерти первого Президента РФ, вероятно, обусловлены разногласиями в стане национально-патриотической оппозиции, касающимися ее восприятия правящей элиты. Одновременно необходимо отметить, что во всем спектре дискурса национально-патриотической оппозиции репрезентация смерти Б. Н. Ельцина оказывается сопряжена с дегуманизацией его образа, что препятствует героизации данного политического лидера в массовом сознании.

Вместе с тем, несмотря на то что процесс репрезентации образа Б. Н. Ельцина в дискурсах различных политических сил обладает своей спецификой, нами были выявлены и общие черты в каждом из трех образов. Каждый из них находится в тесной корреляции с образом В. В. Путина, и все они имеют целый ряд общих черт: «отождествление» образа Б. Н. Ельцина и образа эпохи 1990-х гг.; включение в образ экс-президента элементов образа царя; сакрализация/демонизация его фигуры. Наличие данных черт обусловлено общими социокультурным, экономическим и политическим контекстами.

ДЗЮБА Елена Вячеславовна

г. Екатеринбург, Россия

КОНЦЕПТ ПЯТИЛЕТКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В современной лингвоконцептологии сложилось множество подходов типологизации концептов, что обусловлено многоаспектностью изучения данного феномена. Одним из классификационных критериев является признак зависимости или независимости концепта от категории времени. На этом основании можно выделить **постоянные** концепты, или вневременные, то есть устоявшиеся в той или иной культуре (ср. у Ю.С. Степанова «константы культуры»), и **переменные**, то есть такие, которые появляются в определенный исторический период и меняются, например, в зависимости от смены системы ценностей или исчезают совсем с уходом той или иной эпохи. Таким переменным концептом является лингвокультурный феномен *пятилетка*, особенно актуальный в отечественном дискурсе эпохи СССР и постепенно «реанимируемый» в настоящее время.

Анализ смыслового наполнения концепта *пятилетка* осуществляется по комплексной методике, сложившейся под влиянием работ С. Г. Воркачева, В. А. Масловой, И. А. Стернина, и включающей 1) изучение данных ассоциативного эксперимента; 2) анализ лексического значения по словарям разных эпох; 3) рассмотрение текстов фольклорных жанров о пятилетках (анекдоты, пословицы, частушки); 4) анализ текстов пропагандистского характера, в частности — лозунгов.

Целью проведения ассоциативного эксперимента является определение смыслового наполнения концепта *пятилетка* в русском языковом сознании современного человека. Эксперимент проводился среди представителей четырех возрастных категорий: 1) от 17 до 23 лет (студенты Уральского государственного педагогического университета) — 36 человек; 2) от 24 до 40 лет (преподаватели УрГПУ и некоторых других российских вузов) — 60 человек; 3) от 41 до 65 лет (представители разных профессий, жители Екатеринбурга) — 24 человека; 4) от 66 до 85 лет (пенсионеры, жители Екатеринбурга) — 10 человек. Всего опрошенных — 148 человек.

Анализ экспериментальных данных показал, что в настоящее время слово *пятилетка* утратило в значительной степени свое идеологическое наполнение, так как самое большое количество ответов

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Дзюба Е. В., 2011

связано с категорией возраста человека (*пятилетний ребенок*), немало респондентов также связывают это слово с представлениями об учебе в вузе или сроком заключения в тюрьме. Однако собственно как концепт *пятилетка* по-прежнему воспринимается в границах такой мыслительной области, как СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ НАШЕЙ СТРАНЫ, о чем свидетельствует подавляющее большинство вариантов ассоциаций (название государства в определенный период: СССР, Советский Союз; политические деятели прошлого: Сталин, Ленин, Хрущев; некоторые знаки идеологии того времени: партия, красный, передовик, стахановец, догнать и перегнать США, досрочное выполнение; некоторые атрибуты деятельности политиков (так, например, в ответах упоминается кукуруза, вероятно, в связи с реформами Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства). Среди ответов респондентов встречаются и такие, которые детерминированы опытом определенной социальной группы: Площадь Первой пятилетки находится недалеко от вуза, где проводился ассоциативный эксперимент.

При проведении эксперимента учитывался возрастной критерий. Исследование показало, что в четвертой возрастной группе (от 66 до 85 лет) наиболее частотными были ответы, содержащие негативную оценку, что, вероятно, связано с памятью о трудностях первых пятилеток, выпавших на начало и середину XX века (период после Гражданской войны, Вторая мировая война, послевоенное время). Интересен и тот факт, что 10% (16 человек) представителей первой группы (от 17 до 23 лет) вообще не связывали пятилетку с политической или идеологической жизнью страны, в их ответах были указания лишь на временной признак (*обучение в вузе, тюремный срок*) и возрастной критерий (*пятилетний ребенок, детство, песочница* и под.).

Анализ лексических дефиниций слова *пятилетка* проводился по словарям разных исторических периодов, однако в источниках, изданных до середины XX века данный языковой феномен не фиксируется, поскольку вряд ли можно говорить о политической, идеологической или культурной значимости пятилетки в тот период (пятилетки начали свой отсчет с 1928 года). В таких словарях встречаются единицы, так или иначе связанные по семантике с числом пять (*пятак, пятеро, пятерик, пятеричный, пятаина, пятерня, пятница, пятнадцать, пятьсот*), или слова, обозначающие явления религиозной жизни (*пятничать* — поститься по пятницам; *пятидесятница* — Духов день, праздник сошествия Святого Духа; *пятикнижие* — пять первых книг Библии). Лишь в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля фиксируется слово *пятилетний* (ср.: *Пятилетний — совершаемый через каждые пять лет, через четыре года на пятый; длящийся пять лет; чему, кому пять лет*), которое, естественно, ли-

шено каких-либо социально или исторически обусловленных компонентов значения и коннотаций.

В словарях, изданных начиная с тридцатых годов XX века, слово *пятилетка* фиксируется в следующих значениях: *1. то же, что пятилетие, или период в пять лет. 2. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. 3. Возрастом в пять лет.*

Однако лексикографические источники не отражают той палитры чувств и оценок, которые сопровождали понятие *пятилетка* в сознании «*homo soveticus*». С точки зрения выражения отношения к данному явлению показательны многочисленные анекдоты той поры. Вот некоторые примеры:

...В тюремную камеру вталкивают священника.

— А тебя-то за что?

— Оплосал. Многие лета пятилетке провозгласил.

Или:

Послали крестьяне одного мужика к Сталину узнать, что же это такое «пятилетка». Сталин говорит мужику:

— Видишь, автомобиль едет?

— Вижу.

— А в конце пятилетки будут они ехать — один за одним, один за одним. А вот видишь, трактор едет?

— Вижу.

— А в конце пятилетки они тоже будут — один за одним, один за одним.

Вернулся мужик в деревню, собрались все, он решил воспользоваться методом Сталина, объяснив наглядно на том, что видит:

— Видите, нищий идет?

— Видим.

— А в конце пятилетки они будут — один за одним, один за одним. А вон видите, покойника несут?

— Видим.

— А в конце пятилетки будет — один за одним, один за одним.

Данные тексты построены на антитетичном приеме, суть которого заключается в противоречии между обещаниями политиков поэтапно, пятилетка за пятилеткой, вывести народ из голодного и нищенского состояния — с одной стороны, и реальной ситуацией, когда для выполнения госплана от простого человека требовалось не только работать без остатка сил, но иногда отбиралось и собственное имущество — с другой стороны.

Приписки и обман стали логичным следствием голословных и невыполнимых обещаний руководителей разных уровней. Ярким примером такого положения дел является следующий анекдот:

Лектор делает доклад об успехах пятилетки:

— В городе А. построена электростанция.

Реплика из зала:

— Я только что оттуда. Никакой электростанции там нет!

Лектор продолжает:

— В городе Б. построен химический завод.

Тот же голос:

— Неделю назад я там был. Никакого завода там нет!

Лектор взрывается:

— А вам, товарищ, нужно поменьше шлаться и побольше газеты читать.

Пустые слова, за которыми нет дела, превратившиеся в бессмысленные изречения — лозунги, — стали приметой времени, признаком советской власти (ср.: *Дашь пятилетку за 4 года!*, *Пятилетку — досрочно!*, *Догоним и перегоним Европу и Америку!*, *Планы пятилетки — в жизнь!* и др).

Неудивительно, что вера людей в скорую благополучную жизнь была уже не столь прочна. Это отразилось в таком анекдоте:

Построили у нас самый мощный в мире компьютер и задали ему задачу, когда же наступит коммунизм. Компьютер думал, думал, думал... и выдает ответ: «Через 3 километра»... — «?!». На требование расшифровать столь странный ответ выдал: «Каждая пятилетка — шаг к коммунизму!»

Лозунги тоже нередко переосмыслились народом с целью выразить свое отношение к реалиям жизни, ср. игру слов-чисел в перефразированном знаменитом выражении: *«Пятилетку в четыре года, в три смены, в две руки и за одну зарплату!»*

В приведенных выше текстах нашло свое отражение крайне негативное отношение народа к такой форме ведения народного хозяйства — путем завышенного планирования, стремления победить в соцсоревнованиях любой ценой, отказа от учета разного рода временных, климатических, сезонных и иных факторов. Более жесткая оценка отразилась в иных фольклорных жанрах, в которых отношение выражено с помощью нецензурной лексики, ср. текст частушки:

Вставай, Ленин, вставай, дедка —

За...ла пятилетка,

Ленин встал, развел руками:

Х...ли делать с дураками.

Ж...па гола, лапти в клетку,

Выполняем пятилетку.

Концепт *пятилетка*, таким образом, помимо «значимостных» (термин С.Г. Воркачева) компонентов смысла ('период в 5 лет, охватываемый госпланом развития народного хозяйства в СССР'), включает оценочные коннотации, которые распределяются по двум по-

люсам: позитивная оценка — в рамках официальной идеологии и негативная — в народном бытовом сознании (см. анекдоты, частушки).

В постсоветской России концепт *пятилетка* утратил свою значимость вместе со всеми атрибутами официальной советской идеологии. Однако в настоящее время можно говорить о некоей «реабилитации» данного лингвокультурного феномена: слово *пятилетка* начинает активно использоваться в языке средств массовой информации. Происходит восстановление данного концепта в массовом сознании, но при этом меняется оценочный компонент: пятилетка становится не знаком насилия со стороны государственной власти, потеря, утрат личного во имя общественного и т.п. В структуре данного концепта появляются новые позитивные коннотации: в банковской, торговой, шире — экономической сфере, слово-концепт *пятилетка* содержит положительную оценку, так как важнейшим компонентом значения становится такой: 'наличие стабильности'. В разных отраслях стало возможным планирование деятельности на следующие пять лет после нестабильного кризисного периода, начавшегося в 2009 году. Однако нельзя не заметить, что такое «реанимирование» концепта с новым аксиологическим эффектом возможно только тогда, когда в значительной степени угасает историческая память о трудностях советских пятилеток.

В качестве доказательства частотного употребления слова-концепта *пятилетка* в современных СМИ следует привести некоторые примеры заголовков и фрагментов статей о событиях политической, экономической и даже культурной жизни нашей страны, ср: *Back in the USSR: путинский Фронт решил вернуться к пятилеткам; Россия вряд ли переживет пятилетку пустоты и болтовни; Профсоюзная пятилетка: шаги в будущее; Мэр объявил «Пятилетку здоровья»; Пятилетка. Проект галереи ВХУТЕМАС в рамках XVI Международной выставки архитектуры и дизайна «АрхМосква — 2011»; Пятилетка без радости; Российской прессе предрекли пятилетку спада; Ударная пятилетка ижевской «четверки»* и т.д.

В заключение необходимо подчеркнуть, что с точки зрения обусловленности категорией времени концепты делятся на два типа: постоянные (вневременные) и переменные (исторически обусловленные). Со сменой системы ценностей, сменой идеологии содержательные и коннотативные компоненты переменных концептов могут меняться. Это произошло с концептом *пятилетка*, актуальным в период СССР, сохранившимся в постсоветском российском сознании только под знаком советской идеологии и восстанавливаемым в настоящее время с новым содержанием и коннотациями.

ДУБРОВСКАЯ Татьяна Викторовна

г. Пенза, Россия

СОВИНЬСКА Агнешка

г. Торунь, Польша

**ДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РОССИИ, ПОЛЬШИ И США В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ
О РАЗМЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРО В ЕВРОПЕ
(на материале российской и польской прессы)**

Настоящее исследование посвящено проблеме освещения в российской и польской прессе проблемы размещения американской ПРО на территории Восточной Европы, в частности в Польше. Основной целью работы являлось выделение в дискурсе СМИ повторяющихся дискурсивных стратегий, а также конкретных языковых средств, используемых для создания специфических «портретов» России, Польши и США как политических субъектов. Кроме того, была поставлена задача установить зависимость масс-медийных стратегий от задач политических субъектов в конкретных условиях и отметить динамику репрезентаций в изменяющейся политической обстановке.

Диахронический аспект исследования предопределил обращение к материалам прессы, опубликованным на трех условно выделенных нами этапах развития событий: 1-й этап — подписание соглашения между США и Польшей о размещении американской ПРО на территории Восточной Европы (август 2008 г.); 2-й этап — визит американского президента Обамы в Россию (июль 2009 г.); 3-й этап — принятие Обамой решения о расторжении польско-американского соглашения и следующие за этим визиты вице-президента США Байдена в Польшу и госсекретаря США Клинтон в Россию (сентябрь-октябрь 2009 г.). Источниками материала стали российские издания «Известия» и «Российская газета» и польское издание «Газета Выборча» («Gazeta Wyborcza»). Общее количество материала — 66 статей.

Основой методологического подхода послужили достижения критического анализа дискурса, в частности выделение номинативных и предикативных стратегий [Reisigl, Wodak 2009], а также когнитивно-ориентированное исследование стратегий проксимизации [Hart 2010]. Вообще любая стратегия понимается нами как «более или менее намеренный план действий, в том числе дискурсивных, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak 2009: 94]. При этом номинативные стратегии способствуют достижению

цели посредством применения специфических номинаций для обозначения того или иного политического субъекта. Анализ материала показал, что номинативные стратегии не были широко востребованы для репрезентации участников событий. Отдельные примеры (напр., номинацию «Большой Брат/ Wielki Brat», используемую по отношению к США как в отечественной, так и в польской прессе и ярко характеризующую польско-американские отношения как неравные) мы не можем считать достаточным основанием для выделения номинативных стратегий.

Представляется, что главными средствами создания портретов России, Польши и США выступают предикативные стратегии, положительно или отрицательно оценивающие участников событий. В числе предикативных стратегий нами выделены: стратегия ссылки на эмоции, стратегия осуждения, стратегия обвинения, стратегия принижения, стратегия положительной самопрезентации и стратегия отрицательного прогноза. Кроме того, значительную роль в создании образов России, Польши и США в прессе играют стратегии негативной и позитивной проксимизации, суть которых состоит в представлении иных политических субъектов или инициированных ими действий и событий как угрожающих автору оценки либо, напротив, благоприятных для него.

Динамика, просматриваемая в комбинациях предикативных стратегий и стратегий проксимизации на разных этапах обсуждения американской ПРО, свидетельствует о трансформации взаимоотношений между политическими субъектами, а также об изменении их отношения к проблеме ПРО. Более значительные изменения в способах репрезентации субъектов происходят в польских СМИ. Так, на третьем этапе польская пресса задействует стратегию положительной самопрезентации, меняя таким образом фокус дискуссии и концентрируя внимание читателей на потенциале Польши в обеспечении европейской безопасности. Репрезентация России становится более нейтральной и только отчасти сохраняет негативные характеристики типичные для предыдущих этапов.

Репрезентация Польши в российских СМИ не подвергается значительным изменениям: Польша предстает как слабый и незначительный политический субъект. Такой образ создается за счет применения стратегий принижения, обвинения и отрицательного прогноза. «Автопортрет» России также достаточно постоянен: посредством стратегии положительной самопрезентации создается образ сильной и влиятельной страны.

И для польских, и для российских СМИ характерно двойственное изображение США. Динамика образа США — от положительного к отрицательному в польской прессе и, наоборот, от отрицательного к положительному в российских СМИ — создается в том числе по-

средством применения стратегий негативной и позитивной проксимизации.

Литература

Reisigl, M. The discourse-historical approach / M. Reisigl, R. Wodak // R. Wodak, M. Meyer (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. — L., 2009. P. 87—121.

Hart, Ch. *Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse* / Ch. Hart. — Basingstoke, 2010.

ДУПКАЛА Рудольф

г. Прешов, Словакия

ФЕНОМЕН СЛАВЯНСТВА В СЛОВАЦКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА

Феномен славянства в Словакии частично осмыслялся уже в XVII—XVIII веках (Я. Якобеус, Я.-Б. Магин, Д. Синапиус-Горчичка и другие). Тогда славянство предстало в рефлексиях как точнее не определенное “этническое общество”, которое, как правило, возводилось к великоморавской, вернее, кирилло-мефодиевской традиции. Интерес к феномену славянства в Словакии кульминировал в середине XIX-го века, причем на фоне заметных общественно-политических движений не только в “славянском мире” того времени, но и во всем пространстве Центральной и Восточной Европы. Это понятие имело большое значение и занимало особое место в работах представителей второго и третьего этапов словацкого национального возрождения (Я. Коллара, П.-Й. Шафарика, Л. Штура и других), которые, — кроме всего прочего, — приняли активное участие в подготовке и проведении в 1848 г. в Праге исторического Славянского съезда.

Идейно-методологической базой при освещении феномена славянства Колларом была концепция Гердера “философия истории человечества”, представленная в сочинении *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* (“Идеи к философии истории человечества”, 1784-1791). Напомним, что составной частью этой концепции является и характеристика Гердером славян, которую можно свести к следующим тезисам: а) славяне представляют собой один народ, точнее, одно этническое сообщество; б) славяне выделяются своей многочисленностью и населяют большую территорию; в) славяне владеют огромным потенциалом духовных сил, который

составляет предпосылки для культурно-художественного творчества и способности учиться, получать образование и т. д.; г) для славян характерна небывалая трудоспособность (возделывание земли, выращивание плодов и скота, ремесленничество и т. п.) при освоении природы человеком; д) славянам присущ миролюбивый характер, основанный на таких человеческих качествах, как, например, славянская добросердечность, приветливость, вежливость, гостеприимность, бескорыстие, терпеливость, покорность и т. д.

Гердер полагает, что славянам уготована — на историческом пути к человечности — особая гуманистическая миссия. В связи с этим философ утверждает: “Колесо изменчивого времени вращается неудержимо, и поскольку эти (т. е. славянские) народы проживают преимущественно в самых красивых краях Европы ... то иначе невозможно и мыслить, как о том, что в Европе законы и политика должны будут поддерживать вместо воинственного духа тихое усердие и мирное *существование* народов, поэтому и эти, так низко падшие, некогда усердные и счастливые народы наконец пробудятся от своего долгого сна, затем освободятся от рабских цепей и своими прекрасными краями от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Влтавы распорядятся как своей собственностью, будут праздновать свои старые праздники спокойного усердия и работы в своих вольных весях” [Herder 1941: 332].

Коллар — так же, как Гердер, — убежден, что каждый народ имеет в истории свое место и предназначение. Античные народы исполнили свою историческую роль тем, что в своей культуре (в искусстве, науке и образовании) они реализовали “*pohansko-národní*” (“языческо-народный”) принцип. В современный период народы участвуют в историческом развитии человечества тем, что утверждают “*germánsko-křesťanský*” (“германско-христианский”) принцип. Оба этих принципа, по мнению Коллара, уже исполнили свою историческую миссию, поэтому наступает время других народов и следующего принципа, который бы заменил оба предыдущие. Этим принципом должна стать “*univerzálna ľudskosť*” (“универсальная человечность”) (точнее, “*čisto ľudská tendencia*” — “чисто человеческая направленность”), а ее носителями, или претворяющими ее в жизнь, должны стать славяне. В связи с этим Коллар утверждает: “Время и созревшее человечество сейчас требует универсальной чисто человеческой направленности; эту большую роль может исполнить большой, извечно творческий, не застывший в никакой форме народ, каким является (народ) славянский... Славяне примут старое и новое время, примут оба отдельных культурных элемента в свою национальную жизнь и заложат в своем дальнейшем образовании новую эпоху человеческого рода” [Kollár 1954: 147].

Коллар считает, что славяне способны наполнить и исполнить это предназначение своей "взаимностью". "Славянская ("литературная") взаимность, — пишет Коллар, — заключается в совместном создании всеми народными ветвями духовных плодов собственного народа. ...Она не требует политического объединения всех славян... взаимность может существовать и там, где народ разделен на многие государства, или республики. Взаимность возможна и там, где у одного народа много вероисповеданий, где найдем различные алфавиты, привычки и обычаи... Взаимность заключается не в универсализации или насильственном смешении всех славянских наречий в одном главном языке... Взаимность не затрагивает границ и иных политических обстоятельств,.. не касается прав и законов иностранных государств, предполагает жить с каждым соседом в дружбе" [Там же: 111—113].

Из сказанного выше следует, что концепцией *славянской взаимности* Коллара не преследовал никакого "воинствующего панславизма". Наоборот. *Взаимность* заключается не в политическом союзе славян, а в общем культурно-гуманистическом стремлении и "общем удовольствии", исходящем из достижения высшего уровня человечности. На это указывает и В. Черни, когда говорит, что "панславизм Коллара — это феномен эмоциональной компенсации, и как таковой он совершенно аполитичен, точнее, политически беззащитен, ...является попыткой интегрировать славизм с концепцией окцидентальной культуры". Из гердеровской сути славизма следует, что он мог зародиться только на пограничье славянства и Европы и только в этом взаимном контакте... Этот славянский продукт из немецкого материала... через посредничество Гердера можно связать с Руссо и Просвещением" [Černý 1995: 17—19]. (О польском варианте «панславизма» этого типа ближе см.: Korytowska, M. C. *The Slavs in the Eyes of the Occident, the Occident in Eyes of the Slaws*. — Cracow, 1992. S. 83—93.)

Коллар понимал славянство как культурно-гуманистический феномен, исходя из т.наз. племенной структуры славянского народа. Причем связь славяности и словацкости (или скорее "чешско-словацкости") этот мыслитель представлял на фоне гердеровско-гегелевской диалектики целого и части. Славянское единство не исключает "чешско-словацкую" часть, а "чешско-словацкая" часть не отрицает славянского целого. Аналогичным образом феномен славянства воспринимал еще один представитель "поколения Всеславии" — П.-Й. Шафарик, который предложил свою концепцию славян в "славистической трилогии": 1. *Dejiny slovanského jazyka a literatury všech nářečí* ("История славянского языка и литературы во всех наречиях"), 2. *Slovanské starožitnosti* ("Славянские древности"), 3. *Slovanský národopis* ("Славянская этнография").

Из этих работ Шафарика следует, что славянство в них анализируется в первую очередь как культурно-исторический феномен.

Шафарик, — подобно Коллару, — принимает представление Гердера о чередовании отдельных народов на “исторической сцене”, причем он уверен, что после романских и германских народов историческо-гуманистическую эстафету превозьмут славяне.

Шафарик характеризует славян как “древнее европейское племя, с незапамятных времен живущее в Европе среди других народов и скрытое под разными, позже пришедшими именами” [Šafárik 1862: 31]. Исконность и своеобразие славянского племени Шафарик мотивирует не только историческими фактами, но также филологическими, географическими, мифологическо-религиозными и социально-этическими аргументами.

Филологически направленная аргументация имеет, например, такой характер: “Славянский язык своей материей и формой несет в себе выразительные черты исконности, является бесспорным доказательством исконности племени самого народа ... Такой исконный, самостоятельный, чистый, доскональный в произношении, богатый, на столько наречий разветвленный язык, каким является славянский, никак не мог возникнуть без исконного, отдельного, древнего народа” [Там же: 54].

Географически направленная аргументация в пользу исконности славян включает прежде всего исторические факты о территориях, которые с древнейших времен населяли славяне.

Мы уже говорили, что “аргументы” об исконности славян Шафарик находит также в вероисповедании, праве, морали и обычаях славян. В подтверждение этому, например, он замечает: “Если мы обратим внимание на мораль, обычаи, религию, уклад и право древних славян и кропотливо сравним их с моралью, обычаями, религией, укладом и правом других старых европейских племен той же индоевропейской семьи, а именно фракийцев, кельтов, германцев, литовцев, — то найдем между ними такое родство, подобие и близость, что иначе и нельзя подумать, чем так, что все эти братские племена с незапамятных времен здесь, в Европе, должны были жить вместе” [Там же: 71—72].

Явное влияние Гердера заметно и при выделении Шафариком так называемых характерных черт славян. В работе “История славянского языка и литературы во всех наречиях” Шафарик утверждает, что “к основным характерологическим чертам славянского племени как единого образования относятся: религиозное убеждение, любовь к труду, искренняя веселость, любовь к родному языку и миролюбие” [Šafárik 1963: 86]. К этим главным чертам характера примыкают, по мнению Шафарика, и другие качества, такие как гостеприимность, нравственность, порядочность, дружелюбие, смиренная покорность судьбе и т.п. Параллели с восприятием славян Гердером мы находим здесь главным образом между тем, что Шафарик

назвал "смиренной покорностью", и тем, чем Гердер восхищался как славянским миролюбием, невоинственностью, смирением и т.д.

При этом, однако, Шафарик славян не идеализирует. Он указывает и на негативные черты характера славян, причем подчеркивает, что главным образом две из них "с давних времен портили прекрасный венец их народной добродетели и на целые поколения обрушили тяжкие бедствия и катастрофы". Первая — это реальность, что "славяне друг друга ненавидят и постоянно жили между собой в распрях и раздорах". Вторая — это "безоглядная любовь ко всему иностранному, к чему извечно льнуло славянское сердце, поэтому для славян все заграничное было предпочтительнее, чем свое; чужой язык и образ жизни был всегда приятней, чем собственный отечественный" [Šafárik 1862: 589—590]. Как и Гердер, Шафарик подчеркивает, что именно из-за внутренней раздробленности, перенимания чужих стандартов, покорности судьбе и т.п. славяне часто (и легко) становились жертвой агрессора, теряли свободу, а вместе с ней и возможность более весомо включиться в мировые исторические события.

Несмотря на то, что Я. Коллар и П.-Й. Шафарик рассматривали феномен славянства способом, который не позволил им подойти к национальному своеобразию отдельных (племенных) частей славянского целого, тем не менее оба они повлияли на то, что семантический упор в понимании славянства в исследовании (и при интерпретации) передвинулся с преимущественно воображаемого мифического мира на существенно более "аутентичную" историческую реальность. Коллар и Шафарик предложили относительно целостный — для своего времени — образ исторического бытия славян. Они приспели к выявлению культурно-исторических ценностей, которые стали опорой не только при обосновании идей славянской взаимности, но и при формировании будущей словацкой и чешской "национальной" общности. В этом смысле на Коллара и Шафарика опирался и главный представитель "filozofie národovtorného činu" ("философии действия, формирующего нацию") словаков, каким является Людовит Штур.

Восприятие Штуром феномена славянства передают его работы: *Slovanstvo a svet budúcnosti* ("Славянство и мир будущего"), *O národných piesňach plemien slovanských* ("О народных песнях славянских племен"), *O poézii slovanskej* ("О славянской поэзии") и т.д. В них методическое влияние Гердера и Гегеля переплетается с идеей Коллара о славянской взаимности, с антизападной пропагандой русских славянофилов и с христианской концепцией *dejín spásu* (истории спасения).

Штур исходит из предпосылки, што народы Запада свою историческую миссию уже исполнили. Их *духовность* исчерпала себя, по-

этому приходит очередь народов Востока (т.е. славян), духовность которых еще только ждет своего исторического проявления и реализации. “Понаблюдайте за Европой, — пишет Л. Штур, — и вы увидите неприятности на западной стороне: одни во всем сомневаются, другие зовут на помощь, а иные зарываются в материальность. Мы же посмотрим на этот грустный театр со стороны, где этого еще нет... У народов восточной Европы мы заметим пробуждение к высшим интересам, к интересам духовным” [Štúr 1987: 23]. Славянский мир, по мнению Штура, не только познает, но и воплотит дух. Дух — это “предназначение Иисуса Христа”, и это предназначение свершится в славянском мире. “Есть еще мир, — утверждает Л. Штур, — который не отчаивается, который ждет от Бога спасения. Мы рады, что это наш славянский мир” [Там же: 43].

Славянский мир, по мнению Штура, еще пока не жил высшей исторической жизнью, потому что “как таковой еще не взялся играть в истории главную роль” [Štúr 1993: 129]. (В связи с этим желательно напомнить слова Штура, что «славянский народ, по сути, среди народов индоевропейских — исключительный, огромная масса, но дух в нем еще мало движется, поэтому он еще не имеет значительных заслуг перед человечеством». Štúr, L. *Život národov. Orol tatranský*, roč. II. — 1846. S. 338. Возможно, и по этой причине Гегель в *Filozofii dejín* («Философии истории») в адрес славян отметил: «Вся эта масса [славянство — Р. Д.] остается вне наших замечаний, поскольку до сих пор не проявила себя в мире разумных форм. Станет ли это в будущем, — нас не касается, ибо в истории мы имеем дело с прошлым». Hegel, G. W. F. *Filozofia dejín*. — Bratislava, 1957. S. 348.) Чтобы в истории он мог занять место по своим силам и способностям, он должен “политически освободиться” и “стать самостоятельным”. Штур говорит, что существуют три способа этого достичь: первым является образование *славянской федерации*, второй — это австрославизм и третий — присоединение всех славян к России. Только третий способ, по его мнению, правильный и имеет будущее, ибо “россияне единственные среди славян сохранили свою государственную независимость” [Štúr 1993: 157]. Кроме того, Россия имеет выгодное географическое положение, огромную территорию и большое число жителей. Народ с царем образует якобы “гармоническое” единство, “деятельность ученых усердна и открывает России большие перспективы”, “дело финансирования хорошо организовано», международное влияние России “служит другим государствам примером”, русская православная церковь является гарантом сохранения христианства и нравственности перед опасностью западноевропейского безбожия, нигилизма и т.д. На фоне этой идеализации отношений в царской России Штур высказывает убеждение, что русское правительство, как правительство славянское, очень скоро

найдет способ, чтобы избавиться от “наибольшего зла в России,” которым является крепостничество [Там же: 157—163].

Вопреки видению славянства (и его будущего) Штуром в панрусистическом контексте, путь словацкой “философии действия, формирующей нацию” — после смерти Л. Штура вел от понимания славянства как “этнически” единого общества через идею славянского целого, состоящего из относительно самостоятельных частей, к полному своеобразие этих частей, включая осознание самостоятельности словацкого народа. Феномен славянства (в смысле славянского сознания) сыграл при этом двойственную роль, точнее, включал два подчиненных ему по значению уровня: с одной стороны, воздвиг совместными усилиями преграду, хранившую словаков перед слиянием с венгерским народом, с другой стороны, если этот феномен воспринимался односторонне, — усложнял (или затемнял) и сам процесс словацкого национального осознания и развития. (Это касалось тех случаев, когда из-за славянского начала не было видно словацкого, и т. п.).

В настоящее время феномен славянства опять обретает свой первоначальный культурно-исторический характер. И только от словаков зависит, в какой мере они исполнят — еще Гердером предсказанное — гуманистическое предназначение.

Литература

- Černý, V. Vývoj a zločiny panslavismu. Praha 1995.
Herder, J. G. Vývoj lidskosti. — Praha, 1941.
Kollár, J. O literárnej vzájomnosti. — Bratislava, 1954.
Šafárik, P. J. Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí. Bratislava 1963.
Šafárik, P. J. Slovanské starožitnosti I. — Praha, 1862.
Štúr, E. O poézii slovanskej. Martin 1987.
Štúr, E.: Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava 1993, s. 129.

ЕРЕМИН Александр Николаевич

Калуга, Россия

ИДЕОЛОГИЯ И ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Общественная идеология реализуется прежде всего в политическом дискурсе. Последнему свойственны различные характеристики, в том числе в зависимости от формы политической системы, которую он обслуживает [Норман 1994, Шейгал 2004, Чудинов 2006].

Е. И. Шейгал описывает, с одной стороны, научный и демократический политический дискурсы, которым, по мнению автора, свойственны *информативность, рациональность, трезвый скепсис, логика аргументации, примат референтной функции, реальный денотат, ясность...*, с другой стороны, политический тоталитарный и религиозный дискурсы, которым свойственны *фатика/ритуальность, эмоциональность, фидеистичность, слепая вера, примат побудительной функции, фантомный денотат, эзотеричность...* [Шейгал 2004: 69].

Любая общественная идеология онтологична и аксиологична.

Человеческие знания ограничены, поэтому полной информативности, рациональности добиться нельзя в принципе. Что-то приходится принять на веру, что-то мыслить как желаемый (фантомный) денотат. Какие-то положения ученому удобны.

С другой стороны, как давать в толковых словарях идеологически нагруженную лексику: просто заимствуя ее из философских, политических словарей и политических текстов или модифицируя? Если цитировать, то все ее недостатки, отмеченные лингвистами, окажутся в толковом словаре — научном дискурсе.

В изданных толковых словарях мы, как правило, наблюдаем в отношении подачи рассматриваемой лексики множество недочетов, которые на практике выражаются, в частности, в следующем: 1) составитель замалчивает «неудобные» слова и значения, 2) дает значения так, как считает «нужным», 3) формулирует «фантомные» туманные значения, 4) при наличии разных по содержанию значений в отношении одного денотата оставляет, как правило, то, которое приветствуется господствующей идеологией, 5) непоследовательно описывает набор значений одного слова, в которых выражается разная идеология, но при этом обнаруживает пристрастность в подаче некоторых из них, 6) не видит динамики изменений в семантической структуре слова.

Кратко проиллюстрируем сказанное.

1. В толковом словаре 1847 г. нет слова *рабовладелец* ни в отношении к российской жизни XIX в., ни в отношении к древним государствам.

В советское время у слова *работяга* «о рядовом работнике, преимущественно с низкой квалификацией, — рабочем, сантехнике, водителе и под.» были негативные коннотации. Поэтому в речи советской элиты, в том числе и интеллигенции, отмечались такие фразы: «Какой он тебе жених, он же грязный *работяга*». Однако в словарях данного значения мы не найдем.

2. В. И. Даль, человек воцерковленный, в своем словаре слово *безбожие* определяет как «воображаемое состояние кого или чего при отсутствии Бога, божества...» [Даль 1981: 58].

3. Н. Ю. Шведова так определяет значение слова *диссидент*: «...(книжн.). 2. *Человек, не согласный с господствующей идеологией, инакомыслящий*» [Шведова 2008: 200].

Данное толкование не дает ответа на целый ряд вопросов: а) можно ли считать членов современных оппозиционных партий диссидентами, б) есть ли в сегодняшней России диссиденты, в) не является ли слово *диссидент* историзмом (период 60—90-х гг. XX в.).

4. Как известно, социальное *равенство* определяется по-разному: коммунисты в основу кладут равенство в отношении к средствам производства, демократы постулируют основой равенства одинаковое отношение к закону. Объективно, надо бы учитывать все это, что отвечало бы истине. Но такого не происходит. Ср.:

Равенство. 2. Такое положение людей в обществе, при котором они находятся в одинаковом отношении к средствам производства всего общества [Ушаков 1939, т. 3: 1102].

Равенство. 2. Положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие [Шведова 2008: 785].

В словаре 1847 г. нет никакого социального равенства, дано лишь одно значение:

Равенство. Одинаковость в свойствах, в величине, достоинстве и т. п. [Словарь 1847, т. 4: 2].

К слову *равнять* в этом словаре дается такой красноречивый пример: «Бедного с богатым, слабого с сильным *не равняют*» [Словарь 1847, т. 4: 4].

Рассматриваемое значение в современном толковом словаре можно дать и так:

Равенство. 2. Декларируемое властью (государством) положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие.

Это снимает возможный упрек в адрес составителя словаря в его «нравственной ангажированности» и отвечает требованию объективности: ожидаемый денотат подается именно как ожидаемый (фантомный), но не существующий реально.

5. Н.Ю. Шведова так описывает значения слова *народ*. 1. Население государства, жители страны. — Российский *народ*. 2. Нация, национальность или народность. — Русский *народ*. 3. Основная трудовая масса населения. — Простой *народ* [Шведова 2008: 492].

Третье значение дано «политкорректно» и туманно: «основная трудовая масса населения»?

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова оно дано более определенно, правда, в отношении XIX — начала XX вв.: 3. В эксплуататорском государстве — основная масса населения (преимущ. крестьяне) в

противоположность правящему, господствующему классу [Ушаков 1938, т. 2: 414].

Очевидно, его можно дать так: 3. *Народ*. То же, что простонародье. — Человек из *народа*. (Где *простонародье*. собир. устар. Простой, трудовой, обычно малообразованный народ; в старое время — люди, принадлежащие к непривилегированным, податным сословиям).

6. В словаре Шведовой слово *карьерист* сопровождается отрицательной коннотацией: *Карьерист* (неодобр.). Человек, проникнутый карьеризмом [Шведова 2008: 327].

Сегодня слово *карьерист* нередко нейтрально или даже имеет положительные коннотации (отмечалось А. Д. Шмелевым): «Он молодой честолюбивый *карьерист*». Возникает вопрос — сколько сегодня значений у данного слова: одно или два?

Таким образом, *проблема подачи идеологически нагруженных значений в научном издании — толковом словаре русского литературного языка — имеет место.*

Литература

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1981—1982.

Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. / сост. Вторым отделением Императорской Академии Наук. — СПб., 1847.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Советская энциклопедия, 1935—1940.

Толковый словарь русского языка с включением слов о происхождении слов / РАН ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008. — 1175 с.

Норман, Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологи / Б. Ю. Норман // Язык и культура : Третья Межд. конф. — Киев, 1994. — С. 53—60.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : ИТДГК «Гнозис». — 326 с.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2006. — 256 с.

ЕФРЕМОВ Валерий Анатольевич

Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ДИСКУРСЕ ПАРТИИ ВЛАСТИ

Экономические изменения общественной жизни неминуемо влияют на языковое оформление политического дискурса. Одно из действенных средств, с помощью которых политики пытаются «овеществлять» реальность, — политическая метафора. Экономический кризис конца 2000-х, сыгравший важную роль в трансформации как экономической, так и политической ситуации в России, на разных этапах по-разному отражался в дискурсе власти.

Материалом исследования послужил официальный сайт партии «Единая Россия» (www.er.ru) с августа 2008 г. по июль 2009 г. На протяжении данного периода, преследуя узкие политические цели (поддержание экономического образа России как «тихой гавани», популяризация идеи вины американской экономики в возникновении кризиса, сохранение спокойствия среди населения, трансляция и пропаганда точки зрения дуумвирата и др.), члены партии «ЕдРо» в своих выступлениях представляли экономический кризис особым, проправительственным образом, что отразилось в использовании разнообразных метафор.

Памятуя о том, что метафора способна служить весьма эффективным средством переконцептуализации общественного мнения («изменения системы базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в ее развитии» (А. П. Чудинов), можно выделить несколько этапов метафоризации экономического кризиса, связанных с его рецепцией и трансляцией дискурсом партии власти. Анализ метафор и динамика их употребления позволяют выявить как декларируемое, так и не артикулируемое по разным причинам отношение политиков к происходящему. Отметим, что этапы восприятия экономического кризиса властью соотносятся с психологическими этапами развития стресса.

Первая стадия — отрицание проблемы (кризис затронул США и Европу, но не Россию) и связанный с ним оптимизм: «Оптимистический сценарий: *мировой кризис — могильщик капитализма*, но, поскольку капитализм в России не получается, для России он пройдет стороной» (С. Митрофанов)». В августе 2008 г. актуализируется метафора, предложенная А. Кудриным еще в январе: Россия — это остров стабильности в океане мирового кризиса.

Второй этап — косвенное допущение возможности кризиса в стране. В середине осени при сохранении позитивного настроения ставится важная политическая задача — оградить Россию от негативных последствий чужого кризиса: «Председатель Госдумы Б. Грызлов заявил, что эти поправки призваны не допустить развитие в России *кризиса, поразившего другие государства мира*» (27.10.2008).

Третий этап — шок. В октябре — ноябре стремительно растет количество метафор стихийного бедствия: как наиболее частотная для концептуализации кризиса, она позволяет снять с политиков и чиновников любую ответственность. Одновременно появляется линия метафоризации кризиса как продуктивного, положительного начала («*Кризис обнажил...*», «*Кризис расставляет по местам...*» и т. п.).

Четвертый этап — попытка принятия ситуации и поиск решения. В ноябре возникают «объединяющие» метафоры (*в одной лодке, общий дом*). В то же время на первый план выходит метафора игры, продуктивная для объяснения населению (популяризаторская функция метафоры) разных сторон экономического кризиса. В ноябре — декабре 2008 г. актуализируются профессиональные метафоры (*схлопывание, эффект мертвой кошки* и др.), что свидетельствует о более серьезном осмыслении ситуации, о смене характера политических выступлений — в сторону продуктивного поиска решений.

Пятый этап — пике. Начало 2009 г. — это кульминация метафоризации кризиса в политическом дискурсе власти: в январе появляется ключевая метафора идеального шторма (В. Путин), которая эксплицирует масштаб кризиса в глазах правящей политической элиты. В качестве инновации актуализируется ранее мало востребованная русским языком буквенная модель метафоризации (например, V-, L-, W- и др. схемы развития кризиса).

Шестой этап — сопротивление. Материалы сайта за февраль характеризуются, с одной стороны, многочисленными упоминаниями о панических настроениях и ростом метафор сферы-источника «Болезнь», с другой стороны, усилением поиска положительного начала мирового кризиса. С началом весны наблюдается новый всплеск метафоризации кризиса. Актуализируется мотив восприятия кризиса как врага, на первый план выходит борьба с ним. Новые источники метафор не появляются, используются лишь старые сферы-доноры («Болезнь», «Стихия», «Война»), что позволяет сделать вывод о существовании некоторого предела метафоризации любого явления, в том числе и кризиса.

Седьмой этап — стадия усталости. С середины весны, несмотря на популярность темы, примеров метафоризации кризиса становится все меньше: большое количество материалов сайта посвящено отече-

там о митингах в поддержку «антикризиса» как совокупности антикризисных мероприятий. К июлю 2009 г. тема кризиса уходит на периферию, «ЕдРо» подводит итоги борьбы: вовремя проведенные антикризисные меры тандема Медведев — Путин оказались эффективными, первая «волна» кризиса успешно преодолена.

Итак, анализ типов метафор и динамики их употребления в дискурсе партии власти позволяет эксплицировать различные стадии рецепции мирового экономического кризиса как политической элитой страны, так и рядовыми членами «Единой России».

ИВАНОВА Светлана Викторовна

Уфа, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВИЗАЦИИ В НОВОСТНОМ МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Оптимизация передачи вербальной и невербальной сторон текста, что составляет суть явления технологичности, затрагивает как содержательную, так и формальную стороны организации массмедийного сообщения. В рамках данного исследования в качестве цели выступает обнаружение технологии, действующей при передаче субъективного мнения автора новостного сообщения в рамках массмедийной политической коммуникации.

Общеизвестно, что основным требованием к новостному сообщению являются объективность и отсутствие в тексте сообщения субъекта, автора сообщения. Соответственно, основными условиями, которые должен соблюдать журналист в новостных сообщениях, являются информативность, стремление к объективности и нейтральному стилю изложения. Однако практика показывает, что новостной медиадискурс, будучи частью политического дискурса, ориентированного на решение вопроса о власти, построен с опорой на стратегию, призванную передать субъективное видение автора или группы лиц, скрывающейся за автором. Субъективизация предполагает передачу в рамках общения личностных смыслов автора. Экстраполируя понимание личностного смысла как личного отношения субъекта к миру, фиксирующегося в субъективных значениях [Пищальникова 1992: 131], учитывая крайне важное замечание А. Г. Асмолова о том, что личностный смысл предполагает значимость, «значение-для-меня [Асмолов URL], можно заключить, что личностные смыслы — это ценностные смыслы, которые отсылают к внутреннему миру индивида и/или коллектива, включающему убеждения, чувства, оценки, мотивы, которые являются результатом предшествующего опыта как индивида, так и коллектива в целом.

Для выделения тактик, реализующих стратегию субъективизации, состоящую в передаче личностных/ценностных смыслов автора, первоначально представляется правомерным выделить три уровня формирования новостного сообщения в рамках СМИ — дискурсивный (выполнение законов и правил данного жанра), культурный (отражение культурных установок данного сообщества) и идеологический (отражение политических устремлений индивидуального/коллективного продуцента текста). Исследование новостного медиадискурса с точки зрения технологичности передачи авторского отношения к сообщаемому позволяет выделить ряд тактик, к которым регулярно прибегают авторы с целью передачи своей скрытой, но, тем не менее, вычленяемой при соответствующем анализе позиции. К данным тактикам относятся **предпочтительность информации, расширение/сужение информации, множественность интерпретации, минимализация информации, проведение параллелей, нарушение хронологического плана изложения.**

В качестве демонстрации того, как работает одна из выделенных тактик, можно обратиться к тактике **предпочтительности информации.** Данная тактика актуализируется в 57 % случаев (выборка составляет 347 статей, опубликованных под рубрикой *News*). Данная тактика актуализируется журналистом тогда, когда из нескольких тем, заявленных в тексте сообщения, автор отдает свое предпочтение тому, что в большей степени служит отражению его субъективной позиции. Так, например, статья *Obama urges blacks to vote and "guard the change"* (REUTERS 19.09.2010) посвящена призыву Барака Обамы поддержать демократов на промежуточных выборах в Конгресс (ноябрь 2010). Автор затрагивает такие темы, как поддержка Обамы его сторонниками во время президентской гонки, количество избирателей-афроамериканцев, заинтересованных в участии в грядущих выборах, количество мест в Конгрессе для переизбрания, политика перемен. Лексико-семантический анализ задействованного в статье языкового материала (*fire up, urge, up for grabs*), анализ обсуждаемой тематики показывают, что в статье, первоначальной целью которой было освещение активного участия Обамы в избирательной кампании на промежуточных выборах в Конгресс, меняются акценты: журналист выбирает для цитирования именно ту речь и использует те цифровые данные, которые свидетельствуют о сильной позиции республиканцев на предстоящих выборах и незначительных шансах Обамы переломить наметившийся ход событий.

Чрезвычайно большим технологическим потенциалом в плане передачи ценностных смыслов характеризуются прецедентные имена, мифологемы, идеологемы, которые составляют культурный и идеологический уровни формирования новостного медиадискурса и политического дискурса в целом. Не имея возможности остановиться

на сложном характере их отношений, подчеркнем, что в составе политического дискурса они, как ярлыки, в очень емкой форме представляют ценностные смыслы. Не нуждаясь в комментариях и объяснениях в силу своей кажущейся общедоступности, они служат лозунговой краткости и красочности политической коммуникации.

Таким образом, технологичность затрагивает все уровни формирования массмедийного политического дискурса. Технологичности оказывается подвержена даже субъективизация, передача личностных, ценностных смыслов, которые, казалось бы, если и обнаруживаются, то должны составлять спорадические, отдельные незначительные элементы в рамках новостного дискурса СМИ. Однако новостной политический медиадискурс, несмотря на декларируемую объективность, технологично расставляет авторские акценты, нацеливаясь на трансфигурацию ценностной сферы читателя.

Литература

Асмолов, А. Г. Личностный смысл // URL:<http://slovari.yandex.ru/личностный%20смысл/Социальная%20психология/Личностный%20смысл/> (дата обращения: 15.06.2011).

Пищальникова, В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. — Барнаул, 1992.

КАБЛУКОВ Евгений Викторович

Екатеринбург, Россия

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Изучение идеологии, а также идеологем как ее компонентов является популярным направлением лингвистики [см.: Гусейнов 2003; Купина 1995; 2006; Van Dijk 1995 и др.]. Традиционным материалом для таких исследований служит дискурс массмедиа. Мы рассмотрим, как функционируют некоторые официальные идеологемы в современном российском медиадискурсе. Под идеологемой вслед за Н. А. Купиной мы понимаем «вербально выраженную политическую или политизированную идею» [Купина 2006: 518] и исходим из того, что существуют официальные идеологемы как компоненты государственной идеологии, а также неофициальные, т. е. такие, которые формируются и функционируют без поддержки государства.

Итак, в качестве примера для анализа возьмем идеологемы «модернизация», «инновация» и «нано» (как часть сложных слов, кото-

рые благодаря данному компоненту приобретают идеологическое содержание), специфика функционирования которых зависит от контекста. Можно выделить три типа контекстов — лояльный, коммерческий и критический.

Лояльный контекст предполагает использование официальной идеологии в ее первоначальном значении — в качестве единицы, формирующей и поддерживающей государственную идеологию. Пожалуй, лучшим примером здесь являются выступления высших должностных лиц страны. Такие выступления служат источником официальной идеологии и активно тиражируются массмедиа:

*Называя пять приоритетов технологического развития, предлагая конкретные направления **модернизации** политической системы, меры по укреплению судебной власти и противодействию коррупции, я исхожу из моих представлений о будущем России* (Д. А. Медведев. 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml).

В текстах советских СМИ периода тоталитаризма идеологии существовали исключительно в таком контексте. Медиадискурс того периода исключал возможность использования компонентов официальной идеологии в других целях. Так называемое «языковое сопротивление», разрушающее содержание официальных идеологем и противостоящее государственной идеологии, было вытеснено из публичной сферы и существовало в таких специфических формах, как лагерная поэзия и анекдоты, которые никогда не тиражировались газетами того периода [см.: Купина 1995; 1999]. Однако либеральные преобразования — в политической и экономической сферах — и развитие средств коммуникации привели к тому, что официальные идеологии в медиадискурсе начали функционировать в иных контекстах.

Один из них — коммерческий. Он предполагает использование официальных идеологем в коммерческих целях, т.е. для получения прибыли. Речь идет, прежде всего, о рекламных материалах и текстах, реализующих PR-задачи:

NANO PHARM — это инновационная линия средств по уходу за волосами, содержащая **наночастицы** Железа, Цинка и Меди. Благодаря высоким **нанотехнологиям** впервые удалось соединить самые важные элементы для здоровья и красоты волос (URL: <http://www.nano-pharm.ru>).

Таким образом, коммерческие структуры используют государственную идеологию в своих целях. Они устанавливают связь между своими продуктами и популярными идеологиями, что должно обеспечить спрос на данные продукты.

Критическим мы назвали такой контекст, в котором идеология теряет свое «сакральное» значение, подвергается критике, обыгры-

вается, в результате чего происходит девальвация идеологического содержания и даже изменение оценки на противоположную:

*В феврале 2010 года президент Дмитрий Медведев посетил город Томск и объявил его «центром **инноваций**». Возможно, он имел в виду изобретенную властями Томска **инновационную** технологию по выселению местных жителей из их домов (Esquire. 2010. № 57).*

В заключение отметим, что в одном тексте одна и та же идеология может быть использована в разных контекстах, например, в лояльном и критическом. Особенно это свойственно журналистским материалам, в которых представлены различные — часто противоположные — точки зрения. Кроме того, языковая единица, соответствующая официальной идеологии, может использоваться нейтрально, без какой бы то ни было идеологической нагрузки.

Литература

Гусейнов, Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. / Г. Ч. Гусейнов — М. : Три квадрата, 2003. — 272 с.

Купина, Н. А. Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города / Н. А. Купина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — С. 516—534.

Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та, 1995. — 144 с.

Купина, Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры / Н. А. Купина; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 1999. — 176 с.

Van Dijk, T. A. Discourse analysis as ideology analysis / T. A. Van Dijk // Language and Peace. — Aldershot : Dartmouth Publishin, 1995. — P. 17—33.

КАСПАРОВА Анна Юрьевна

г. Москва, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Как показывают многие исследования, милитарная метафора является одной из самых частотных в англоязычном политическом дискурсе, так как позволяет концептуализировать политические

противоречия в наиболее «осязаемых» для человека терминах физического конфликта, и хотя реальных боевых действий нет, есть вербальное противостояние, и часто спор оказывается структурированным метафорой войны.

Концептуальная метафора (КМ) «Политика — это Война» акцентирует внимание адресата дискурса на том, что есть две или более противоборствующие стороны (отдельные политические акторы, партии, государства), каждая из которых пытается одержать верх над противником, показав общественности, что она достойнее, например, руководить партией или управлять страной. Не случайно количество реализаций военной метафоры и, соответственно, фразеологизмов, в основании которых лежит эта метафора, значительно возрастает во время предвыборных кампаний.

Наиболее часто КМ войны активизируется как источник фразеологических единиц (ФЕ) в тех случаях, когда в концептуальном основании текста присутствуют такие составляющие, как «соперничество/противостояние» и «проблемы/трудности», «критика», «неудача», «ошибки/некомпетентность».

В функционирующей в англоязычном политическом медиадискурсе КМ «Политика — это Война» можно выделить несколько групп фразеологизмов, с помощью которых в ПД реализуются такие концептуальные составляющие (КС) метафорического концепта «Война», как «виды военных действий», «атака», «оборона», «оружие», «схватка животных», «стратегия/тактика», «этапы военных действий», «коалиция».

Достаточно обширную группу представляют ФЕ общей семантики, которые отражают идею противостояния, символизируют открытую неприязнь противоборствующих сторон и содержат, как правило, компоненты *war*, *fight*. Такие фразеологизмы имеют, скорее, не оценочный, а номинативный характер (*to go to war*, *an act of war*, *a war of nerves*).

Каждая из концептуальных составляющих МК «Война» коррелирует с определенными текстовыми концептами. Например, КС «оружие» активизирует использование фразеологизмов, которые несут в своей гештальт-структуре образы неправильно выбранного оружия (*to bring a knife to a gunfight*), а также неосторожного или опрометчивого обращения с оружием (*to shoot oneself in the foot*, *to shoot from the hip* и т.д.), и часто соотносятся с текстовыми концептами «ошибки» и «некомпетентность».

С помощью ФЕ в ПД могут акцентироваться разные виды военных действий. Наиболее часто политическое противостояние выражается через привычные сухопутные бои, хотя в британском ПД нередко примеры, в которых соперничество (как правило, во время предвыборных кампаний) отражается через образы морского боя

(*to clear the decks, to shoot a warning shot across smb's bows* и др.), что может быть объяснено национально-культурной компонентой, так как военно-морское дело всегда играло особую роль в истории Великобритании:

Политическая борьба может осмысливаться и через ФЕ, несущие образ схватки животных (*to lock horns* и *to be red in tooth and claw*, которая ассоциируется, в первую очередь, с ожесточенной борьбой инстинктов, в которой не может быть правил, поэтому в текстах, где реализуются подобные ФЕ, одним из ведущих концептов оказывается «злость» или «ожесточенность».

Атака противника в политических спорах может реализовываться с помощью пространственно-деятельностной метафоры. Структурная КМ «Политика — это Война» часто базируется на онтологической КМ «Политика — это Движение»: воюющие стороны атакуют, наступают, отступают, занимают или сдают позиции, меняют дислокации — в основе всех этих действий лежит идея движения, что находит свое отражение во фразеологической системе языка (*to be on the march to smth, be on the warpath, to lose ground, to make inroads, a path of least resistance, to steal a march on smb.* и т. д.).

Политические войны походят на реальные боевые действия: одна сторона нападает (*to make inroads, to be on the offensive, to steal a march on smb.*), а другая обороняется (*to be on the defensive, to hold the fort, to hold the line*), кто-то побеждает (*to pass with flying colours*), а кто-то отступает (*to beat a retreat*) или терпит поражение (*to fall on one's sword, to fight a losing battle*), ведутся ожесточенные битвы (*to be fighting mad, slings and arrows*), штаб командования разрабатывает тактику действий (*pincer movement, arrow in one's quiver, tactical retreat*), прибегает к уловкам (*to spike smb's guns*), применяются разные виды оружия (*to turn guns on smb., to bring a knife to a gunfight, with both barrels, to cross swords, at daggers drawn, to bury the hatchet*) и т. д.

Рассмотренный языковой материал свидетельствует о том, что фразеология играет значительную роль при реализации концептуальных составляющих военной метафоры и способствует более эмоциональному восприятию текста. «Высвечивание» с помощью ФЕ определенных КС напрямую зависит от интенции продуцента дискурса придать повествованию тот или иной оттенок, представить определенные аспекты политической деятельности в определенном ракурсе.

КЕРИМОВ Руслан Джаванширович

г. Кемерово, Россия

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

В современной языковедческой науке политическая лингвистика (лингвистика политического дискурса) заняла свое достойное место в качестве самостоятельной дисциплины, у которой сложился как свой собственный объект исследования, так и так и своя методология, которая к тому же привлекает инструментарии других, «традиционных» наук, имеющих дело со словом и его значениями (семантика, стилистика, прагматика, метафология и др.).

Современные лингвополитические исследования охватывают широкий круг вопросов и осуществляются на материале разных языков (лингвокультур, политических культур). Политическая германистика (изучение немецкого политического дискурса) в этом отношении (наряду с изучением российского и англосаксонского политдискурса) также постоянно развивается, что связано как с важной ролью Германии в современной политической и экономической жизни Европы и мира, так и с богатым наследством фундаментальной школы германских исследований, которая сложилась в отечественной науке.

Повышенный интерес к исследованию политических речей современными учеными помимо прочего связан с тем, что в настоящее время стало возможным изучение и сравнение политических текстов разных режимов, например, социалистических систем СССР и ГДР и капиталистической ФРГ. Эта возможность открылась в первую очередь перед специалистами государств-преемниц стран бывшего социалистического лагеря — России и Восточной части современной единой Германии — ввиду того, что исчезли цензура и различного рода ограничения в этой области. И если в Западной Германии время от времени выходили некоторые работы по проблемам политической риторики как в странах западной цивилизации (ФРГ, США), так и в соцстранах, и, прежде всего, в ГДР [напр.: Chomsky 1999; Rohe 1987; Sarcinelli 1987] (см. библиографические данные и обзор представленной литературы в пособии: Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ : уч. пособие / Р. Д. Керимов ; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. — 168 с.), то подобные исследования у нас стали возможны только в постсоветской России [Баранов, Караулов 1991, 1994; Купина 1995; Чудинов 2001, 2003а и др.].

Лингвополитические изыскания немецкого политического языка в целом сформировались в рамках нескольких направлений: «исто-

рического», «современного», «комплексного», «метафорологического» и «когнитивного».

«Историческое» направление представлено публикациями, которые специализируются на каком-либо одном определенном этапе в истории Германии: языке Веймарской республики (1918—1933), Третьего рейха (1933—1945), ГДР и ФРГ (1949—1990). В Западной Германии выпускались специальные работы и сборники трудов, посвященные языковой политике и политическому языку в тот или иной период истории Германии: в годы национал-социализма [Klemperer 1996; Rhetorik 1997], в странах социалистического лагеря [Opp de Hipt 1989; Politische Reden in der DDR 1998].

Сюда же следует отнести и языковой анализ идиостилей отдельных наиболее значимых немецких политиков прошлого: первого рейхсканцлера Германской империи О. фон Бисмарка, лидера рабочего движения Германии начала XX в. Р. Люксембург, последнего рейхсканцлера и рейхспрезидента в истории Германии А. Гитлера, нацистского министра пропаганды Й. Геббельса, первого федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра и др. [Beck 2001; Felder 1995; Zimmermann 1975], а также видных зарубежных политических деятелей, например лидера большевиков В. И. Ленина [Hubenschmid 1998].

«Современное» направление в политгерманистике уделяет внимание состоянию немецкого политического языка периода существования единой Германии, который реализуется в нескольких аспектах, а именно: язык политических партий и движений [Hoinle 1999; Opp de Hipt 1987], в том числе и радикально-экстремистских [Kayatz 1996; Pörksen 2000], употребление языка в органах государственной власти (президент, правительство, парламент) [Klein 2003a, 2003b; Simmler 1978; Sprache des Parlaments 1995; Uhlig 1972], языковая личность современных германских политиков (Й. Рау, Х. Кёллер; Г. Коль, Г. Шрёдер, А. Меркель и пр.). При этом политический дискурс современной Германии (с 1990 г.) унаследовал черты западногерманской политической риторики, и ни о каких элементах политического языка ГДР в целостной системе политического языка единой Германии говорить не приходится.

К числу наиболее многоаспектных, комплексных исследований немецкого политического языка следует отнести работы, в которых анализируются разные уровни политического языка: фонетика, лексика, грамматика и стилистика, как, например, работа немецкого лингвиста В. Дикмана [Dieckmann 1969], исследование фразеологии [Elspruß 1998].

Работы по исследованию немецкой политической метафоры, роли метафоры в политической коммуникации стали появляться в ФРГ примерно в начале 80-х гг. XX века [напр.: Hoinle 1999; Küster 1983;

Münkler 1994; Politische Konzepte und verbale Strategien 2002; Rigotti 1994; Schäffner 1993]. В последние два десятилетия, с утверждением в лингвистике когнитивного подхода, немецкие авторы занялись изучением роли когнитивной метафоры в отражении социальной реальности на материале различных ее фрагментов [Bachem, Battke 1989, 1991; Liebert 1992; Metapher und Modell 1996; Metaphernanalyse 1993; Pohl 2002 и т. д.].

Следует отметить, что в отечественной политлингвистике не так много работ, посвященных как разработке комплексной теории немецкого политического языка, так и отдельных его аспектов, в связи с чем политическая германистика, как представляется, имеет в настоящее время широчайшие перспективы для проведения разнообразных научных исследований российскими учеными.

КИМ Лидия Густавовна

г. Пятигорск, Россия

ВАРИАТИВНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕГО РЕАЛИЗАЦИЮ (на материале газеты «Аргументы и Факты»)

В основе развиваемой нами концепции лежит интеракционная модель коммуникации в ее «адресатоцентричном» варианте, в соответствии с которой описывается процесс функционирования текста в «пространстве адресата». Мы постулируем положение, согласно которому каждое речевое произведение обладает потенциалом вариативно-интерпретационного функционирования, реализация которого определяется: а) объективными свойствами текста и составляющих его единиц (системоцентричный фактор) и б) коммуникативно-прагматическими условиями функционирования текста (коммуникативно-прагматический фактор).

Наше исследование выполнено на материалах рубрики «Жизнеспособность политических субъектов» в газете «Аргументы и факты» (2006-2010 гг.). Специфика этого языкового материала заключается в том, что он отражает модель диалогического единства, инициальная реплика которого представляет собой фрагмент речи одного из известных политических деятелей, а вторая реплика — это игровая реакция журналиста, характеризующаяся намеренной актуализацией «другого» смысла, таким «прочтением», часто ироничным, инициальной фразы, которое не предполагал автор. Такое взаимодействие

участников коммуникативного акта обусловлено «несовпадением» адресатов: конкретизированного, первичного, которому говорящий направляет свое высказывание в условиях реального коммуникативного акта, и неконкретизированного, вторичного, в условиях моделируемого коммуникативного акта. В данном случае вторичным адресатом является ведущий рубрику журналист(ы), подписывающийся псевдонимом С. Репов, А. Фуфырин, который отражает коммуникативную позицию массового адресата, т. е. читателя газеты, и характер его восприятия. Адресат-журналист-читатель воплощают остроконечное, «другое», нежели предполагает говорящий, восприятие содержания текста, обусловленное, во-первых, значением составляющих текст языковых единиц и, во-вторых, их прагматическим восприятием. Такой языковой материал иллюстрирует положение о том, что, с одной стороны, генетически связанное с автором и воплощающее его интенциональный замысел высказывание в процессе его речевого функционирования, перемещаясь в пространство адресата, утрачивает функциональные связи с автором и, следовательно, «освобождается» от того смысла, который «вложил» автор, а потому может быть «прочитано» так, как это «допускает» совокупность составляющих его языковых единиц. Иными словами, такие диалоги доказывают определенную справедливость постулатов Р.Барта о том, что смысл фокусируется не в письме, а в чтении и рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора. С другой стороны, этот языковой материал доказывает, что рецептивно-интерпретационная деятельность адресата имеет целью не только понять, «что хотел сказать автор», но и предполагает иные цели, например, «что сказал автор», «что может быть прочитано адресатом», или «я намеренно сделаю вид, что не понял автора, иотреагирую на другой смысл».

Таким образом, этот материал, представляющий собой не естественный диалог, разворачивающийся в реальной коммуникативной ситуации, а игровой, смоделированный журналистом, обладает богатыми научно-эвристическими возможностями и позволяет выявить языковые и коммуникативно-прагматические факторы, определяющие реализацию амфиболического потенциала высказывания. Назовем некоторые из них.

Языковые факторы. Системноязыковой фактор обуславливается прежде всего природой языкового знака, которая лингвистической наукой характеризуется как асимметричный дуализм и отражает существующее противоречие между бесконечностью смысла и конечностью языковых средств его выражения. Т.е. знак как двусторонняя сущность не имеет строгого и неизменного одно-однозначного соотношения формы и содержания. Кроме того, языковая единица является элементом языковой системы (подсистемы), и по-

тому ее значение определяется отношениями между элементами системы. Т. е., асимметрия языкового знака основывается также на оппозиции значимости и значения, введенная в лингвистику Ф. де Соссюром и отмеченная С. О. Карцевским.

Двусторонняя сущность языкового знака, характеризующегося свойством асимметрии означаемого и означающего, определяет его «интерпретируемость» как одно из важнейших свойств системно-языковых единиц, реализуемое в процессе функционирования языкового знака в речевом употреблении и обусловленное потенциальной возможностью наличия выбора. Т. е. в текстовом функционировании могут актуализироваться как несколько значений языковой единицы одновременно, так и такие значения языкового знака, которые различаются при порождении и восприятии текста.

К системноязыковым факторам, определяющим реализацию вариативно-интерпретационного потенциала высказывания отнесем следующие: 1) актуализация значений многозначного слова; 2) актуализация омонимов; 3) актуализация слова в составе синтагматически связанного оборота; 4) актуализация функционально-стилистической характеристики слова; 5) актуализация мотивационных и квазимотивационных связей; 6) актуализация словообразовательной структуры сложного слова, омонимичного сочетанию слов; 7) актуализация разных оттенков значений форм повелительного наклонения; 8) Актуализация содержания анафорического элемента текста.

Коммуникативно-прагматические факторы определяются отношением говорящего и слушающего (адресанта и адресата) к языковому знаку, «присвоению» ими языкового знака. Объективированный в языковом выражении замысел говорящего не может быть адекватным этому выражению, которое при этом слушающим не «прочитывается», не «расшифровывается», а создается, творится. Языковое выражение, следовательно, имеет вариативно-интерпретационный статус. Кроме того, при функционировании текста «в пространстве адресата» важным является характер и условия речевого взаимодействия, а также тип коммуникантов, степень совпадения их апперцепционной базы, информационного и семантического запаса, характер интенциональной деятельности адресата (настроенность на серьезное, игровое, ироничное реагирование и т.д.).

К числу коммуникативно-прагматических факторов относятся следующие: 1) актуализация разных слов высказывания (*С. Шаталов, замминистра финансов: «Водка не должна быть дешевой, тем более «народной». — Журналист: «А что делать: на народный коньяк денег хватает далеко не всему народу. Жаль, что такой ответственный господин об этом ничего не слышал».* (АиФ, 2008. № 9); 2) актуализация имплицитной информации (*А. Фурсенко: «В России*

лишь 20-30% студентов получают хорошее юробразование. Примерно половина выпускников юридических институтов не работают по специальности». — Журналист: «Да, проблема трудоустройства лиц с юридическим образованием в стране стоит столь остро, что уже не одному юристу пришлось даже стать Президентом РФ...» (АиФ, 2008, № 14); 3) актуализация модального компонента высказывания (П. Медведев, депутат Госдумы: «Взятки предлагать не умею. А то, может быть, давал бы». — Журналист: «Это в России показатель неполного служебного соответствия. Хуже — только когда взял бы, да никто не дает» (АиФ, 2008, № 10).

Таким образом, каждое высказывание, в том числе политическое, обладает потенциалом вариативно-интерпретационного функционирования, реализация которого предопределяется совокупностью системноязыковых и коммуникативно-прагматических факторов.

**КИРЬЯНОВА Вероника Викторовна,
КУРНИКОВА Елена Павловна**

г. Альметьевск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭВФЕМИЗАЦИИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время эвфемизмы, как часть словарного состава языка, стали объектом пристального внимания как в зарубежном, так и в отечественном языкознании. В условиях межличностного и межкультурного диалога, с целью элиминирования возможных языковых неудач и во избежание межкультурных конфликтов, просто необходимо владеть техникой эффективного общения. Язык, по мнению современных исследователей, находится в постоянном движении, изменяется, поэтому последние десятилетия озаменовались «изобретением» новых и активным употреблением уже существующих эвфемизмов. На наш взгляд, сложившееся положение дел можно объяснить природой эвфемизмов, так, О. С. Ахманова [Ахманова 2007: 521], автор словаря лингвистических терминов, считает, что «эвфемизм — троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления». Многие исследователи также указывают на способность эвфемизмов быть мощным средством формирования новых общественных установок, в связи с этим, они (эвфемизмы) получают исключительно широкое распространение в общественно значимых сферах речевой деятельности общества. В большинстве случаев исследуемый нами

пласт лексики является не просто стилистическим синонимом или субститутом некоторой языковой единицы, эвфемизмы смещают эмоциональную доминанту и предлагают новую трактовку определенного явления, новый ракурс его рассмотрения, содержат новую морально-этическую оценку явления. При этом эвфемизмы, с одной стороны, отражают уже произошедшие сдвиги общественного сознания, а с другой стороны, сами способствуют распространению и закреплению в обществе новых идей. Авторы многих художественных произведений используют эвфемизмы для перефразирования тех или иных некорректных или нежелательных слов. Актуальность выбора этой темы обусловлена следующими факторами: необходимостью теоретического осмысления эвфемии на материале английского языка; отсутствием комплексных исследований функционирования эвфемизмов в текстах.

Лингвистический термин эвфемизм нашел свое описание во многих лексикографических работах. В самом общем виде, эвфемизм — это слово или выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему или пишущему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими [Нелюбин 2008: 253].

В результате исследования большого количества лингвистических работ по проблеме эвфемизации английского языка, нами были выделены следующие сферы и направления частотного употребления эвфемизмов в английском языке.

1. Эвфемизация английского языка в свете вежливости в повседневной жизни

В быту часто пользуются эвфемизмы, поскольку оригинальные слова иногда считаются неуместными: *pregnant* (беременная) — *expecting a baby*; *stupid* (глупый) — *notclever*; *evil* (злой) — *unkind*. С тем чтобы не обидеть людей почтенного возраста, в языке последних десятилетий появилось слово *middlescence* (период жизни от 40 до 65 лет) по аналогии с *adolescence*. Период жизни с 65 лет и далее стали называть *thirdage*. На официальных табличках в транспорте, в объявлениях, в музеях и местах общественного пользования широко употребляется эвфемизм *seniorcitizen*.

2. Употребление эвфемизмов в сфере медицины в английском языке

Принцип вежливости лежит в основе образования новых эвфемизмов, скрывающих физические или умственные недостатки (*cripple* заменяется на эвфемизм *handicapped*). Так, умственно отсталых людей называют *learning disable*, *special retarded*, которое в данный период является прямой номинацией, в свое время было эвфемизмом для *slow* и *backward*; отстающих студентов — *underachievers*; людей, страдающих частичной потерей слуха — *hearing*

impaired; людей, страдающих речевыми расстройствами, называют *speech-impaired*. На смену *insane asylum* больница для душевнобольных пришло *mental hospital*. Большое количество эвфемизмов в английском языке касаются вопросов смерти и умерших. Например, вместо «умереть» (*die*) можно сказать «скончаться» (*decease*), «отойти в мир иной» (*passaway*) или «отправиться в лучший мир» (*join the majority/better/silent*). Не всегда уместно использовать слово «мертвец» (*dead/corpse*). На помощь приходят такие слова, как «скончавшийся» (*the deceased*), «покойный» (*the late*); *hospice*, первоначально имевшее значение '*a guest house for the poor, the sick, etc.*', стало применяться по отношению к институту по уходу за умирающими людьми.

Второй принцип эвфемистической лексики в сфере медицины включает суеверный страх перед какими-либо явлениями. Главный прагматический принцип, действующий в данной группе, может быть определен как принцип табуирования. Например, *moon-child* — человек, рожденный под созвездием Рака (21 июня — 21 июля) заменило слово *cancer*, вызывающее ассоциации с болезнью.

3. Употребление эвфемизмов в сфере политики

Политкорректность старается убрать негативное отношение к людям, занимающимся некоторыми видами деятельности. В английском вместо *garbage collector* (уборщик) принято использовать выражения *sanitationman*, *sanitation engineer* или *garbologist*; вместо *janitor* (дворник) — *enviromental hygienist*, *custodian* или *building engineer*. Почти вышло из употребления слово *servant* (прислуга), оно заменено нейтральным *housekeeper*. Парикмахера стали называть *hairstylist* или *beautician*. «Сексистские» морфемы, указывающие на половую принадлежность человека, вроде суффикса *-man* (*chairman* [председатель]) или *-ess* (*stewardess* [стюардесса]), вытесняются из языка. Слова с такими морфемами заменяются другими, определяющими человека безотносительно к полу: *chairman* — *chair person*; *stewardess* — *flight attendant*. Перевод политкорректных выражений осуществляется подбором русских эвфемизмов, эквивалентных английским, поиском соответствий в словарях, применением переводческих трансформаций. Чаще всего применяется калькирование: *gender stereotypes* — *гендерные стереотипы*. При необходимости передать точный смысл политкорректного высказывания можно использовать модуляцию. Так, буквально прилагательное *available* переводится как 'доступный'. Используя модуляцию, *available* можно перевести как 'безработный'.

4. В отдельную группу выделяют эвфемизмы, камуфлирующие негативные явления в экономической, политической и социальной сторонах жизни (включены эвфемизмы, прикрывающие различные формы военной агрессии, смягчающие различные непопулярные меры в социально-экономической сфере и связанные с преступной

деятельностью): *the poor* (бедные) было заменено на *low-income people* (малообеспеченные). Вместо слова *bomb* (бомба) употреблялось слово *device* (устройство), а вместо *bombing* (бомбардировка) — *limited air strike* (ограниченный воздушный удар) или *air support* (воздушная поддержка).

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что эвфемизмы в любом языке играют важную и даже «незаменимую» роль — говорить «обходя острые углы», говорить вежливо, никого не обижая и не унижая на вербальном уровне. В этом, наверное, и заключается великая сила человеческого слова.

Литература

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 4-е, стер. — М. : КомКнига, 2007.

Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — М. : Флинта, 2008. — 342 с.

Cary, J. Period Piece / Joyce Cary // *Modern English Short Stories*. — М., 1978 — P. 84.

Christie, A. Death on the Nile / Agatha Christie. — L., 1897. — P. 269—270.

Susan, J. Valley of the Dolls / Jeffers Susan. — L., 1877. — 315 p.

Richard, G. Doctor in the House / Richard Gordon. — L. : Joseph, 1952. — 15 p.

КИУРУ Константин Валерьевич

г. Челябинск, Россия

ДИСКУРСНАЯ МОДЕЛЬ ХАРИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Проблематика исследований харизмы и харизматического политика достаточно широка и объемна. Современная наука сосредоточила свое внимание в максимально большей степени на коммуникативном аспекте харизмы. Это связано с тем, что уровень развития СМИ поднял на новый уровень возможности конструирования имиджа политика и воздействия этого имиджа на социально-политический и психологический климат страны. Мы можем говорить о дискурсном существовании харизмы и возможности ее изучения дискурс-методиками.

Материалом для анализа послужили публикации речей Б. Н. Ельцина в «Российской газете» в период с 1 июня 1991 года по 31 декабря 1999 года.

Анализ дискурс-модели политического лидера осуществляется по четырем категориям: адресант-идентифицирующие, адресат-идентифицирующие, код- и контекст-идентифицирующие категории. Анализ содержания выступлений Ельцина Б. Н. в данных категориях позволяет составить дискурс-модель данного лидера.

Б. Н. Ельцин обладал четко выраженной репрезентацией себя как лидера государства, как первого человека в стране. Его самоидентификация осуществлялась посредством таких единиц, как **«я»**, **«Президент»**, **«Президент Российской Федерации»**, **«Президент России»**, **«гарант конституционности»**. Такая идентификация является наиболее показательной для нас, поскольку именно в ней проявляются те лидерские качества, которые транслируются на аудиторию. Теперь российский политический лидер не просто член КПСС, не просто гражданин Советского Союза или «товарищ», теперь лидер — самостоятельная, целостная личность, которая может принимать решения, может быть гарантом выполнения своих решений и может быть ответственным и неотъемлемым элементом системы управления государством.

Временные ориентации в сравнении с эпохой М. С. Горбачева не претерпели изменений, поскольку на данном этапе исторического развития основной целью политики Ельцина и его правительства были стабилизация и развитие политической и социально-экономической ситуации, поэтому анализируемые единицы остались теми же: **«сейчас»**, **«сегодня»**, **«в будущем»**, **«завтра»**, но проявились определенные изменения в категории «пространство», что объясняется распадом СССР, образованием новых государств и СНГ. Поэтому, определяя границы своей власти и территории жизни определенного народа, Ельцин чаще всего использовал следующие слова: **«Россия»**, **«Российская Федерация»**, **«страна»**, **«наша страна»**.

В категориях «миссия», «атрибутивность», «деятельность», «роль», где проводится анализ вербализованных целей и задач, приводится ряд признаков, характеризующих субъекты дискурса. Речь Б.Н. Ельцина содержит в себе следующие элементы: **«защита экономического суверенитета»**, **«сотрудничество с дружественными государствами»**, **«путь к демократии»**, **«действия, исходя из национальных интересов»**, **«обеспечение мира и безопасности»**, **«единство военно-стратегического пространства»**, **«возрождение в России нормальной жизни»**, **«возвращение к фундаментальным человеческим основам»**, **«выработка международных механизмов»** и т. д. Их наличие говорит о том, что в общество транслировались определенные политические цели, и проводилась информационная поддержка существующего политического курса и режима.

Обращение Б. Н. Ельцина к своей аудитории, то есть населению Российской Федерации, стало хрестоматийным. Практически все его речи начинались со слов: **«дорогие россияне»**. Во многом такая дефиниция, данная народу, который в течение семидесяти лет был **«советским народом»**, **«советскими людьми»** оказалась непривычной, не соответствующей сформированным установкам. С учетом коренных преобразований в рамках страны, с вхождением в мировое экономическое и политическое пространство такое обращение позволило четко определить границы нового государства и принадлежность к нему людей. Кроме того, президент РФ во всех своих речах, обращенных прямо или косвенно к гражданам своей страны, установил очень теплое и полное уверенности в силах и возможностях своего народа отношение: **«призываю сограждан приступить к созидательной работе»**, **«инициатива и предприимчивость граждан станут источником возрождения страны»**, **«народ России сможет все преодолеть»**, **«россияне станут жить счастливо»**, **«мы готовы, мы заинтересованы, Российский народ нашел в себе силы»**, **«я преклоняюсь перед простым россиянином»**, **«я горжусь Вами, соотечественники»**.

Содержание дискурс-категорий, являющихся кортеж-идентифицирующими, определяется общением между лидером и аудиторией. Именно здесь находят свое отражение категория «контакт с аудиторией» и различные коммуникативные стратегии. Характер взаимоотношений между лидером и его аудиторией во время правления Б.Н. Ельцина определяется политической ситуацией в стране. В зависимости от настроений населения выступления Президента приобретают убеждающую или воодушевляющую направленность. Неизменной является тематика демократических преобразований в стране и их пропаганда. Свидетельством сказанному служит содержание данных категорий.

В отношении код-идентифицирующих категорий необходимо отметить, что речь в текстовом плане выстроена грамотно, без использования жаргонных слов и просторечий, но, тем не менее, она достаточно красноречива и эмоциональна, правильна по структуре. Направленность мысли очевидная — **«я с оптимизмом смотрю в будущее»** и **«Россия уже другая»**.

КИШИНА Елена Валерьевна

Кемерово, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Политическая лингвистика является одним из новых направлений современного языкознания. Эта область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, стилистики и риторики. Политические тексты как сфера реализации манипулятивного воздействия привлекают внимание лингвистов с позиции когнитологии, лингвopsихологии, прагматингвистики, теории речевых актов, функционально-стилистической организации средств массовой информации (Водак, ван Дейк, Блакар, Купина, Муравьева, Кара-Мурза, Чудинов и др.). Основная задача лингвистического анализа политического дискурса — раскрыть характер, механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением.

Одним из продуктивных направлений исследования политического дискурса в современной лингвистике является описание концептуальной составляющей политических текстов. Ядерными концептами политического дискурса признаются концепты «власть», «политик», «демократия», «народ» и др. Как представляется, системобразующие ментальные единицы базируют единую концептуальную сеть политических дискурсов.

Данная работа посвящена определению особенностей функционирования концептов «Мы», «ОНИ» в политических дискурсах разных исторических формаций.

Концепты «Мы», «ОНИ» в средствах массовой информации предстают сложным образованием, состоящим из разнокомпонентных элементов. Рассмотрение функционирования данных взаимосвязанных концептуальных образований в политической коммуникации разных исторических формаций позволяет выявить динамические процессы как в языке средств массовой информации, так и в социально-политической ситуации в целом.

Так, одним из значений, приобретенным в результате функционирования в советских политических дискурсах концептов «Мы», «ОНИ», является выражение национального единства. Функционирование данных смысловых образований в доперестроечных дискурсах выполняет интегративную функцию: «Мы» подчеркивает социально-политическую сплоченность и монолитность советского наро-

да. Индивидуальному «Я», ассимилированному в совокупном «Мы», отводится значительная роль в общественно-политической жизни страны. Каждый член советского государства как представитель единой нации обязан вносить свой вклад в общее дело.

Меньшая частотность употребления «Мы» в значении «национальное единство» в современных политических дискурсах позволяет сделать вывод о снижении эмоционально-когнитивного процесса объединения себя с другими представителями одной этнической группы. Под влиянием идеологических факторов смысловое поле «национальное единство» модифицировалось, наполнилось новыми смысловыми компонентами.

Современное российское общество в политической коммуникации последних лет наделяется такими чертами, как гетерогенность и расчлененность. Доминирующее место в многоступенчатой социальной конфигурации занимает противопоставление двух классов: «народ — власть». При этом «Мы» в преобладающем большинстве является базовым коррелятом класса «народ», «ОНИ» - «власть». Смена прагматической направленности политических дискурсов мотивирует видоизменение функциональной значимости репрезентантов, означающих субъектов современного российского социума.

В современных политических дискурсах отражаются некоторые стратегии действий по отношению к противоположной стороне, предопределяющие разные способы разрешения конфликтности:

- 1) активная позиция — непримиримость и неприятие чужого мира, выражающиеся во враждебности, агрессивности и насилии: *народ готов начать раскулачивание, репрессии, ссылки; хватается за булыжники;*
- 2) пассивная позиция — смирение с действительностью, безразличное и равнодушное отношение к представителям чужого мира: *народ уже давно не ждет многого от власти, утратил свой оптимизм, смирился со своим положением, безмолвствует;*
- 3) приспособленческая позиция — нарушение пространства между сообществами с целью публичной демонстрации своей отнесенности к другому классу. Такая установка, продиктованная прагматическими интересами политиков, оценивается народом как лицедейство: *косят под народ, предвыборные уловки с демонстрацией «заботы» об обездоленных и т.д.*

Таким образом, средства массовой информации разных лет отражают своеобразную эволюцию понятий «Мы» и «ОНИ», обусловленную прежде всего идеологическими факторами. Социально-исторические факторы способствуют модификации смысловых компонентов концептов «Мы» и «ОНИ».

КНЯЗЕВ Николай Александрович

г. Пятигорск, Россия

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Нами были проанализированы лексические единицы, появившиеся в англоязычном (главным образом американском) политическом дискурсе за последние 10-12 лет. Большинство лексических образований, исследованных в рамках данной тематики, представляют собой сложные и сложносокращённые структуры. В процентном отношении их доля составляет, в целом, около 70% от общей выборки (более 100 единиц).

Baracknophobia, *n.* — слово-слиток, образованное посредством объединения двух частей — имени собственного *Obama* и существительного *arachnophobia*. Обозначает негативное отношение к Баракку Обаме в бытность его кандидатом в президенты США. — *Negative feelings about U.S. presidential candidate Barack Obama, particularly those based on racism or unfounded rumors.*

Manufactroversy, *n.* — соединение слов *manufactured* и *controversy*. используется для обозначения неестественного, несуществующего конфликта, сфабрикованного политическими идеологами или заинтересованными лицами, которые прибегают к обману и приводят лживые аргументы для достижения своих целей. — *A contrived or non-existent controversy, manufactured by political ideologues or interest groups who use deception and specious arguments to make their case.*

Politainer, *n.* — существительным, представляющим собой сочетание слов *politician* и *entertainer*, обозначают политика, который являлся или является человеком из шоу-бизнеса, бывшим спортсменом и т.п. или участвующего в развлекательных передачах в СМИ, особенно в ходе избирательной кампании. — *A politician who is or was an entertainer; a politician who makes extensive use of entertainment media, particularly during a campaign.*

Vote mob, *n.* — сложное слово, образованное по аналогии с *flash mob* обозначает массовую акцию, в которой большая группа людей, собранная посредством социальных сетей, целью которой является привлечь молодых людей к участию в выборах. — *A crowd,*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Князев Н. А., 2011

organized via social networks, that gathers to encourage young people to vote in an upcoming election.

Процент лексических единиц, образованных с помощью других словообразовательных средств относительно невелик. Приведем несколько примеров:

Birther, *n.* — человек, полагающий, что поскольку президент США Б. Обама родился не в этой стране, то он не имеет право занимать этот пост. (A person who believes that U.S. president Barack Obama was not born in the United States, and is therefore ineligible to be president.)

Deather, *n.* — тот, кто полагает, что реформа системы здравоохранения США приведет к росту смертности, особенно среди пожилых людей. (A person who believes that U.S. health care reform will lead to more deaths, particularly among the elderly.)

SUV Democrat, *n.* — так называют политика (особенно представителя Демократической партии США), который ратует за экономию энергии, но при этом является владельцем неэкономичного автомобиля (кроссовера — SUV). (A politician (particularly one who is a member of the U.S. Democratic Party) who talks about energy conservation but who owns and drives a fuel-inefficient sport utility vehicle.)

Проведенный анализ показал, что политический дискурс является важнейшим источником пополнения словарного состава английского языка, и поскольку такое положение дел вряд ли изменится в обозримом будущем, то нам представляются перспективными дальнейшие исследования в данной области.

КОЖЕВНИКОВА Оксана Вячеславовна

г. Ижевск, Россия

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Сегодня ни для кого уже не секрет, что новости из России редко попадают на первые полосы международных изданий. Разве что происходит что-то действительно из ряда вон выходящее (и, конечно же, явно негативное). Западного читателя, как рядового, так и относящегося к экономической и политической элитам, больше волнуют события в арабском мире, Китае, Ираке, в США для европейцев и в Европе для американцев. Нельзя сказать, что интерес к нашей стране полностью утрачен, но он уже не сопряжен с ощущением непреходящей угрозы, которое, по свидетельству простых амери-

канцев старшего поколения заставляло их пристально следить за новостями из далекой и непонятной «1\6 суши». В настоящее время по утверждению Г. Вайнштейна восприятие России рядовым человеком на Западе характеризуется в основном безразличием, элитарные же группы западного общества отличаются выраженной «русофобией», наиболее ярким проявлением которой становится «субъективная расстановка акцентов в освещении объективной реальности» [Вайнштейн 2011].

Одной из наиболее популярных тем, затрагиваемых западными изданиями, является проблема коррупции в нашей стране. Изучению данного феномена посвящено значительное число работ как отечественных, так и западных ученых [напр., Ванкевич 2009; Ries 2011], исследовавших национальную специфику коррупции в РФ, отношение к коррупции и коррупционерам представителей разных социальных групп, антикоррупционную политику государства и т.п. Интересны также работы ряда лингвистов, посвященные изучению концепта «коррупция» в современном российском политическом дискурсе. Так, Т. И. Сурикова указывает, что данный концепт «разрастается и втягивает в свою орбиту не только концепт чиновник (что исторически обусловлено), но и концепты государство, правосудие, власть» [Сурикова 2011]. А. Н. Баранов, анализируя языковые способы категоризации коррупции, приходит к неутешительному выводу о том, что «коррупция осмысливается как органическая, естественная часть общественной жизни ... российское общество не находит позитивных ресурсов для борьбы с этим социальным, психологическим, экономическим, политическим и культурным феноменом. Оно фактически сдалось и не в состоянии серьезно ему противодействовать» [Баранов 2011].

В итоге о российской коррупции осведомлены практически все, и эта тема продолжает активно культивироваться. В качестве примера можно привести публикации, вышедшие за последние несколько месяцев в трех известных и уважаемых англоязычных изданиях: The New York Times: In Siberia Race, Ruling Party Uses Clenched Fist by Clifford J. Levy (December 10, 2010); The New Yorker: Net Impact by Julia Ioffe (April 4, 2011); The Economist: Resetting the Stage (April 23, 2011).

Статья в The New York Times повествует о предвыборной гонке в Новосибирске и сложностях, с которыми столкнулась кандидат от партии «Справедливая Россия» Ольга Сафронова. Очерк Джулии Иоффе построен на основе ее интервью с известным оппозиционером Алексеем Навальным. The Economist приводит краткую аналитическую справку о текущем состоянии политико-экономических отношений между Россией и США. Все три публикации конструируют негативный образ России, страны с неустойчивой и коррумпированной политической системой (injustice, corruption and fragility of the country's political system), с которой страны Запада вынуждены ми-

риться (Russia has become less of a spoiler). Подобное впечатление достигается, в том числе, и благодаря использованию определенных языковых средств с негативной коннотацией, таких как: специальная терминология (political stagnation, kleptocracy), устойчивые выражения и клише (to pay bribes, Communist era), метафорические выражения (a dirty campaign, a puppet party, a fake opposition, brutal policy).

Таким образом, преобладающая в современной англоязычной прессе тенденция негативной репрезентации России проявляется как в выборе тем и расстановке акцентов, так и в использовании языковых средств, усиливающих отрицательное впечатление у реципиентов.

Литература

Баранов, А. Н. Коррупция: нетрадиционный взгляд. Метафорические грани феномена коррупции / А. Н. Баранов. — URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/2011/01/11/1214866967/Baranov.pdf> (дата обращения: 15.08.2011).

Вайнштейн, Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации / Г. Вайнштейн. — URL: <http://www.intelros.ru/2007/05/29.html> (дата обращения: 15.08.2011).

Ванкевич, А. С. Концепт «коррупция»: два подхода к определению / А. С. Ванкевич, К. П. Кокарев // Без темы : науч. общ.-полит. журн. — 2009. — № 1 (11). — URL: http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0011%2801_2009%29 (дата обращения: 15.08.2011).

Сурикова, Т. И. Каков современный чиновник в русской языковой картине мира и за что? Лингвоэтические аспекты формирования концепта / Т. И. Сурикова. — URL: http://russkii-yazik.ucoz.ru/blog/kakov_sovremennij_chinovnik_v_russkoj_jazykovoj_kartine_mira_i_za_chno_lingvoehticheskie_aspekty_formirovanija_koncepta/2010-12-24-2 (дата обращения: 15.08.2011).

Ries, N. Business, taxes, and corruption in Russia / N. Ries. — URL: <http://www.auburn.edu/~mitrege/FLRU2520/Ries.pdf> (дата обращения: 15.08.2011).

КОНДАКОВА Юлия Васильевна

Екатеринбург, Россия

«МЕДВЕДЬ» ГЛАЗАМИ «МАРИАННЫ».

КОНЦЕПТ «RUSSIE = L'OURS»

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ

С XVI в. образ медведя маркирует российское государство в глазах западных обывателей. Классический труд С. Герберштейна «За-

писки о Московии» (1549 г.), переведенный на все европейские языки, немало поспособствовал формированию мифа о медведях, свободно разгуливающих по российским городам. Характерно, что «медведь» относится к ряду устойчивых символов России и «русскости», в числе, скажем, таких, как русский мороз, Сибирь, русский деспотизм, русская икра, русская водка, а в Новейшее время — русский балет, *matrioshka*, автомат Калашникова и российская коррупция. Но именно медведь стал самым понятным и востребованным атрибутом России для западного сознания» [Россомахин 2008]. Для обозначения России «медведь» используется во многих западных странах, однако в французской политической прессе этот образ — особенный, характеризующийся двойственностью. По этому поводу вспоминается известная французская карикатура 1893 г., поводом для которой послужил франко-русский союз. Марианна (Франция) кокетничает с лежащим с ней в постели огромным медведем (Россия): «Скажи-ка, дорогуша, я отдам тебе сердце, но получу ли я твою шубку зимой?» [Марианна]. Фривольная карикатура обнажает специфику французского видения образа «России = медведя» (*Russie = l'ours*) — зверь силен, грозен, и, в то же время, неуклюж, простодушен, в чем-то забавен (мишка — любимая плюшевая игрушка, с которой день и ночь не расстаются многие женщины и дети).

Для анализа концепта «*Russie = l'ours*» в французской политической прессе была произведена выборка статей за последние десять лет из ряда ведущих французских изданий («*Le Monde*», «*Le Figaro*», «*Liberation*», «*L Humanite*», «*Le Nouvel Observateur*», «*L Express*», «*Les Echos*», «*La Tribune*»). Концепт, в целом, характеризуется нестабильностью, порою полярностью смыслов, которые можно подразделить на 3 группы:

1. Грозный медведь как выражение агрессивной, жестокой, антигуманной политики России («Разбудили спящего медведя, вот и стал он лес разорять», «...образ агрессивного медведя и сегодня не утратил своей актуальности» [Беза 2011]; «Беззубый медведь не так страшен, как тот, что оскаливает белоснежные клыки. В августе весь мир был обеспокоен возвращением России, которая показала свои зубы в Грузии, давая понять, что вновь надзирает за своими мятежными окраинами» [Медведь и голландская болезнь]).

2. Игрушечный медведь как выражение неоправданности исходящей от России опасности и связанной с ней русофобией во Франции («Россия не является врагом или угрозой для Европы... все ее (России. — Ю. К.) громкие и великодержавные заявления скрывают тот факт, что на самом деле она похожа на игрушечного медведя» [Нугайред 2011]).

3. Сильный медведь как выражение умения России постоять за свои интересы («Русский „медведь“ ответил американскому „волку“» [Рус-

ский «медведь» ответил...], «Стоит ли удивляться и возмущаться тому, что медведь выпускает когти, когда его кусают за ногу?» [Гетта 2008]).

Следует признать, что, хотя смыслы 1 группы (агрессивный, коварный, вероломный образ страны, представляющей собою угрозу европейскому сообществу), пока еще превалируют, однако есть тенденции к расширению смыслов 3 группы. Как отмечает известный ученый, публицист Эмманюэль Тодд, антироссийский настрой французской прессы, который, к сожалению, все еще имеет место быть, обусловлен элементарным незнанием истории, в частности истории Второй мировой войны, так как «Европа находится в неоплатном долгу перед Россией» [Федоров 2008]. Возможно, расширение культурных связей Франции и России поспособствует если не созданию ореола притягательности России для французского сознания, то хотя бы снижению отчужденности, и «Марианна» взглянет на «Медведя» иначе...

Литература

Россомахин, А. Россия как медведь / А. Россомахин, Д. Хрусталева // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2008. — № 1 (57). — URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/828/842/> (дата обращения: 14.06.2011).

Марианна (национальное прозвище) // Академик : сайт. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1023992> (дата обращения: 15.05.2011).

Беза, Ж.-М. Европа, «медведь» и газ («Le Monde», Франция) // ИноСми : сайт. — URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20090108/246492.html> (дата обращения: 14.06.2011).

Медведь и голландская болезнь («La Tribune», Франция) // ИноСми : сайт. — 17. 10. 2008. — URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20081017/244727.html> (дата обращения: 12.06.2011).

Нугайред, Н. Франция и Россия: недомолвки и трезвый расчет («Le Monde», Франция) // ИноСми : сайт. — 29. 01. 2010. — URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20081017/244727.html> (дата обращения: 14.06.2011).

Русский «медведь» ответил американскому «волку» («Le Figaro», Франция) // ИноСми : сайт. — 12. 05. 2006. — URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20060512/227421.html> (дата обращения: 15.06.2011).

Гетта, Б. Настоящая причина этой войны («Liberation», Франция) // ИноСми : сайт. — 14. 08. 2008. — URL: <http://www.inosmi.ru/stories/07/04/25/3510/240958.html> (дата обращения: 16.06.2011).

Федоров, С. М. Франция — Россия, Россия — Франция: асимметрия восприятия // Перспективы : сайт. — 26. 04. 2008. — URL: http://www.perspektivy.info/history/francija__rossija_rossija__francija__

КОНДРАТЬЕВА Ольга Николаевна

Кемерово, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ДУША — ЖЕЛУДОК» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

К числу основных направлений политической лингвистики относится рассмотрение специфики функционирования ключевых концептов русской культуры в рамках политической коммуникации. Значимые для определенной лингвокультуры концепты активно функционируют и в рамках политического дискурса, где они помимо своего универсального содержания обогащаются новыми красками и выполняют особые функции.

Бесспорно, одним из центральных концептов русской культуры является концепт «душа». Уже в работах Анны Вежбицкой было отмечено, что «особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры ... *душа, судьба и тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература» [Вежбицкая 1997: 33]. Не является исключением и политический дискурс, в рамках которого концепт «душа» обогащается новым содержанием. Так, выдвигая те или иные концепции, политики зачастую обращают внимание избирателей на их созвучность национальному мирозерцанию, культурным традициям, духу народа и русской душе в частности, а на выборах призывают прислушиваться к голосу души и сердца (ср. призыв: *Голосуйте сердцем*). Особую роль теории русской души в политических стратегиях нашей страны отмечают и западные обозреватели [см. напр., Рар 2010].

Однако каждый этап в развитии общества, развития государства «приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы» [Чудинов 2001: 14].

В связи с этим нами была поставлена цель — установить особенности функционирования концепта «душа» в политическом дис-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кондратьева О. Н., 2011

курсе нового тысячелетия. Был проведен анализ выступлений российских и украинских политиков, в результате было обнаружено, что лексема «душа» вообще крайне редко встречается в выступлениях современных политиков и в основном — в составе клишированных фраз: *на душу населения, подушевое финансирование* и т. д. То есть получается, что ключевой концепт славянской культуры оказался не востребованным в современной политической коммуникации. И это в странах, где национальная ментальность исконно основывалась на идее мировой души и души нации!

Мы наблюдаем смену системы ценностей, перемещение фокуса с внутреннего, духовного мира на мир физических потребностей. И политический мир это достаточно ясно осознает и использует в своих выступлениях. Ярким примером рефлексии по данному поводу является метафоричное высказывание Юлии Тимошенко, в котором она точно подмечает смену ориентиров современного мира политики: *Когда мы говорим, что **власть может быть сердцем народа и нации**, то мы вспоминаем всю **династию Ганди**. Когда мы говорим, что **власть** в стране может быть **интеллектом**, в том числе уникальным интеллектом нации, мы вспоминаем страны, которые называют **азиатскими тиграми** и которые достигают все своим интеллектом. Когда мы вспоминаем **сильную власть, объединенную с интеллектом**, мы вспоминаем Маргарет Тэтчер. Для меня **наша власть ассоциируется с желудочно-кишечным трактом**. Им нужны руки не для того, чтобы нарисовать красивую картину будущего, а чтобы взять еду, упаковать и положить в холодильник. Критиковать бесполезно, потому что когда **желудочно-кишечный аппарат действует, он обязательно оставляет какие последствия**. Именно поэтому критиковать не надо. Надо ставить новую цель и новые задачи* [Тимошенко 2010].

Как мы видим из данного примера, прошло время политиков, которые являлись олицетворением души, сердца, воли, интеллекта или совести нации. Новое поколение политической элиты уподобляется желудочно-кишечному тракту, основная функция которого — поглощение (национальных благ, денег, конкурентов и др.). Желудок «способен обозначать исключительно физиологическое существование, и на этой основе он нередко противопоставляется голове как символу разума и сердцу как символу эмоций» [Чудинов 2001: 62].

Таким образом, в политической коммуникации XXI века отражается изменение приоритетов новой политической элиты, ориентация уже не на духовный, а на сугубо телесный план существования человеческой личности.

Литература

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1997. — 416 с.

Рар, А. Душа нараспашку: В том, что касается внешней политики, Россия хочет быть уникальной / А. Рар // Russia Profile, Россия. — URL: <http://www.inosmi.ru/politic/20100712/161237299.html>

Тимошенко, Ю. Критиковать власть уже излишне — каждый человек знает ей цену / Ю. Тимошенко. — URL: http://www.tymoshenko.ua/ru/article/yulia_tymoshenko_inter_3.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.

КОРОБКОВА Ольга Михайловна

г. Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ЭЛЕМЕНТ* — *ЭЛЕМЕНТЫ* В СОВЕТСКОМ ТОТАЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА 20-Х — 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Лексема ***элемент*** в советском тоталитарном дискурсе употребляется в значении: представитель общественной среды [Ожегов 1952: 840]. Помимо указанного значения слово ***элемент*** имеет значение остаток, пережиток чего-либо. Два указанных значения взаимодействуют друг с другом. Особенность использования лексемы ***элемент*** заключается в том, что при помощи данной лексемы могут обозначаться как ***свои*** — люди, угодные власти, так и ***чужие*** — реальные или кажущиеся противники власти.

В отношении своих лексема ***элементы*** используется только в одном случае, в словосочетании ***элементы революционного подъема***.

Наиболее распространенным является сочетание лексемы ***элементы*** с прилагательным ***капиталистический*** (см. таблицу). Словосочетание ***капиталистические элементы*** символизирует собой то, что осталось от капиталистического строя, и соответственно представляет угрозу новому социалистическому строю. В Толковом словаре С. И. Ожегова слово ***капиталистический*** имеет значение: ***капиталистический*** — прилагательное от капитализм — общественный буржуазный строй, который основан на эксплуатации наемных рабочих и при котором все средства производства являются

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Коробкова О. М., 2011

частной собственностью класса капиталистов и служат источником извлечения прибыли и присвоения результатов чужого труда [Ожегов 1952: 232].

Под **капиталистическими элементами** понимаются остатки бывших эксплуататорских классов. Так, капиталистические элементы деревни — это кулаки, капиталистические элементы города — буржуазия. В советском политическом дискурсе часто используемой является формула - наступление социализма на капиталистические элементы.

К тематическому ряду, в основе которого находится словосочетание **капиталистические элементы**, относятся следующие словосочетания с лексемой элементы: **кулацкие элементы, непролетарские элементы**. Приведенные в таблице словосочетания **антисоветские элементы, враждебные элементы, гнилые и чуждые элементы** не ограничиваются представлением только о капиталистических элементах. При помощи данных понятий в первую очередь обозначаются внутрипартийные идейные противники Советской Сталинской власти. Своеобразным переходом между **своими и чужими**, не враждебными и враждебными элементами являются **подозрительные элементы**. Прилагательное **подозрительный** имеет лексическое значение: вызывающий подозрение, склонный подозревать, недоверчивый [Ожегов 1952: 490].. Словосочетание подозрительные элементы обозначает круг лиц, не вызывающих доверия, в отношении этих лиц следует проявлять повышенную бдительность, по возможности не вступать с ними в контакт. В советском тоталитарном дискурсе подозрительные элементы — лица, которым по той или иной причине не доверяет Советская власть. Насколько известно из истории, все, кто оказывался под подозрение по делу об убийстве С. М. Кирова, были подвергнуты репрессиям. Убийство С. М. Кирова послужило своеобразным толчком к началу массовых репрессий в СССР. Источник, из которого взят данный пример — Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 1939 года. Как известно, на 1937—1939 гг. приходится апогей сталинских репрессий. На основании этого можно сделать вывод о том, что под подозрительными элементами понимались лица, которые подозревались в измене и враждебной деятельности и которым в ближайшее время должно быть предъявлено обвинение.

Использование лексики **элемент — элементы** в советском тоталитарном дискурсе конца 20-х — 30-х годов XX века будет представлено в данной таблице.

Словосочетания со словом «элементы»	Примеры
Капиталистические элементы	1. Перелом этот шел и продолжает идти под знаком решительного <i>наступления</i> социализма на капиталистические элементы города и деревни. (Год великого перелома). 2. развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба (Год великого перелома). 3. Вот вам еще одна теория, имеющая объективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов (К вопросам аграрной политики). 4. Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не о лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами? Там же. 5. Вытеснение капиталистических элементов деревни есть неизбежный результат и <i>составная</i> часть политики ограничения капиталистических элементов, политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества (Ликвидация кулачества как класса). 6. наступление социализма против капиталистических элементов народного хозяйства по всему фронту (О правом уклоне в ВКП(б))
Элементы капитализма	7. Случайны ли антилозунги? Нет, не случайны. Вы сами видите, что они не случайны. Они составляют необходимые звенья одной неразрывной цепи, называемой наступлением социализма против элементов капитализма (О правом уклоне в ВКП(б))

Словосочетания со словом «элементы»	Примеры
Враждебные элементы	8. Судебный процесс "Зиновьевско-троцкистского блока" расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы (О мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников). 9. Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов (там же). 10. массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937-1938 годах (Об арестах и прокурорском надзоре). 11. Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов?
Подозрительные элементы	12.Далее, в связи с злодейским убийством товарища Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется немало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, причем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 года (Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б))

Словосочетания со словом «элементы»	Примеры
Антисоветские элементы	13. Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами , несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа? О мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников)
Кулацкие элементы	14. вооружить кулацкие элементы "новым" теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов (К вопросам аграрной политики). 15. Кулацко-зажиточные элементы 16. Я имею в виду сопротивление кулацких элементов деревни политике Советской власти по хлебозаготовкам (О правом уклоне в ВКП(б))
Непролетарские элементы	17. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам (О некоторых вопросах истории большевизма)

Словосочетания со словом «элементы»	Примеры
Элементы нового революционного подъема	18. все это такие факты, которые с несомненностью говорят о том, что в странах капитализма нарастают элементы нового революционного подъема (О правом уклоне в ВКП(б). 19. рост революционного движения в колониях, в том числе в Индии, рост коммунизма во всех странах мира - все это такие факты, которые с несомненностью говорят о том, что в странах капитализма нарастают элементы нового революционного подъема (там же).
Правые элементы	20. Отсюда — задача заострения борьбы против правых элементов в компартиях, как агентуры социал-демократического влияния (О правом уклоне в ВКП(б))
Гнилые и чуждые элементы	21. Мы говорим, что реконструкция народного хозяйства диктует нам новые задачи по усилению борьбы с бюрократизмом советско-хозяйственного аппарата, по очищению этого аппарата от гнилых и чуждых элементов, от вредителей и т. д. и т. п (О правом уклоне в ВКП(б))
Недовольные элементы	22. От нас требуют, очевидно, чтобы у нас не было недовольных элементов. Не с ума ли они сошли, эти товарищи из группы Бухарина?

КОСТРОМИЧЕВА Мария Васильевна

г. Орел, Россия

НЕОНАЦИСТСКАЯ СИМВОЛИКА В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: 14/88

В дискурсе неонацизма большое значение придается символам, в том числе, оформленным в виде чисел. Одним из наиболее популярных символов в нумерологии неонацизма является комбинация чисел 14 и 88, наиболее известные расшифровки которой следующие: «14» — «14 слов Дэвида Лэйна» (американского расистского идеолога): «We must secure the existence of our people and a future for White children»: «Мы должны сохранить само существование нашего народа и его будущее для детей белого человека»; «88» (имеет два прочтения) — «88 заповедей белого человека / 88 заповедей Дэвида Лэйна» или «Heil Hitler» («Н» — восьмая буква латинского алфавита, т. е. «88» = «НН» и передает нацистское приветствие). Числа 14 и 88 используются в неонацистских текстах, как по отдельности, так и в комбинации, сама комбинация известна в различных графических оформлениях: 14/88; 14\88; 14|88; 1488; 14 88; 14-88; 14_88.

Сегодня Интернет фактически является открытой площадкой, как для общения радикалов, так и для пропаганды неонацистской идеологии, здесь символ 14/88 активно используется и выполняет различные функции. Идентифицирующая функция реализуется в никах, электронных адресах, см., напр.: spirit_of_1488@livejournal.com, 14_vadim_88, 14slov_spb, 88victory, alexx1488, baikal88, ex_wrag14, feanor88, gricay88, hyperboreus14, klinok88, murzilka1488, sub1488, vandall_88, zorina1488. Включение символа 14/88 в сетевое имя позволяет автору уже на первом этапе общения (выделения из ряда других пользователей) продемонстрировать потенциальному собеседнику идеологические пристрастия, при этом наиболее прозрачно самоидентификация реализуется в именах, включающих наряду с числовой символикой прямые идеологические указатели (напр., nazi_1488@livejournal.com, fashistka_1488, genosse1488, hitler_88), другие символы неонацизма (напр., oi1488oi@mail.ru), «славянско-языческие», «нордические» и «расовые» номинации (напр., jaropolk14words, rodoslav14, nordic1488, white_brother88).

Собственно в Интернет-общении символ 14/88 выполняет различные функции (все примеры, приведенные далее в написании авторов, извлечены из комментариев к посту «Дэвид Лэйн (14/88)», в котором «88» подразумевает «88 заповедей Дэвида Лэйна», сами

«заповеди» перечислены в посте — см.: [http://asher.ru/library/ literature/1488](http://asher.ru/library/literature/1488)): является обозначением самого предмета обсуждения (напр.: «Не полностью согласен с 14/88. Фашизм несет в себе здравые идеи, и я думаю что нашему государству просто насрать на нас, и на то что мы, как раса скоро вымрем, это действительно законы природы, раса слабеет. Спасти ее можно только сменой на более суровый, как в СССР режим»; «Ребят, не знаю что вы спорите, по моему все соблюдают 88... Кавказцы режут и взрывают русских, мы ненавидим черножопых, ну че тогда тут выяснять... Просто не трогайте другую расу, живите спокойно уже...»); выполняет функцию приветствия (напр.: «14/88! Я, "Чарли Чаплин" из города Калуги. Я и мои друзья уже не раз мачили грЕБАНЫХ чурок, мы поддерживаем идеологию Адольфа Гитлера, но скинхедами себя не считаем. Ответьте: Можно ли нам мачить чурок, если мы не скины?»); выполняет функцию формулы прощания (напр.: «Лучше сказать, вероятно, не сможет никто. 14/88»; «on sovershenno prav!!!! 14/88»; «Молодцы парни!!! Так держать!!! 14 88»; «слушай, ты создай то, что создал этот человек, и идеологию которого чтут многие продвинь ее в массы... я сомневаюсь что ты сотворишь такое, так что...завали. 14\88 С уважением, Марина»). Однако перечисленные функции символа вторичны, т. к. в подавляющем большинстве случаев 14/88 — это демонстрация преданности идеалам неонацизма, что особенно явно проявляется в комментариях, содержащих национал-инвективы и экстремистские призывы: «Только чистая раса! Смерть хачам и нигерам!!! 14/88»; «Черные, летите на марс, пока вас всех не перерезали! 14\88»; «татары, калмыки, узбеки, казахи, якуты, калмыки, грузины, таджики = хачи. Валите из России суки черножопые 14/88 14/88»; «Хачики! валите домой в горы, ишаков ебать!!! и те кто черножопым очко подлизывает тоже проваливайте вместе с ними! Россия для русских!!!14/88».

В неонацистском дискурсе лозунговый характер символа подчеркивается графически (использованием восклицательного знака (или нескольких восклицательных знаков) после символа) и сочетанием с другими (националистическими) лозунгами (напр.: «Слава Руси! 14/88»; «Марина вместе мы сила 14/88 Россия для русских»; «он молодец. все правильно написал 14/88 Россия для Русских»; «Все правильно: программе НСДАП нет и не может быть какой-нибудь вменяемой алтернативы для русских и вообще для людей белой расы. 88!»; «БРАТЬЯ СЛАВЯНЕ НАША СИЛА В ЕДИНСТВЕ!!! 14/88!!!!»; «14!!!!88!!!!Слава России!!!!»). Отдельно выделяется комментарий, целиком состоящий из многократного повторенного символа (включающий 16 строк, в каждой из которых 14/88 повторяется 15 раз), а также текст — графическое изображение коловрата, в центре которого расположена надпись СЛАВА РУСИ, а само изобра-

жение выполнено посредством подбора сочетания цифры 8 и знака нижнего подчеркивания (см.: <http://asher.ru/library/literature/1488?page=6>).

Комментарии оппонентов также могут иметь инвективный характер (напр.: «„Словенин“ — ты наш, грамоту выучи сначала, а потом уже комментируй! Засунь 14/88 себе в жопу!!»). Ироничный ответ на пафосные тексты поклонников Дэвида Лэйна реализуется в форме фольклорных текстов: «счастье и радость в дом к вам приносим 14 88»; «В разгар лезгинки зигу бросил. 14/88»; «купил себе пальто на осень — 14/88!!!». В одном из комментариев отмечено противопоставление — своеобразный «диалог» чисел-символов: «Кому „14/88“, а кому и 1945...».

КОСТЮНИНА Марина Викторовна

Сургут, Россия

РИТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АГИТАЦИОННОЙ РЕЧИ Д. А. МЕДВЕДЕВА (2008 ГОД)

Речь политиков стала объектом пристального внимания со стороны исследователей еще во времена Древней Греции и Древнего Рима, когда были предприняты первые попытки систематизировать основные риторические ходы для придания речи благозвучия и большей убедительности.

В настоящее время не меньший интерес вызывают предвыборные речи кандидатов на пост главы государства, так как именно в названных речах политики прибегают к различным манипулятивным средствам убеждения электората, разнообразным стратегиям достижения желаемого поста.

В представленном исследовании методикой анализа была избрана риторическая критика, целью которой является «рассмотрение связи между использованием языка и неравными отношениями власти». В статье рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля.

В рамках риторической критики исследователи пытаются ответить на вопрос почему одни речи являются успешными, а другие — не находят положительного отклика в сердцах и умах аудитории оратора.

Обратимся к условиям и событиям, при которых выступил Д. А. Медведев на экономическом форуме в Красноярске 15 февраля 2008 года. Безусловно, и место и время доклада были тщательно

спланированы и продуманны. Сама обстановка Красноярского Форума — это обстановка современной экономики, экономики развития, активного участия и взаимодействия бизнеса и власти в этом развитии. Чтобы узнать из первых уст, что собирается делать со страной кандидат в президенты, накануне на пресс-конференции широко разрекламированный Владимиром Путиным, в Красноярск съехались более тысячи участников, что в свою очередь представляло оратору обширную аудиторию для убеждения.

Перейдем к тексту выступления Дмитрия Анатольевича Медведева, заключающее в себе четыре основных направления и семь задач, на которых должна сконцентрироваться Россия на четыре ближайших года. Доклад кандидата изложен в достаточно простой форме, что отмечают многие избиратели по данным социологического опроса.

Формально борьба с путинизмом обозначена как борьба с коррупцией: *«Мы должны дать бой, причем настоящий бой, самой тяжелой болезни, поразившей наше общество, — коррупции. Должен в особом порядке быть разработан и реализован национальный план по борьбе с коррупцией»* — оратор преподносит аудитории метафорический образ врага, с которым непременно надо сражаться, воинственный настрой призыва достигается за счет использования военной лексики и морбиальной метафоры.

Автор обращает критические высказывания к неопределенному кругу лиц: *«Считаю, что нечего делать большинству государственных чиновников в советах директоров этих компаний. На их смену должны прийти по-настоящему независимые директора, нанимаемые государством для реализации своих интересов»*. Образ врага становится более размытым за счет опущения конкретных имен, тем не менее в умах аудитории все больше закрепляются отрицательные коннотации, осознание того, что нынешняя ситуация не является благом.

Интересно заметить и недостатки анализируемой речи. Историк А. Фурсов сказал: *«Мелкий лавочник может думать только о лавочке и гешефте, стратегия же предполагает, во-первых, умение слышать Музыку Сфер, Музыку Истории, во-вторых, трагическое мироощущение — необходимое условие самостояния большого государственного деятеля»*. Дмитрий Анатольевич, как видно из нижеприведенной цитаты, не совсем проникся современной ситуацией кризиса, доказательством этого является следующее его утверждение: *«Сейчас в финансовом мире определяются правила игры на будущее. Идет пересмотр роли основных резервных валют. И мы просто обязаны этим воспользоваться и предпринять ряд действий, направленных на достижение заявленной Президентом долгосрочной цели — стать одним из крупнейших мировых финансовых центров, привлекатель-*

ность которого была бы основана в том числе и на стабильности российской национальной валюты». Безусловно в условиях предвыборной борьбы кандидат не затрагивает негативные моменты действительности, играющие против него, тем не менее приведенная цитата могла создать, на наш взгляд, двоякое впечатление: с одной стороны оно отображает воодушевленный настрой претендента на пост главы государства, с другой стороны — для некоторых, избирателей, такой подход может стать свидетельством политической близорукости Д. А. Медведева.

Агитационная речь требует от слушателей большего, чем другие виды речи. Если она не приводит к цели — это самая горькая из всех неудач оратора. Слушатели должны отозваться на призыв тут же, на месте, и от всей души. Слушатели должны понять оратора и преисполниться нетерпением сделать все, что он от них хочет. Исходя из того, что Д. А. Медведев стал президентом России, можно сделать вывод, что немалую роль в достижении этой цели сыграла риторика кандидата, насыщенная различными приемами и средствами убеждения.

КОШКАРОВА Наталья Николаевна

г. Челябинск, Россия

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНТЕРВЬЮ

Пресс-конференция является традиционным жанром политической коммуникации, однако, в современном пространстве политической и коммуникативной обстановки эта форма общения политических лидеров с аудиторией получает новые формы существования и нетрадиционные способы реализации. На наш взгляд, пресс-конференция является разновидностью интервью, что дает нам основание приписать все характеристики жанра интервью этой форме диалогической интеракции, а с другой стороны, выделить лингвостилистические (языковые) особенности этой формы межличностной и публичной коммуникации. Не вызывает сомнения тот факт, что в пресс-конференции как структурно-смысловом единстве в тесном взаимодействии находятся индивидуально-языковые особенности говорящих, лексико-словообразовательное наполнение, синтаксические структуры, которые, в свою очередь, зависят от следующих

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кошкарлова Н. Н., 2011

параметров: 1) Тема пресс-конференция (поле анализируемого дискурса); 2) Роли участников пресс-конференции (коммуниканты); 3) Канал передачи пресс-конференции (модус).

При проведении анализа текста пресс-конференции Президента России от 18 мая 2011 г. по выделенным выше параметрам, мы приходим к следующим выводам.

1. Тематика пресс-конференции определяется спецификой политического языка, который, по утверждению О. Аронсон [Аронсон 2001], всегда безошибочно находит такое сообщество, которое должно быть предъявлено в качестве производящего конфликт, и что политика всегда имеет потребность в экспансии.

2. Процесс коммуникации в жанре пресс-конференции характеризуется наличием таких дискурсивных формул, которые позволяют исследователю отнести анализируемый материал к сфере функционирования конфликтных форм взаимодействия. Так, например, во время пресс-конференции 18 мая 2001 г. находим случаи проявления такого лингвистического феномена, как нарушение асимметричного распределения коммуникативных ролей в интервью. Суть асимметрии как ключевой характеристики коммуникации в интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных [Berens 1975]. Приведем пример такого коммуникативного события в анализируемом материале. Вопрос В. Мельниченко: *«<...> Дмитрий Анатольевич, мы получили наконец внятный цельный документ — Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации — и понимаем свою задачу: произвести как можно больше и лучше продуктов питания на 140 миллионов человек. Это первая задача. Но есть достаточно серьезные угрозы. Первое — банкротство сельскохозяйственных предприятий. <...> Второе — это, конечно, сильная криминальная нагрузка на нас, в том числе бывают и невнятные всякие налоговые дела, сельского хозяйства касаются тоже. И третье — это практически отсутствие местного самоуправления, то есть отсутствие власти на местах. Наши были бы к Вам и вопрос, и предложение: для того чтобы все же реализация продовольственной безопасности состоялась — указ Президента о моратории на банкротство сельскохозяйственных товаропроизводителей на период выполнения Доктрины продовольственной безопасности. Второе — освобождение сельскохозяйственных производителей от всех видов налогов. <...> И третье — займитесь местным самоуправлением. В безвластии жить нельзя, анархия действительно порождает и преступность, и все остальное. Очень, очень и очень хочется, мы готовы этому помогать со всей силы на самом деле. Спасибо Вам».*

3) Во время проведения последней пресс-конференции Д. А. Мед-

ведова мы стали свидетелями введения новых дискурсивных практик при реализации данного диалогического жанра. Президент сам ввел эту пресс-конференцию, был ее модератором (пресс-секретарем), сам решал, кому из журналистов предоставить слово для вопроса. В конце пресс-конференции Д. А. Медведев ответил на пять вопросов, которые поступили к нему письменно (по Интернету). Таким образом, данная пресс-конференция совместила в себе два канала передачи информации — акустический и визуальный. О. А. Шевченко [Шевченко 2006] для характеристики интервью вводит термин двух-этапное дискурсивное образование, когда на первом этапе (порождение) имеет место устная спланированная коммуникация, на втором этапе (интерпретация) — письменная. По нашему мнению, данный термин применим и к жанру пресс-конференции, когда используются два канала передачи информации между автором вопроса и респондентом.

Таким образом, пресс-конференцию с полным правом можно признать разновидностью информационного диалога, который направлен на изменение состояния (информационного и эмоционального) партнера по интеракции, и одновременно с этим отражает особенности политической коммуникации.

Литература

Аронсон, О. Конфликты и сообщества (о политической функции в высказывании) / О. Аронсон // Язык и этнический конфликт. — М., 2001.

Шевченко, О. А. Когнитивная модель дискурса интервью (на материале современной англоязычной прессы): дис. ... канд. филол. наук / О. А. Шевченко. — Тольятти, 2006.

Berens, F.-J. Analyse der Sprachverhaltens im redekonstellationstyp "Interview". Eine imperische Untersuchung / F.-J. Berens. — München, 1975.

КРАСИЛЬНИКОВА Наталия Алексеевна

Новоуральск, Россия

ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В когнитивно-дискурсивных исследованиях политической коммуникации традиционно рассматриваются два участника этого процесса. Большое внимание уделяется изучению метафорической репрезентации тех людей и явлений, которые находятся у ВЛАСТИ, наделены ею или приближены к ней. В рамках институционального дискурса мы изучаем концепты, метафоры, идиостили, речевые портреты, коммуникативные тактики и стратегии, средства манипуляции аудиторией и т. д. Дискурс ВЛАСТИ проецируется на дискурс СМИ, который также подвергается тщательному анализу со стороны лингвистов-когнитологов. Здесь рассматриваются интенции и идиостили журналистов, концептуально-маркированные единицы, в которых выражается их видение политической картины мира, их прагматический потенциал, метафорические образы стран, политических институтов и деятелей, которые создаются и лоббируются в СМИ и др. Следует отметить, что большинство исследователей изучают политический дискурс именно через медийный, поскольку он менее строг и формален, чем институциональный, более образен и дает когнитологу больше возможностей заглянуть в национальное сознание и его установки и выявить манипулятивные интенции автора.

Однако политическая коммуникация зиждется не на двух, а на трех «китах». Дискурс власти и дискурс СМИ также проецируются и осмысливаются в дискурсе ОБЩЕСТВА. Общество — самый массовый участник политической коммуникации, который может быть пассивным или активным. От него зависит обратная связь с отправителем политических сообщений, эффект посланий и установок властных структур и СМИ, последующая реакция и оценка того или иного социального явления, ее дальнейшее направление. Институциональный и медийный разновидности политического дискурса оказывают влияние на общественное мнение, формируют или корректируют его согласно или в противовес мнению политиков или журналистов. Таким образом, провоцируется ответная реакция общественности — адресата посланий политических агентов, и эта реакция устремляется обратно либо в СМИ в виде комментариев к статьям, отзывов в

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Краси́льникова Н. А., 2011

блотах, ссылок на чаты, писем в редакцию, либо непосредственно в виде обращений к политическим деятелям и партиям.

Рассмотрим соответствие общественного мнения трем основным характеристиками дискурса по М. Стаббсу [Stubbs 1983: 1]:

1) в формальном аспекте ДОМ — единица языка, превосходящая по объему предложение,

2) в содержательном аспекте дискурс общественного мнения безусловно связан с использованием языка в социальном контексте,

3) наконец, дискурс общественного мнения интерактивен, поскольку не только возникает в ответ на институциональный и медийный дискурсы, но и формирует сеть коммуникативных связей внутри себя.

Все это дает нам право выделить сферу существования общественного мнения в дискурс общественного мнения. Опираясь на определение дискурса Е. С. Кубряковой сформулируем следующее определение: дискурс общественного мнения (ДОМ) — это форма использования языка в процессе формирования и выражения общественного мнения в реальном времени в совокупности содержания высказывания с экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов. Общение в рамках дискурса общественного мнения представляет собой оценочную интерпретацию общественно-политического явления, события и его участников, обмен мнениями и участие в решении значимых проблем общества и государства, влияние на представления или стереотипы коммуникантов и формирование или уточнение их языковой картины мира. ДОМ — уникальное дискурсивное образование, вобравшее в себя черты институционального, медийного и бытового дискурсов, поскольку возникает как реакция на проекцию институционального дискурса на медийный, а по природе своей складывается в рамках бытового личностного общения.

Именно оценочная модальность, свойственная общению на бытовом уровне, представляет особый интерес для когнитивной лингвистики в дискурсе общественного мнения, поскольку она выражается через такие концептуально маркированные явления как метафоры, метонимию, эпитеты, аллюзии, каламбуры, паронимию, прецедентные феномены, которые используются для представления знаний и демонстрируют черты национального менталитета, доверие или недоверие власти и СМИ, позицию личности в дихотомии «СВОИ — ЧУЖИЕ», поддержку или оппозицию в важных социальных вопросах и даже информационных войнах.

Дискурс общественного мнения реализует подачу информации на двух уровнях:

– лично ориентированный уровень (бытовой дискурс) подразумевает устный или письменный обмен информацией при личном

общении, по телефону, посредством компьютеризированных средств быстрого обмена сообщениями, по электронной почте, через дискуссии в форумах, сообщения на электронной доске объявлений, аудио- и видеопереговоры в режиме онлайн (например, через программы MailAgent или Skype) и т. д.;

– статусно ориентированный уровень опосредуется через печатные и электронные, устные и письменные обращения к политическим деятелям и партиям (институциональный дискурс), комментарии к статьям в электронных изданиях, звонки в студию телевизионных передач, письма в редакцию электронных и печатных СМИ, сообщения в блогах, социальных сетях и т. д. (медийный дискурс).

Добавим, что когнитивно-дискурсивное исследование предполагает рассмотрение всевозможных экстралингвистических факторов дискурса, поэтому в дискурсе общественного мнения необходимо так же уделять внимание изучению лингвокультурологических аспектов коммуникации — этике общения, мировоззрению, табуированным темам и т. д. Так жители США, например, свято верят в то, что именно их страна одержала победу над фашизмом, что «стучать» это хорошо и правильно; англичане убеждены, что старое всегда лучше нового; русские уверены, что легально заработать большие деньги нельзя и проч. Соответственно представители каждой страны по-своему рисуют картину мира в зависимости от воспитания, образования, национального менталитета, стереотипов, традиций и обычаев страны проживания, государственной идеологии и политических убеждений. Лингвокультурологический аспект дискурса общественного мнения представляет собой отдельный объект исследования.

Многоаспектное рассмотрение дискурса общественного мнения определяет выбор разнообразных методов исследования, основными из которых являются когнитивно-дискурсивный и сопоставительный анализ, осуществляемые с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей носителей соответствующих языков и культур. Кроме этого для решения поставленных задач необходимо применить описание, моделирование, систематизация и интерпретация речевого материала, метод дедукции, позволяющий на основании интерпретации выявленных частных языковых фактов, сделать обобщенные выводы, а также элементы контекстуального анализа и метода количественной обработки и др.

Следует отметить, что метафорическая концептуализация политических лиц, институтов и стран, особенно в периоды острого накала отношений и эскалации военных конфликтов, позволяет нам указать точку зрения мирового сообщества по данному вопросу, а участникам дискурса общественного мнения — высказать свое мнение в поддержку той или иной враждующей стороны, открыть друг другу правду, известную немногим, повлиять на мнение общественно-

сти. И пусть это еще одна субъективная оценка реальности, но не на таких ли оценках держится мир? Проследить тенденции и настроения межнациональных отношений позволяет когнитивное исследование концептуальных метафор дискурса общественного мнения, адресата политических и медиасообщений.

Литература

Красильникова, Н. А. Жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып. 4 (30).

Красильникова, Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. — 2008. — Вып. 3 (26).

Красильникова, Н. А. Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании) / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 3 (33).

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова ; Рос. Академия наук ; Ин-т языкознания. — М. : Языки славянской культуры, 2004.

Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. — Oxford : Blackwell, 1983. — 272 p.

КРИЖАНОВСКАЯ Елена Мечиславовна

г. Пермь, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ

Г. А. ЗЮГАНОВА

**(на материале новостных текстов официального сайта
Коммунистической партии РФ)**

Одним из перспективных и динамично развивающихся в настоящее время направлений современной политической лингвистики является изучение идиостилей различных политических лидеров, движений, партий и общественных организаций. На сегодняшний момент выявлены и описаны некоторые сущностные черты речевых (риторических) портретов некоторых отечественных и зарубежных

политиков современности и прошлых лет: И. В. Сталина, А. Гитлера, М. Тэтчер [Михальская 1996], Л. Кагановича [Базылев 2008], Д. О. Рогозина, А. Б. Чубайса, В. В. Путина, Г. А. Зюганова [Паршина 2007; Попов 2010], В. В. Жириновского, А. Лебеда, Г. Я. Явлинского [Сорокин 1999; Китайгородская, Розанова 2003], И. Хакамады [Базылев 2005], Б. Е. Немцова [Романова 2009; Мадалиева 2011], Т. Блэра, Б. Обамы [Садуов 2008; 2010] и др. Интерес к изучению языковой личности лидера политической партии или движения может быть объяснен тем, что, как полагают М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, «речь политика формирует не только его собственное политическое лицо. Речевой портрет лидера — это и визитная карточка той политической партии или движения, которое он представляет» [Китайгородская, Розанова 2003: 182].

Активное развитие в последние годы политического дискурса в Интернет приводит к необходимости изучения формирования имиджа политика средствами электронной коммуникации. По-видимому, индивидуальный стиль политического деятеля можно рассматривать как одно из проявлений его языковой личности и одновременно как один из компонентов его имиджа. В связи с этим в качестве материала исследования идиостиля Г. А. Зюганова нами были выбраны интернет-тексты, представленные на новостной ленте официального сайта партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» (kprf.ru) в первой декаде июня 2011 года. При этом изучению подвергались цитатные фрагменты текстов разных жанровых форм: заявлений Г. А. Зюганова для прессы, телеграмм Президенту РФ Д. А. Медведеву, информационных статей агентства «Интерфакс», газет «Коммерсантъ» и Пресс-службы ЦК КПРФ, личных поздравлений от имени лидера КПРФ, репортажей о событиях, резолюции актива КПРФ и др.

Очевидно, что многие из отмеченных черт идиостиля Г. А. Зюганова обусловлены открыто пропагандируемой оппозиционностью лидера КПРФ как официальной российской власти, так и политике правящей партии «Единая Россия». В качестве одной из наиболее частотных особенностей идиостиля Г. А. Зюганова выступают советские идеологические клише и газетные штампы, которые используются для характеристики современных политических событий, например: *великая советская держава; выражают солидарность с патриотическими силами стран; главная житница нашей страны; опыт советской школы; российские коммунисты решительно осуждают...; создать широкое народно-патриотическое движение; уверенно двигаться вперед; чувство товарищества и локтя; южные рубежи нашей великой Родины* и мн. др.

Для выражения резко негативного отношения к сложившейся в современной России политической ситуации лидер КПРФ активно

использует разговорные и просторечные выражения с пейоративной окраской. В приведенных ниже текстовых фрагментах разговорные слова и выражения выделены полужирным курсивом: а) «*Когда грянул кризис, собрались 4 человека в Кремле, и за одну ночь приняли решение из **государственной заначки** отдать четырем банкирам 200 млрд долларов. Те **поделились еще с несколькими банкирами** и все эти **деньги умыкнули***; б) *Они **продули** Олимпиаду в Ванкувере, **не попали даже в десятку**, организовали **жуткую трагедию** в Кущевке... Если бы они не **занимались** на выборах **приписками**, то давно **провалились бы с треском***» (05.06.2011).

Индивидуальный стиль Г. А. Зюганова отличается также использованием большого количества разнообразных риторических средств, из которых наиболее частотными являются эпитеты, метафоры, гиперболы, анафорические повторы, антитеза, прием синтаксического параллелизма и некоторые другие.

Названные и многие другие особенности формируют идиостиль лидера КПРФ Г. А. Зюганова и способствуют оказанию эффективного воздействия на определенную часть российского электората. Как отмечает А. П. Чудинов, «едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность, но не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения» [Чудинов 2008: 25]. Дальнейшее изучение особенностей индивидуально-го стиля Г. А. Зюганова представляется нам перспективным.

Литература

Китайгородская М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М. : Языки славянской культуры, 2003.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 3-е изд., испр. — М. : Флинта ; Наука, 2008.

КУБАСОВ Александр Васильевич

Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЭССЕ ПОСТМОДЕРНИСТА (Владимир Сорокин в интернет-журнале «Сноб»)

В начале этого года в Интернете появилось знаменательное свидетельство о том, что продажи электронных книг на портале Amazon.com обогнали продажи даже самых дешевых, но бумажных. Компьютерные тексты только начинают привлекать к себе внимание исследователей. Их особенность заключается во взаимодействии различных дискурсов, устной и письменной форм речи, в их жанровой разноликости.

Владимир Сорокин — популярный современный писатель, классик отечественного постмодернизма, автор ряда романов и повестей. Гораздо меньше он известен как колумнист в интернет-журнале «Сноб» (www.snob.ru). Первое выступление Сорокина в «Снобе» состоялась в мае 2009 года. Это был текст, посвященный смерти Дмитрия Александровича Пригова. За прошедшее время Сорокин написал более 50 произведений в журнал. Он работает в жанре эссе, которое может модифицироваться в зависимости от проблемы, выбранной автором, его задачи, позиции, особенности интонации. В качестве жанра-субстрата для своих эссе Сорокин использует инвективу, притчу, физиологический очерк, эпитафию, сценку, свободную медитацию. Полижанровость текстов соотносится с полистилистикой. Ключевая особенность интернет-текстов Сорокина — их разнообразная кентавричность.

Одна из форм ее проявления — сочетание художественного и политического дискурсов. Одни эссе тяготеют к полюсу публицистичности. Они посвящены политическим событиям последнего времени: процессу Ходорковского, разбою майора Евсюкова, истории с московским поселком Речник. Другие отличает несомненное превалирование художественности. Политика не замкнута рамками властных сфер и структур. По Сорокину, она разлита в окружающей нас повседневной жизни. Только мы не замечаем ее, как не замечаем воздух, которым дышим. Поэтому политический дискурс воплощается у Сорокина по преимуществу в имплицитной форме.

Каковы особенности политического дискурса в эссе, которое бытует в электронном виде? Ответ на этот вопрос надо искать в характере контекста. Открыв страницу электронного журнала, читатель видит на экране монитора сразу целый ряд заголовков-отсылок: перед ним открывается не текст, а гипертекст. Переход к ссылке на Сорокина связан с ситуацией выбора. Выбор же предполагает мно-

жественность. Контекст изначально присутствует в сознании реципиента, хранится в его оперативной памяти, выступает как фон, на который проецируется содержание эссе. В большинстве случаев этот фон политизирован, связан, как было принято говорить, с «текущим моментом». То есть электронный текст обладает повышенной реальной и потенциальной диалогичностью.

Эссе — жанр, тяготеющий к максимальной лапидарности, смысловой емкости. Поэтому в основу каждого конкретного текста Сорокиным кладется какой-то один художественный прием. Например, эссе «Жизнь на льду» строится как развертывание концептуальной метафоры, передающей особый метафизический характер российской действительности, в том числе и политической. Автор вслед за Ильей Кабаковым задается вопросом, почему русские почти всегда проигрывают в футбол и десятилетиями побеждают в хоккее и фигурном катании. В качестве ответа автор развертывает метафору «лед русской действительности». *Русская жизнь скользкая. Мы рождаемся на метафизическом льду неустойчивой, непредсказуемой русской жизни. <...>Европеец стоит на земле — мы стоим на льду. Понимаем, что здесь опереться можно только на себя, на собственное внутреннее равновесие. Под нами — лед, скользкий, холодный, ненадежный.* Политический дискурс в данном случае сближается с философским. Создается предельно обобщенный, вневременной образ России, Она видится автору эссе страной холода, нестабильности и неопределенности. Отметим, что эссе «Жизнь на льду» можно рассматривать как некий «концентрат» идеи, может быть развернута до пределов романа. Мы имеем в виду роман Сорокина «Лед». В итоге автор приходит к нетривиальному заключению: *Фигурное катание, игра на льду — это и есть образ и смысл русской жизни.*

В основу эссе «Водка» положен принцип параллелизма. Национальный напиток сравнивается с властью. Жизнь в России непостоянна во всем. Известно, что выбранная когда-то марка водки через некоторое время с фатальной неизбежностью становится дрянью. Потребителю напитка приходится искать новую «хорошую водку». В основе обоих явлений лежит неписанный онтологический закон российской действительности, согласно которому все некогда хорошее со временем обязательно становится плохим. В конце автор афористично формулирует вывод: *Получается, что в России три уже «проклятых» вопроса: «Что делать?», «Кто виноват?» и «Что пить?»*

Опричнина для Сорокина есть явление чисто русское, константное по своей сути, но принимающее различные формы и оболочки. То, что было когда-то учреждено Иваном Грозным, не исчезло из нашей действительности, а только видоизменилось. В интервью газете «Известия», приуроченном к выходу романа «День опричника», Сорокин заметил, что считает опричнину сугубо патологиче-

ским явлением. *Опричнине и ее идеям откликнулась русская метафизика. Я полагаю, что все наши смуты, революции, потрясения и моря пролитой крови - все это последствия опричнины.* В эссе «Знакомая музыка опричнины» автор останавливается на современных проявлениях неискореняемой опричнины. Самый яркий и хрестоматийный образ опричника в русской литературе — Кирибеевич из «Песни про купца Калашникова» Лермонтова. Прибегая к былинному стиху, автор эссе дает отсылку к классическому произведению. Политический дискурс в данном случае почти вплотную смыкается с художественным. В основу сюжета положена история майора Евсюкова, устроившего стрельбу в московском магазине.

Надоело Евсюку-свет опричнику
Пировать во палатах во каменных,
Надоело ему, ох, опостылело
Пить меды да жевать гусей-лебедушек.
Стало душно ему! Стало скучно ему!
Он выхватывал свою саблю вострую,
Да бежал со всех ног в Охотный ряд,
Рассекал там он купцов-менял-калашников,
Рассекал народ московский недоверчивый,
Рассекал на куски саблей вострую,
Рассекал, рассекал, да приговаривал:
— Ох, и душно мне! Ох, и скучно мне!

Одна из идиом политического дискурса, воспринимаемых Сорокиным как знак и концептуальная метафора времени, — «вертикаль власти» (эссе «Вертикальновластный театр»). Российская власть эклектична, она механически пытается соединять новое со старым. Символ этого — *двуглавый орел, восседающий на красной звезде* (эссе «Модернизация гротеска»). Столица России — город, *изнасилованный вертикалью власти* (эссе «Москва»). Ключевое же качество российской власти — дурная литературность во вкусе Гоголя, Зощенко, Булгакова. *Каждый день мы читаем и разыгрываем по ролям бесконечный роман под названием «Русская жизнь». Он распадается на тысячи глав и главок, серьезных, смешных, страшных. Многие из этих глав повторяются до дурной бесконечности, они буквально зачитаны нами до дыр со времен Гоголя. Например, такие главы, как «Народ и власть», «Чиновники», «Дураки и дороги», «Воруют!», «Кто виноват?», «Что делать?», «Лизоблюды и жополизы», «От сумы и от тюрьмы...», «Крамола», «Слово и дело», «Полный пиздец!», «Моя хата с краю», «Интеллигенция», «Юродивые», «А ну вас всех!» и так далее. Каждый выбирает себе сюжет на день, на год, на всю жизнь. Но гораздо страшнее, когда власть в стране литературна. Ибо про Хлестакова или Урию Гипа интересно читать, а вот зависеть от них совсем неинтересно* (эссе «Литературщина»).

КУДРЯВЦЕВ Алексей Геннадьевич

г. Челябинск, Россия

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ
НА КОНЦЕПТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ**

Став в XX в. одним из столпов успешного взаимодействия между представителями разных культур, толерантность привлекает все больше внимания в различных областях науки, в том числе и в лингвистике.

В трудах А. Ю. Соловьева, О. А. Михайловой, И. В. Понкина и др. отмечаются различия между понятиями «толерантность», «терпимость», «ненасилие» и т. д. Первое из них появилось в русской языковой картине мира ввиду неспособности других лексических единиц передать его значение в полной мере.

В турецком языке заимствованная лексема «*tolerans*» употребляется наряду с гораздо более старыми «*hoşgörü*» и «*müsamaha*». Появление лексемы «*tolerans*», на наш взгляд, можно объяснить исходя из историко-культурной специфики турецкой языковой картины мира. Являясь по сути чуждой турецкому языку, она вошла в его состав и получила в нем достаточно широкое распространение в начале XX в., в период реформации страны и культуры под руководством Мустафы Кемала Ататюрка.

Омер Аслан прибегает к анализу структуры концепта «*tolerans*». Она, по мнению исследователя, представляет собой сочетание следующих когнитивных признаков:

- 1) важность, значимость (ситуации, в которой субъект реализует толерантность как свое личное качество);
- 2) возможность порицания объекта толерантности;
- 3) сила (разумное применение силовых методов решения ситуации);
- 4) неотрицание инакомыслия;
- 5) благополучие (как объективная цель толерантности);
- 6) способность с терпением выносить агрессию. [Aslan 2011].

Для сравнения приведем список основных элементов структуры русского концепта «толерантность», предложенный в работе Н. А. Неровной.

- 1) готовность мирно сосуществовать с другим;
- 2) заключается в непроявлении эмоций;
- 3) проявляется по отношению к личности;
- 4) дружелюбное отношение;

- 5) понимание многообразия форм самовыражения;
- 6) соблюдение политических прав человека;
- 7) проявляется по отношению к чужому. [Неровная 2009]

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что концепт «толерантность» является этноспецифичным для русской и турецкой языковых картин мира. Это обуславливается рядом факторов, среди которых можно выделить и политические. Например, к данному типу факторов в России можно отнести следующие:

1. Смена власти и национальной идеологии в начале XX века и мощное влияние новой идеологии на все аспекты жизни общества, включая лингвокультурный.

2. Эскалация межнациональной розни на базе локальных дипломатических и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в конце XX века.

3. Отказ ратифицировать 12 Протокол Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2000 году — данный Протокол обязывает государство гарантировать любые права без какой-либо дискриминации.

4. Разработка федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

В истории Турции среди причин данного типа можно отметить следующие:

1. Относительная автономность религиозных общин в Османской империи — таким общинам было разрешено использовать свои религиозные нормы при решении внутренних вопросов.

2. Политика «светскости» (секуляризм) Мустафы Кемаля Ататюрка.

3. Отсутствие полноценного легального статуса у религиозных организаций в Турции на сегодняшний день.

4. Эскалация межнациональной розни между турецким и курдским населением и активизация противостояния на уровне политических партий.

Можно отметить, что в вышеуказанных списках встречаются как причины, стимулирующие развитие норм толерантности во всех аспектах жизни общества, так и причины, сдерживающие это развитие.

Литература

Неровная, Н. А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность*, *терпимость* в русском и английском языковом сознании) : дис. ... канд. филолог. наук. / Н. А. Неровная. — Воронеж, 2009. URL: <http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=1430> (дата обращения: 24.08.2011).

Aslan, Ö. Hoşgörü ve tolerans kavramlarına etimolojik açıdan. Analitik bir yaklaşım. URL: eskidergi.cumhuriyet.edu.tr/makale/325.pdf (дата обращения: 24.08.2011).

КУЛТЫШЕВА И. В.

Нижний Тагил, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ

Период предвыборных кампаний дает исследователям почву для изучения жанрового многообразия агитационных материалов. Предвыборная листовка — это текст, наиболее быстро находящий своего адресата. Не случайно в литературе, посвященной PR-текстам, указывается, что листовка — это один из важнейших жанров политических коммуникаций.

Основной целью предвыборной листовки является оказание воздействия на аудиторию. В современном языкознании существуют различные точки зрения на проблему языкового воздействия, но все признают, что в основе любого агитационного текста лежит стремление кандидата воздействовать не только на рассудочную, рациональную, но и эмоциональную сферу избирателей. Многие исследователи признают, что языковое воздействие в тексте проявляется на лексическом уровне с помощью оценочной лексики и тропов, на морфологическом уровне с помощью местоимений и глаголов, на синтаксическом уровне с помощью риторических фигур, обращений и вводных слов.

Наше исследование позволяет сделать вывод, что высокий убеждающий потенциал заключен в имени числительном. Исследования в области политической коммуникации свидетельствуют о том, что дифференцировать эмоциональный и рациональный компоненты воздействия крайне трудно. В имени числительном гармонично соединились оба компонента.

Как часть речи числительное указывает на отвлеченные числа, количество предметов и порядок их при счете, служит для выражения точной, беспристрастной информации, находит широкое применение в доказательстве как логическом способе аргументации (ра-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Култышева И. В., 2011

циональный компонент воздействия): «**2 декабря 2007 года — выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации**» (СПС), «**В наших планах в кратчайшие сроки рассчитаться со всеми вкладчиками, чьи трудовые сбережения "сгорели" после 1 января 1992 года**» (Единая Россия).

В силу своей семантической исключительности числительные не допускают переноса значения, а значит, и метафорического использования, поэтому вопрос об экспрессивности числительных может показаться необоснованным: за ними закрепились репутация самой «сухой», лишенной каких бы то ни было эмоциональных красок части речи. Однако в агитационных текстах эта часть речи может стать сильным источником воздействия, речевой экспрессии при определенных условиях, в особом контексте:

1. Выступая, премьер-министр В.Путин заявил, что пособие для увольняемых в ходе кризиса людей будет составлять **4900 рублей**. Он скромно умолчал о том, что на такое пособие смогут рассчитывать лишь те, чей заработок был порядка **50 тысяч рублей**. Остальным придется довольствоваться **1000 или 800 рублями** (КПРФ).

2. Интересный кризис у нас в стране: рабочие с заводов сокращаются **тысячами** (только в Тагиле на сегодняшний день **17000 безработных мужчин** трудового возраста), а в «Единой России» стало в **шесть раз больше** миллиардеров, причем долларовых (Справедливая Россия).

3. Зарплата металлурга — **20 тысяч рублей**, горняка — **16 тысяч**, учителя — **10 тысяч**. Зарплата губернатора Свердловской области — **228 тысяч рублей** в месяц, зарплата мэра небольшого Новоуральска — **503 тысячи рублей**. И эти люди заставляют вас голосовать за партию власти! (Справедливая Россия).

В этих случаях имя числительное, не утрачивая своей информативной функции, оказывается важнейшим средством убеждения за счет усиления экспрессивности речи.

Особого внимания заслуживает обыгрывание в предвыборных листовках номера партии или кандидата в бюллетене для голосования:

1. Все просто как **дважды два. 2 марта** голосуй за **номер 2** в избирательном списке (Гражданская сила).

2. Голосуй точно в цель, прямо **в десятку** (Единая Россия).

3. Очень символично, что Партия «Патриотов России» стоит **под номером один** в списке для голосования (Патриоты России).

4. «**Восемь** первоочередных дел Александра Буркова»... «**Восемь** первоочередных дел Валерия Черешнева» ... «**Восемь** первоочередных дел Елены Драпенко». «Справедливая Россия — **№ 8** в избирательном списке» (Справедливая Россия).

5. Голосуй за **№ 5 — за пятерочку** — голосуй за Союз Правых Сил! (СПС).

6. Семь причин голосовать за № 7 (КПРФ).

Насыщение текста числительными, включение их в систему языковых средств, усиливающих действенность речи, зависит от авторской установки, размера листовки, ее стилистического воплощения.

Еще большую экспрессивную нагрузку получают числительные в агитационном тексте, если автор вовлекает их в систему изобразительно-выразительных средств речи, придавая особое значение их актуализации. Употребление некоторых числительных в переносном значении, как тропов (гипербола и мейоз), также может быть сильным источником речевой экспрессии:

1. У вас **тысячи причин** голосовать против партии власти (КПРФ).

2. Мэры уральских городов превратились в удельных князьков. Почему не закрываются казино и игровые автоматы (их **миллион**) в Нижнем Тагиле? (Справедливая Россия).

3. **В двух шагах** от всех нас царит беззаконие, совершаются грязные сделки (Справедливая Россия).

Следует подчеркнуть, что метафоризация лишает числительные их основного грамматического признака: выступать в качестве точного обозначения числа или количества, поэтому нельзя говорить о строгом значении числительных, употребленных как тропы. Выступая как гиперболы или мейозы, числительные обретают оценочное значение.

Морфологический уровень языка имеет обширные ресурсы воздействия на сознание избирателей в агитационном дискурсе. Уместное употребление имени числительного в предвыборной листовке представляет собой не только достоинство агитационного текста, но и необходимое условие информативной ценности текста и убедительности его содержания.

КУШНЕРУК Светлана Леонидовна

Челябинск, Россия

**АРХИТЕКТОНИКА ДИСКУРСИВНЫХ МИРОВ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ**

Когнитивная обработка дискурса является стратегическим процессом, в результате которого с целью интерпретации дискурса в

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Кушнерук С. Л., 2011

памяти конструируется его ментальное представление или репрезентация. Идея о том, что любое знание существует в виде ментальных репрезентаций, находит все больше сторонников. Исследования дискурса в терминах репрезентационных структур активно ведутся в рамках теории текстовых миров (П. Верт, Д. Гевинс, Л. Идальго Даунинг, Э. Лахей, Е. Семино, П. Стоквелл). Согласно данной концепции, в процессе совместной языковой деятельности продуцент и реципиент выстраивают «миры», или ментальные репрезентации, — осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений в процессе порождения и понимания речи. Миры иерархичны по структуре. Высший уровень представлен дискурсивным миром, под которым понимается контекст ситуации вокруг речевого события.

Понятие *дискурсивного мира* помещает на первый план явления, находящиеся вне речевых произведений, посредством которых происходит общение. На этом макроуровне осуществляется выход за пределы внутривербальных отношений. Макроструктуры являются определяющими как для производства рекламных произведений, так и для их интерпретации. Формой организации макроструктур выступают базовые фреймы, или *макрофреймы*, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. Макрофреймы сходные по способам концептуализации, которые конституируют дискурсивные миры русскоязычной и англоязычной рекламы. Сходство интерпретируется нами как актуализация соотносимых элементов, представляющих содержание макрофреймов, которые демонстрируют общность тематического репертуара: Авто, мото / Automotive, Бизнес / Business, Бытовая техника и электроника / Domestic appliances, Домашнее хозяйство / Household goods, Компьютеры / Personal computers, Красота / Health & Beauty, Напитки / Beverages, Одежда, обувь, аксессуары / Fashion & Lifestyle, Продукты питания / Foods, Связь, телекоммуникации / Telecoms, Сигареты / Tobacco, СМИ / Media & Publishing, Торговля / Retailing, Туризм / Transport & Travel, Финансовые услуги / Financial services.

2. Макрофреймы, различные по способам концептуализации включают элементы а) зафиксированные в структуре дискурсивного мира русскоязычной рекламы: [Авиакомпании, Безопасность, Игорные заведения, Кинотеатры, Мебель, Недвижимость, Образование, Общепит, Рекламные, PR, маркетинговые агентства, Спортивные товары, Строительство и ремонт]; б) зафиксированные в структуре дискурсивного мира англоязычной рекламы: [Audio visual, Home & Garden, Industry & Commerce, Leisure & Entertainment, Office supplies, Public services, Utilities].

Устройство дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы имеет много общих повторяющихся черт. Наличие

однотипного проистекает из общей сущности, целей, задач и функций, характеризующих данную сферу приложения дискурсивной практики. В дискурсивных мирах русскоязычной и англоязычной рекламы репертуар тем упорядочен. Макрофреймы, сходные по способам концептуализации, выявляют совпадение глобального содержания по 15 топикам, формирующим ядро семантической тематики. При внешнем сходстве выделенных макрофреймов, набор единиц их фреймо-слотовой реализации оказывается разным, что в широком смысле объясняется как собственно языковой спецификой, так и особенностями коммуникативного контекста, уникального для каждого национально-культурного сообщества.

Выделение макрофреймов, различных по способам концептуализации, демонстрирует идиоэтнические особенности. Категоризация в сторону конкретизации отличает русскоязычную рекламу, в то время как тематизация слоганов в дискурсивном мире британской рекламы чаще направлена на обобщение смыслов.

Подчеркнем, что набор предлагаемых рекламой благ невозможно исчерпать по причине того, что социальная обеспеченность, изобилие становятся императивами общества потребления, не поощряющего пассивности и экономности. Масштаб охватываемых сущностей неизменно растет. Тематический репертуар становится все более широким в ответ на постоянное развитие жизни, применение современных технологий, изобретений и всего того, что ставит перед рекламистами новые цели. Хочется надеяться, что специальные наблюдения за организацией опыта зарубежного рекламирования подскажут отечественным специалистам оптимальные пути для выстраивания собственных смыслов, которые бы отвечали потребностям экономически активного населения нашей страны.

Литература

Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8—16.

Лозинская, Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX—XXI веков : аналитический обзор / Е. В. Лозинская. — М., 2007. — 160 с.

Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh University Press, 2007.

Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — L. : Longman, 1999.

ЛАВРИК Эльвира Петровна

г. Ставрополь, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ
НЕГАТИВНЫХ УСТАНОВОК НА ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЧВЕ
(на материале прессы республик Северного Кавказа)**

Ситуация этноконфликтной напряженности в полиэтничных регионах, каким является и Северный Кавказ, может в любую минуту измениться под влиянием ряда факторов, одним из которых являются публикации в СМИ, связанные с этническими проблемами. «Даже одно-единственное слово в такой тонкой сфере, как этнические отношения, способно выступить в качестве пускового механизма конфликта, а в других ситуациях сказанное к месту может, наоборот, способствовать деэскалации конфликтного процесса» [Авксентьев 2002: 5]. Современные СМИ оказывают многоплановое и все возрастающее влияние на межэтническое взаимодействие в Северо-Кавказском федеральном округе. Региональная пресса Северо-Кавказского федерального округа посвящает значительное количество материалов межэтническим проблемам. Вместе с ростом числа материалов, посвященных межэтническим проблемам, растет и число конфликтных ситуаций, для разрешения которых необходимо привлечение экспертов-лингвистов и этноконфликтологов, что и является одной из составляющих деятельности Бюро лингвистической экспертизы Ставропольского государственного университета. Число конфликтных ситуаций, количество исков к СМИ не уменьшается, а увеличивается. Об этом свидетельствует не только опыт нашего Бюро, но и данные мониторинга Фонда защиты гласности.

Достаточно часто материалы региональных СМИ посвящены выявлению соотношения политических сил и оценке политических событий, происходящих в республиках. Предпринимаются попытки «пересмотра истории» и «переоценки ценностей», дается интерпретация исторических событий с позиций современника, связанное с этим осмысление роли различных этносов в историческом процессе.

Приемы введения информации конфликтогенного характера весьма разнообразны: к ним относятся тропы и фигуры, средства различных уровней языковой системы (лексического, морфологического, синтаксического). Наиболее распространенными и действенными являются следующие «механизмы передачи этничности в массовое сознание»:

– сообщение фактов (как правило, специально и зачастую тенденциозно подобранных) о жизни этносов, их культуре, экономике и политике: *А сколько Российских семей не дожидались своих отцов и*

сыновей, павших от рук казаков-предателей. А эта братва умела воевать, поскольку при царизме они были профессиональными военными. Этих подонков, воевавших против своего народа, нельзя ни понять, ни тем более оправдать (статья «Кого и зачем возрождать?», газета «Карачаево-Балкарский мир» № 2 (73) от июня 2009 года.); *Это изречение — огромная поддержка для адыгского народа, так как они уже успели разъединить себя и стать лже-кабардинцами, лже-черкесами и адыгейцами и создать три автономных области на территории России, а ныне объединяются...; Кочевое племя без роду, без имени.* («Кубанская волна» № 2 ноябрь 2009); *У карачаевцев нет истории, но есть историки* (статья «Идиотизм ущербной историографии», газета «Адыге Хасэ» № 8 (25) от 18 января 2010 г.);

– использование грамматических средств — например, явные или имплицитные призывы к разжиганию межнациональной розни с использованием грамматической структуры призыва: *заберите все, что вы ограбили и украли у нашего народа — у России и уматывайте!* (статья «Ответ сионистам», газета «Мнение народа», №1, январь 2005 г.);

– использование лексем с негативными коннотациями как средства характеристики этносов: *«Ложь и агрессия всегда сопутствуют черным делам адыгского народа»* («Кубанская волна» № 2 ноябрь 2009); *«Ребята, тише, проходим аул, где живут головорезы-черкесы, ничего у них не просим», - на всякий случай предупредил однорукий подопечных»* (статья «Кому не светит звезда Давида», газета «Вестник Карачаево-Черкесии» № 1-2 (53) от 14.04.2009); *«Можете себе представить как выйдут подпитые казаки на улицы с официальным оружием и начнут проявлять свой непомерный гонор»* (статья «Кого и зачем возрождать?», газета «Карачаево-Балкарский мир» № 2 (73) от июня 2009 года.) и др..

Таким образом, перечень языковых средств, используемых для формирования негативных установок по этническому признаку, чрезвычайно велик. Результативность этих средств зависит от различных факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических: набора языковых средств, уровня образованности коммуникантов, ситуации общения, жизненного опыта и др.. Однако будучи использованными в СМИ и обращенными к широкому кругу читателей, они могут стать средством этноконфликтной мобилизации населения.

Литература

Авксентьев В. А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В.Ставрополь: этноконфликтологический портрет : коллект. моногр. / В. А. Авксентьев, И. О. Бабкин, Н. П. Медведев, А. Ю. Хоц, В. В Шнюков ; пред. и науч. ред. д-ра соц. наук, проф. В. А. Шаповалова ; СГУ. — Ставрополь, 2002. — 138 с.

ЛАППО Марина Александровна

Новосибирск, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ОППОЗИЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Сегодня уже никого не удивляют несколько парадоксальные высказывания типа: «Российская действительность отмечена прежде всего утратой идентичности страной и ее государствообразующим народом, то есть русскими, и настойчивым, но малорезультативным поиском этой идентичности...» (<http://www.rossia3.ru/smi/zavetsavitskogo>).

Эта утрата идентичности объясняется, в частности, тем, что в настоящее время активно используется новый способ коммуникации — Интернет: «Заявляя себя в киберпространстве публичной коммуникации, индивиды оставляют вне сети свою этническую, религиозную, гендерную принадлежность и лингвистическую самобытность. Язык сети становится все более универсальным и всеобщим» [Мальковская 2008: 215].

Кроме этого, в современном официальном политическом дискурсе (дискурсе власти) конструируется не столько национальная, сколько наднациональная или гражданско-национальная идентичность. Имеется в виду формирование «многонациональной российской национальности» (обсуждение этого вопроса см.: [де Лазари 2011]).

Стратегии размывания национальной идентичности, более свойственной молодому поколению, и стратегии формирования наднациональной идентичности в дискурсе власти противостоит стратегия «жесткой» самоидентификации, которая чаще обнаруживается у представителей старшего поколения либо агрессивно настроенной молодежи.

В научной литературе тактика самоидентификации описывается как мощный прием аргументации в политическом дискурсе [Водак 1997]. В рамках данного сообщения нас будут интересовать способы актуализации национальной идентичности в дискурсе оппозиции, дискурсе ненависти. Так называемый дискурс ненависти — это тексты газет и журналов, которые сложно купить в книжном магазине или киоске, они распространяются по определенным каналам, к лингвисту же чаще всего попадают в качестве объекта проведения лингвистических экспертиз. Хотя материалы многих из них, как правило, можно найти на соответствующих сайтах в Интернете.

В оппозиционном дискурсе русскую идентичность пытаются укрепить или сформировать через самоидентификацию в конфликтных

призывах: ...**мы, русские люди** (здесь и далее, если специально не оговаривается, выделено мной. — М. Л.), должны своей решимостью изгнать сионистов с Русской земли (газета «Русская Сибирь»); Объединяйтесь на основе **Русской идеологии** и Православия! Не допускайте в свои общины людей, чуждых по крови и духу!.. Оказывайте доверие и поддержку только людям одной с вами крови и убеждений! (<http://www.rne.org/vord/rnenews/princip.shtml>).

Эффект актуализации своей национальной идентичности достигается также путем унижения чужого национального достоинства, осуществляющегося разнообразными способами, среди которых:

1) перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую группу [Об использовании специальных познаний... 1999]. Например: И какой же верности, преданности, бескорыстия в служении высшим целям мы можем ждать от еврея N, за четыре года своего правления доказавшего, насколько чужды ему **интересы и русской земли, и русского народа**. Впрочем, при еврейской власти иного и быть не может. Евреи пекутся только о своей выгоде. Иначе они думать не могут. Не дано им. Так уж они устроены (Информационный бюллетень «2-й Сибирский фронт»);

2) утверждения о природном превосходстве одной нации, расы и неполноценности или порочности другой [Об использовании специальных познаний... 1999]. Например: В начале 1990-х **арийское подсознание русской нации** интуитивно нащупало главную угрозу для своего дальнейшего существования в т.н. «лицах кавказской национальности» (газета «Русская Сибирь»);

3) оправдание борьбы с властью через приписывание этой борьбе положительных качеств: Прав Владимир Васильевич Квачков в своей статье о национальном восстании: «Национальная буря неизбежна. Суровая и беспощадная к оккупантам и их пособникам, опасная, но радостная, веселая и разухабистая для русского народа. И никакой гражданской войны не будет. Не с кем, нам, русским, украинцам, белорусам, татарам и другим коренным народам в России воевать» (газета «Родная Сибирь»).

Безусловно, за последние 10 лет оппозиционный дискурс в целом стал более мягким, завуалированным и изощренным. В дискурсе ненависти теперь активно обсуждается аргумент официального дискурса — понятия «российский», «россияне», «российская национальность»: Если Россия — государство единой политической нации, то единственное имя этой нации — **великий русский народ, русская нация** (выделено автором фрагмента — М. Л.). Никакого другого имени наш народ не примет. И единственным последствием навязывания «россиянства» будет только полное отвержение прекрасного русского слова «россиянин» и исчезновение его из велико-

го русского языка (Е. Холмогоров, «Мы — русские, не «россияне», <http://www.rus-obr.ru/day-comment/9539>). Однако некоторые авторы даже готовы пойти на известные уступки в вопросе самоопределения россиян: Быть «русским не по крови, а по духу» — означает быть сороботником в нашем общем доме, **«Российском Доме»**, равным в правах и обязанностях. Это **будет «русская по духу» Нация, даже если в целях модной сегодня политкорректности нам придется именовать ее «российской»** (Медведев В. С., Хомяков В. Е. Идея будущего, или Как вернуть Россию на Национальный путь).

Литература

Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград : Перемена, 1997.

Лазари, де А. Категории народности и идентичности в русской и польской мысли (эскиз) / А. де Лазари // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 38—42.

Мальковская, И. А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : метод. рек. — М. : Ин-т укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, 1999.

ЛАТУ Максим Николаевич

г. Пятигорск, Россия

ОБЛАСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВИДОВ ДИСКУРСА

Поскольку разные виды дискурса характеризуются различной функциональностью, использованием речевых моделей и языковых средств, то, в этой связи, интересным представляется изучение особенностей их взаимодействия. Так, очевидно, что некоторые виды дискурса взаимодействуют достаточно тесно. Например, Е. Н. Золоторева рассматривает рекламный текст как одну из моделей реализации социально-политической коммуникации [Золоторева 2006: 114]. Очевидно, что одни и те же коммуникативные стратегии могут

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Лату М. Н., 2011

использоваться в разных видах дискурса. При этом набор речевых тактик, употребляемых для реализации такой стратегии, в разной степени различается. Так, Э. В. Акаева, рассматривая реализацию когнитивной модели «убеждение» в медицинском дискурсе, утверждает, что такая коммуникативная стратегия является одной из базовых для данного вида дискурса [Акаева 2008: 605]. Можно предположить, что речевая тактика «инструктаж», выделяемая автором в рамках данной стратегии, помимо медицинского характерна и для других видов научного дискурса, поскольку соотносится с научными текстами. При этом известно, что стратегия «убеждение» также присуща дискурсу СМИ и в особенности политическому дискурсу. Так, М. Х. Хасуева совершенно справедливо отмечает, что «политическая коммуникация ориентирована скорее на воздействие, чем на полноценный контакт между коммуникантами, а следовательно, суггестивные средства воздействия на массовое сознание имеют невероятный потенциал среди множества методов и приемов, используемых в политической коммуникации» [Хасуева 2011: 116].

Набор языковых средств, используемых в разных видах дискурса для реализации коммуникативных стратегий, может отличаться. Так, для всех видов научного дискурса характерно функционирование соответствующего конкретной области знания аппарата специализированной лексики. При этом терминология используется для передачи научной информации.

Использование военных терминов в политическом дискурсе позволяет решить ряд коммуникативных задач, в частности, реализовать одну из важных коммуникативных стратегий «убеждение». Именно апелляция к современным военным реалиям в контексте сообщения является эффективным инструментом при оказании политического давления или его сдерживании, привлечении новых союзников и манипулировании сознанием общественности. Очевидно, что для осуществления данных коммуникативных задач политические лидеры прибегают к использованию конкретного корпуса терминов, вербализующих понятия о новейших рассекреченных военных разработках, оружии, представляющем реальную угрозу на сегодняшний день. Таким образом, наиболее частотными являются термины, вербализующие общие понятия, известные неспециалистам, об оружии, наносящем наибольший ущерб, как например оружие массового поражения. За рамками данного корпуса используемой в этих целях специализированной лексики остаются термины, исключающие возможность оказания необходимого воздействия, например, единицы, вербализующие огнестрельное оружие пехоты.

Таким образом, использование научных понятий в нехарактерных или смежных для данной области знаний видах дискурса может представлять большой интерес для изучения, поскольку позволяет

раскрыть условия взаимодействия видов дискурса и реализации коммуникативных стратегий и речевых тактик.

Литература

Акаева, Э. Д. Реализация когнитивной стратегии «убеждение» в медицинском дискурсе / Э. Д. Акаева // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике : сб. мат-лов / ТГУ им. Г. Р. Державина. — Тамбов, 2008. — С. 604—606.

Золоторева, Е. Н. Рекламный текст как реализация одной из моделей социально-политической коммуникации / Е. Н. Золоторева // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альм. — Ставрополь ; Пятигорск, 2006. — Вып. 4. — С. 113—119.

Хасуева, М. Х. Модель политической коммуникации и роль феномена суггестии в этой модели / М. Х. Хасуева // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. — 2011. — № 3. — С. 115—121.

ЛОСКУТОВА Ксения Никитична

Санкт-Петербург, Москва, Россия

ЗАКОН КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

(на примере советских Конституций 1918 и 1936 годов)

1. Мы видим две причины, по которым язык права можно отнести к языку политики. Во-первых, политику, идеологию и закон объединяет идея власти. Составляющими политической деятельности являются идеология и закон. Это отражено в предлагаемых нами определениях понятий *политика*, *идеология* и *закон*: а) *политика* — это деятельность, направленная на достижение и удержание власти; б) *идеология* — это система взглядов, объясняющая преимущества той или иной формы принадлежности и распределения власти; в) *закон* — способ языкового закрепления той или иной формы принадлежности и распределения власти в качестве основной и контроля за ее осуществлением.

Во-вторых, соотношение между идеологией и правом зависит от политического режима в государстве. Например, абсолютная монархия дает монарху полную свободу при принятии законов. Его идеи могут превратиться в закон моментально, т. е. идеология одного человека есть закон. Напротив, демократический режим с представительными законодательными органами требует, чтобы большинство населения разделяло эти идеи. Здесь идеология всего народа — это

закон. Примеры абсолютной монархии и демократического режима наиболее просты в описании. Однако они не отражают промежуточных случаев, в том числе режимов переходных государств.

2. Примером юридических текстов, отражающих изменения политической ситуации в масштабах страны, являются Конституция РСФСР 1918 года и Конституция СССР 1936 года. В данном исследовании мы не привлекаем Конституцию СССР 1924 года. В основном она касалась вопросов образования нового государства — СССР, прав республик и верховных органов власти. В остальном она мало отличалась от Конституции 1918 года.

А. Конституция РСФСР 1918 года представляет собой основной закон государства переходного периода. Конституция СССР 1936 года — это основной закон политически стабильного государства. В тексте Конституции 1918 года доминируют нормы-цели. Обычно норма-цель грамматически оформлена как утвердительное предложение в настоящем времени и не содержит лексем *цель* и *задача*. В Конституции 1918 года эти лексемы присутствуют: напр., *Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции РСФСР заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма* (ст. 9). В Конституции 1936 года эти лексемы появляются спорадически. То, что в Конституции 1918 года представлено как цель, в Конституции 1936 года носит характер предписания.

В. Конституция 1918 года содержит синонимические ряды. Напр., *эксплуататоры, имущие классы, паразитические слои общества, нетрудовые элементы*. Почти все элементы синонимического ряда имеют эмоционально-оценочную окраску. Синонимичный характер имеют и две статьи об основах государственного строя. Наличие двух статей, содержащих нормы-определения одного понятия, является юридическим абсурдом. Согласно статье 1, «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»; согласно статье 10, «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах РСФСР принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах». В Конституции 1936 года этого нет. Юридические тексты требуют однозначности и избегают избыточности, в том числе синонимию. Это сводит на нет и возможность появления оценочной лексики.

С. Конституция 1918 года почти не детализирует содержание норм. Это демонстрируют нормы, устанавливающие права и обязан-

ности групп населения. «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию, РСФСР ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» (ст. 17). Конституция 1936 года показывает большую детализацию. «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобщеобязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машиннотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся» (ст. 121).

3. Исследуемый материал иллюстрирует разницу между основным законом переходного и политически стабильного государства. Наличие норм-целей, синонимических рядов с эмоционально-оценочной лексикой, низкая детализация делают Конституцию 1918 года похожей на политический манифест или программу действий, а не на закон, выполнение которого гарантирует государство. Конституция 1936 года является законом, чью реализацию государство гарантирует на всей территории за счет наличия действенного механизма принуждения. Эти юридические тексты отражают политическую ситуацию в стране и фиксируют ее изменения в период с 1918 по 1936 год.

МАВРИН Владислав Игоревич

г. Новоуральск, Россия

МЕТАФОРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Политическая речь является благодатной почвой для появления различного рода метафор. Споры о том, какова роль метафор в речи, сорняком или благородным урожаем является метафора, идут параллельно с речевой практикой использования метафоры в различных дискурсах. Обратимся к тексту сочинения английского философа Т. Гоббса, посвящённого проблемам государства, «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»:

Закключаем. Свет человеческого ума — это вразумительные слова, однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными определениями. Рассуждение есть шаг, рост знания — путь, а благоденствие человеческого рода — цель. Метафоры же и бес-

смысленные и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде ignes fatui, и рассуждать с их помощью — значит бродить среди бесчисленных нелепостей. Результат, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение.

Гоббс протестует против использования метафоры в науке. Несмотря на такие суровые слова, он использует метафору в названии своего произведения — «Левиафан». Во введении он сравнивает государство и человека, и метафора, бесспорно, помогает в этом сравнении. В том месте, где Гоббс проводит параллель между метафорическим рассуждением и наукой, он также использует метафору. Сами же метафоры при этом сравниваются с *ложным сиянием*.

Преднамеренно или нет, противоречие между принципами и практикой Гоббса для нас является очень важным уроком об использовании метафор и моделей в политической науке. По словам Ландау, «политическая наука всегда находила прибежище в метафорах, что помогало ей перейти от неизвестного и известному. Те, кто критикует метафору, должны понимать, что и они должны использовать ее». Актуальные теории, которые основываются на современной науке, также зависят от метафоры, как и классические теории великих философов, рассуждающих о политике. Данная зависимость показывает, что политический запрос научного философского характера не может быть полностью обособленным от узора повседневной речи, которая обладает высоким уровнем метафоричности. Политики рассуждают об «игроках» в «команде» президента, или «урежают» бюджет, или же говорят о «холодной войне», «промывании мозгов», и «войне с бедностью». Любой успешный оратор знает, что политическая речь будет более убедительной, если в ней используются метафоры.

Отражение метафоры ведет к более глубокому пониманию политического знания, включая вопрос о том, как мы понимаем политику в целом. Современные работы о политической науке предполагают два альтернативных взгляда на то, как метафора отражается в политическом знании: верификационистский и составной. Исходя из названий каждого взгляда, можно определить как метафора соотносится с объектом политического знания. Верификационистский взгляд восходит к современному эмпирицизму, в то время как составной произошел от контр-эмпирицизма. Каждый взгляд по-своему определяет политическую метафору, но при этом каждый сталкивается с определенными трудностями.

Аристотель использовал метафору преимущественно в поэтике для передачи различных значений, включая аналогию, в Средние Века, метафору включают в понятие аналогии, сужая ее роль и значение. В современной дискуссии, передача значения проявляется также в аналогии, а сравнения и модели иногда определяются как

метафора или ее подтип. В данной статье метафора понимается как любой тип передачи значения. Динамику метафоры можно проследить в следующем примере: «Washington is the father of the country». В данном предложении «father» является метафорой. Слово было перенесено из одной сферы отношений в другую. «Отец» в своем прямом значении, это один из членов семьи, и буквальное понимание этой лексической единицы определяется семейными отношениями. В приведенном примере слово используется в ином контексте. Здесь отец — это государственный муж, а не биологический отец, и этим говорящий подчеркивает отношение к политическому сообществу, но не к семье. Интерпретация в буквальном смысле привела бы к недопониманию, но в то же время, метафора бы не сработала, если бы мы не принимали во внимание литеральный смысл лексической единицы.

Большое внимание уделяется некоторым доминантным метафорам, которые вошли в современную политическую теорию: машина, организм, сервомеханизм. Данные метафоры, без всякого сомнения, важны, но существует опасность, что несколько подобных метафор могут повлиять на восприятие целого сообщества и сделать его односторонним, этому во многом могут способствовать средства массовой информации

Существует целый ряд источников политических метафор: *повседневные человеческие отношения*, такие как в семье (отец и дети, муж и жена, хозяин и раб); *человеческая деятельность, характеристика артефактов*, например здание и его основа, пирамида, колесо, весы и многие другие.

Очень часто метафоры в политической теории берутся из другой сферы жизни и являются ложными. Таким образом, мы говорим «конгресс», не задумываясь, что данный термин первоначально означал «встречу», мы говорим «управлять» что первоначально могло интерпретироваться только как «рулить», слово «министр» означало «маленький человек» и противопоставлялось слову «магистр» и т.д.

В заключении хотелось бы сказать, что политическая метафора ведет куда к более глубокому знанию, она представляет собой тропу, которая ведет нас за пределы знакомого опыта к знанию политики такой какая она есть.

Литература

Гоббс Томас (1955), Левиафан, под редакцией Майка Окшота, Оксфорд.

Ландау Мартин (1972), Политическая теория и политическая наука, McMillan.

МАЛЕВИЧ Ирина Игоревна

Киев, Украина

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ УКРАИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (2010—2011 ГГ.)

Выявление и описание особенностей концептуальных метафор в дискурсах разных видов — одно из основных направлений современной когнитивной лингвистики (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). Целью настоящего исследования является анализ метафорических единиц, объективирующих концепт «УКРАИНА» в медиа-дискурсе Финляндии в период после президентских выборов в Украине, состоявшихся 17 января 2010 года.

Для исследования были использованы статьи, информационные сообщения, комментарии в 10 финских СМИ — газетах, интернет-изданиях, на сайтах телевизионных каналов (см. список источников). Следует отметить, что материалов, посвященных Украине, в финских СМИ было опубликовано достаточно много: мы проанализировали 807 статей, из текстов которых отобрали 276 концептуальных метафор со сферой-мишенью УКРАИНА.

Для описания современного украинского государства и общества финские СМИ чаще всего используют **социальные метафоры**: милитарную (*Uuden itsenäistymisen jälkeen Ukrainan sisäpolitiikka on ollut täynnä **valtataisteluja**, juonitteluja ja kampeamisyrityksiä* [VU. 09.02.2010] / После обретения новой Независимости внутренняя политика Украины была полна **битв за власть**, интриг и ухищрений), игровую (*Ukrainan parlamentissa **tapeltiin nyrkein** verotuksesta* [Yle. 18.11. 2010] / В украинском парламенте **кулачные бои** за налогообложение), реже — криминальную (*Ukrainan parlamentissa taas **joukkotappelu*** [HS. 16.12.2010] / В украинском парламенте опять **групповая драка**) и метафору искусства (*Timoshenko ... kutsui koko oikeudenkäyntiä epäoikeudenmukaiseksi **farssiksi*** [Yle. 4.07.2011]. Тимошенко ... весь судебный процесс назвала незаконным **фарсом**). При этом милитарная метафора доминирует. Украина представлена как страна, которая «*joutuu **kamppailemaan** «jättimäisten velkojen, köyhyyden, sortuvan talouden ja korruption kanssa»* [IL. 25.02.2010] / должна **бороться** с «гигантскими долгами, бедностью, подупавшей экономикой и коррупцией», где проигравший на выборах кандидат «*tulee **taistelemaan rajusti** asemastaan* [IL. 7.02.2010] / начинает **жестко драться** за свое место», где женщины выступают с требованиями «*Demokratian **raiskaaminen saa riittää*** [IL. 7.02.2010] /

Хватит насилловать демократию». Эту ситуацию достаточно точно обобщает заглавие одной из статей: «*Ukraina on kuin Suomi sodan jälkeen*» [US. 10.08.2010] / «Украина — это Финляндия после войны».

Созданная в финских массмедиа метафорическая картина общественно-политической ситуации в Украине в значительной степени антропоцентрична. Наиболее продуктивная **антропоморфная** модель «УКРАИНА — БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» чаще всего используется с целью вызвать сочувствие к стране с непростой историей (*Tshernobylin ydinturma jätti syvän haavan, jonka kanssa Ukraina joutuu elämään vielä vuosia* [IS. 19.04.2011] / Чернобыльская авария **оставила глубокую рану, с которой Украине приходится жить много лет**), но иногда и в целях создания ироничного контекста.

Внешнюю политику Украины финские журналисты преимущественно характеризуют с помощью концептуальных сфер «Артефакты» и «Природа». **Артефактные метафоры** из субсфер «Механизмы» и «Коммуникации» передают информацию о выборе и направлениях внешнеполитического курса Украины: *Ukraina jatkaa kiikkulaudalla ...Maan ulkopolitiikka puolestaan on ollut kiikuntaa idän ja lännen välillä* [VU. 09.02.2010] / Украина продолжает **качаться** ...Внешняя политика **качалась** между востоком и западом. *Ukraina äänestää tänään — ja kääntyy kohti Venäjää* [IS. 17.01.2010] / Украина **голосует сегодня — и разворачивается** к России. Ситуацию сложного выбора объективирует и спортивная метафора: *Mitnekähän onnistuu Ukrainalta Eu:n ja Venäjän väliset sopimukset. Spagaatti?* [S. 24.02.2011] / Как Украина подписывает договора с ЕС и Россией. **Шпагат?**

Природные метафоры, характеризующие отношения Украины с Россией и ЕС, наиболее часто представлены с помощью лексических единиц, номинирующих особенности климата (*EU:n suhtautuminen Ukrainaan on ollut viileän korrektia*. [VU. 09.02.2010] / Отношения ЕС к Украине было **прохладно** корректным. *Venäjä ja Ukraina ovat lämmitelleet välejään tuntuvasti sen jälkeen kun Ukrainan uusi presidentti Viktor Janukovitsh nousi valtaan* [IL. 30.04.2010] / Отношения между Украиной и Россией значительно **потеплели** после того, как к власти пришел новый президент Виктор Янукович). Вместе с тем отношения с ближайшим соседом Россией метафорически концептуализируются также как потасовка, жесткое спортивное состязание: «**sitoo Ukrainan ... Venäjän ... etupiiriin**. [VU. 27.04.2010] / **привязывает Украину ... к сфере интересов России**», «**Venäjä ... kiristi Ukrainaa ... taakaasulla ja öljyllä** [VU. 09.02.2010] / Россия ... **прижала Украину нефтью и газом**».

Таким образом, в современном финском медиадискурсе получили развитие метафорические образы Украины, в которых преобладают концептуальные векторы жестокости, опасности, насилия, со-

перничества (война, спорт, игра, криминал), зависимости от ненадежных факторов (примитивные механизмы, климат), отклонения от нормального состояния (болезнь, суд-театр).

Список источников и сокращений

Aamulehti (AL)
Helsingin sanomat (HS)
Helsinki.fi (HT)
Iltalehti (IL)
Iltasanomat (IS)
Nelosen uutiset.fi (N)
Suomi24.fi (S)
Uusisuomi (US)
Verkkouutiset.fi (VU)
Yle.fi (Yle)

МАРДИЕВА Ляйля Агъдасовна

Казань, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ЦЕЛЯХ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗАМИ СОЗНАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОДУКТА

Интерпретация того, что отправитель сообщения хотел сказать или сказал помимо своей воли и какое влияние планировал он оказать и оказал на деле на читателя, предполагает анализ сообщения (текста) в структуре модели деятельности (Е. Ф. Тарасов), в процессе его (текста) живого функционирования (Л. Г. Кайда). Это подразумевает исследование прецедентных визуальных феноменов (ПВФ), представленных в иконических текстах и иллюстрирующих вербальную журналистскую статью, с позиций психологии восприятия, а именно с учетом всех последовательностей внутренних репрезентаций ПВФ («визуальной внешней стороны», «визуального воспоминания» и «визуального конструирования» — Р. Болстедт и М. Хэмблетт), и с опорой на закономерности кооперации вербальных и невербальных знаков в пределах одного текста.

Анализ исследовательского материала с указанных позиций предопределил необходимость разграничения понятий «прецедентный визуальный образ» и «прецедентный визуальный феномен». Прецедентными визуальными образами (ПВО) мы называем хранящиеся в памяти представители определенного социокультурного сообщест-

ва зрительные образы культурного пространства (термин «образ» понимается нами как единица мысленного кода, субстрат подобного внутреннего образования может быть разным; говоря о прецедентных визуальных образах, мы имеем в виду те образы сознания, которые имеют визуальную природу или, по крайней мере, визуальный субстрат для них является обязательным). Если ПВО — явление идеальное, то ПВФ — это результат объективации визуального образа в текстовых (иконических и вербальных) структурах. Подчеркнем: прецедентными визуальными образами мы считаем именно визуальные образы культурного пространства, а не образы визуального культурного пространства. Это уточнение существенно, оно предполагает широкое понимание визуальной прецедентности, при котором в качестве прецедентных рассматриваются хранящиеся в памяти членов социокультурного общества цельные или фрагментарные киноподобные образы визуальных и вербальных произведений, невербального поведения отдельных личностей или социальных групп и образы предметного мира.

Используя ПВФ, отправитель апеллирует к ПВО — продуктам правополушарного типа мышления. Субъект воздействия при помощи ПВФ предполагает возбудить желаемые перцептивные образы и соответствующие правополушарному мышлению типы мыслительных операций потребителя информации, рассчитывает на эмоциональную нагруженность и тенденциозность восприятия. Оказывая влияние на полюс социальных стереотипов образа сознания читателя (на «чувственную ткань» образа сознания — термин Ф. Е. Василюка), коммуникатор ставит своей целью помочь воспринимающему установить между всплывающими образами сознания запланированные формы мифологических связей.

Процесс дешифровки визуального сообщения (ПВФ в рамках вербального текста журналистской статьи) есть процесс вовлечения. ПВФ, представленный в иконическом тексте, как и всякое визуальное сообщение, занимает сильную позицию в тексте, т. е. это та часть сообщения, на которую получатель информации сразу обращает внимание и прочитывает в первую очередь.

Важно отметить, что содержание текста визуального сообщения прочитывается несколько раз. Первый раз — при так называемом просмотрном чтении (т. е. в процессе пролистывания газеты, журнала в поисках интересного материала). На этом этапе устанавливаются ассоциативные связи с первоисточником: читатель вспоминает в общих чертах сюжетную канву (если она есть), основные образы текста-источника. В сознании воспринимающего актуализируются семантический и эмоциональный ореол, связанный с репрезентируемым текстом, т. е. актуализируется «образ психического состояния» (термин А. О. Прохорова), в результате читатель оказыва-

ется в состоянии повышенной готовности для восприятия запланированного воздействия. Используя терминологию нейросемантического программирования, можно сказать, что ПВФ выполняет функцию «якоря» (триггера, раздражителя), запускающего заданные механизмы восприятия вербального текста и инициирующего определенные состояния потребителя информационного продукта. Затем происходит объединение сообщений вербального, вынесенного в заголовок (подзаголовков и лид, если таковые имеются), и иконического. Этот этап можно назвать этапом вероятностного прогнозирования. Читатель на основании полученных сведений строит гипотезы о содержании статьи, и именно на этом этапе решается вопрос, будет он дальше читать статью или нет. Следующий этап — этап интерпретации ПВФ в контексте вербального сообщения всего текста. Точнее все же будет сказать, что дальше происходит процесс кооперации двух видов информации (вербальной и визуальной), притом вербальный текст управляет вниманием читателя, направляет его мысль в нужное русло. В процессе интерпретации реципиент благодаря силе воображения соединяет отдельные образы визуального и вербального сообщений в одно целое — во фрагмент социальной картины мира, которая в дальнейшем будет регулировать его деятельность.

МАТЫГИНА Екатерина Борисовна

г. Челябинск, Россия

ОПИСАНИЕ ВНЕШНОСТИ И СТИЛЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ В СМИ

Исторически изображение женщин-политиков в средствах массовой информации отличалось от изображения их коллег-мужчин. Во-первых, в средствах массовой информации фигуры женщин-политиков освещались в меньшей степени, во-вторых, их портреты всегда создавались с учетом полового признака и гендерных ожиданий, в-третьих, чаще, по сравнению с политиками-мужчинами, описывалась их внешность и манера одеваться.

Как справедливо подчеркивают специалисты (U. Moustgaard, K. Ross, J. Davitt, Gidengil and Everitt, G. J. Robinson and A. Saint-Jean, M. L. Kahl, M. K. Tresky, Z. M. Oxley, H. Markstedt, Falk, C. Heldman, Carroll and Olson, M. Lake, M. Braden, C. Jenkins, C. Fiig, D. G. Bystrom, D. J. Heith) внешность женщины-политика постоянно находится под

испытующим взглядом средств массовой информации. Исследования говорят о том, что если речь идет о политике-мужчине, то газетные и журнальные статьи сосредотачивают внимание читателя скорее на политических вопросах и проблемах, находящихся в сфере интересов данного политика, его профессиональных качествах. Если же речь идет об изображении профессиональной жизни политика-женщины, то в широких масштабах используется описание внешности — одежды, взгляда, роста, веса, прически и т.п., нежели ее способностей и политических интересов. Данные наблюдения свидетельствуют о том, что женщина-политик изображается средствами массовой информации, прежде всего, как «женщина», с неизменным обращением к традиционным женским ролям и оцениванием ее профессиональных качеств по половому признаку. Весьма показательны следующие примеры описания Кондолизы Райс.

1. *Then there's the question of how, as time passes, will African-Americans view Rice? While there's no doubt that many African-Americans don't always agree with Rice's politics, many have taken an interest in such lighthearted things as the secretary's newfound fashion sense. Her hairstyle has been updated, as well as her attire. Rice even caused an international stir when she showed up at an Air Force base in Germany wearing a black, knee-high skirt and knee-high boots. And don't think that Sisters haven't taken notice. (Condoleezza Rice President Bush's Most Loyal Insider: In the Midst of Major Inner-Circle Departures, the Secretary of State Remains at the President's Side Magazine article by Kevin Chappell; Ebony, Vol. 63, November 2007.)*

2. *I appreciated David Samuels's thoughtful piece on Condoleezza Rice. However, the panting descriptions of her "long, athletic legs" and "sophisticated clothes" as early as the third paragraph struck me as irrelevant. The emphasis Samuels places on her figure and dress disappointingly reminds the reader that what the press values in a woman, no matter her status, is her looks. Samuels even calls Rice's "bureaucratic side" — which turns out to be her political savvy and intellectual acumen — "boring". To the contrary, her junior Sovietologist credentials and her "ability to master briefing books" are more compelling to me than her "lemon-meringue-colored" suit. (Condi's Grand Strategy Magazine article by Ely Ratner, Arline Welty, David Samuels; The Atlantic Monthly, Vol. 300, September 2007)*

3. *She has been traipsed hither and thither billed as "the most powerful woman in the world" sometimes with the added emphasis of being "the most powerful black woman ever". But in a black trouser suit and a single row of pearls, she can still appear vulnerable, for she has not forsaken femininity for political gain. (LIVERPOOL: THE REAL UK .. EXCLUSIVE It's the Interview Every Newspaper Wanted — but Condoleezza Rice Would Only Talk to the ECHO. by Joe Riley*

ECHO Spotlight on the City Visit of American Secretary of State Condoleezza Rice Newspaper article; *Liverpool Echo* (Liverpool, England), April 3, 2006.)

4. The Germans call her "coquettish", the French admire her chic pointy shoes. When stepped into a beauty salon in Madrid the other day, the hairdresser curled the coif in back, handed me a mirror and told me proudly: "That's the Condi flip". Condoleezza Rice and the Condi flip are suddenly everywhere, last week giving splashy front-page interviews (denying, in that carefully ambitious way of major-league politicians, that she has any presidential ambitions) and ubiquitous television chats, and this week talking to heads of state in Asia, looking both glamorous and authoritative. That's not an easy combination for any woman.

Style has rarely been either a characteristic or a qualification for secretaries of state. Henry Kissinger had his square dark-rimmed glasses, and Madeleine Albright her funky hats, but these were carefully contrived affectations... Condi in power boots, however, makes a fresh and exuberant statement, fusing style and substance, talking tough policy with feminine panache, making a formidable package as tough as nails (carefully manicured).

Here, finally, is the triumph of womanhood flourishing on the world stage, needing no label of race or "gender". She's black without a hyphen, at the top of her game with no bow to affirmative action. When we talked last week over coffee at *The Washington Times* and I asked her about the public's interest in her fashion style - noting that Mrs. Albright had said she envied her svelte body - she laughed without being defensive, and said she likes clothes. (***Flipping over Condi; She's Feminine, Glamorous and Tough as Nails*** Newspaper article; *The Washington Times*, March 17, 2005)

Подобный подход к изображению женщин-политиков, может иметь как отрицательный, так и положительный подтекст. Негативные импликации состоят в том, что роль женщины-политика в принятии решений преуменьшается, на первый план выходят не столько ее профессиональные качества, сколько ее «женская сторона». Таким образом, женщина-политик обособляется, исключается из группы политиков-мужчин, подчеркивается ее неспособность к адекватной политической деятельности, активности. Положительные же импликации, по нашему мнению, заключаются в том, что за счет описания стиля, личных качеств женщины-политика устанавливается некий контакт с чувствами читателя, конструируется некий образ, реальный и подлинный, вызывающий доверие и имеющий социальную привлекательность.

**МИХАЙЛОВА Татьяна Витальевна,
МИХАЙЛОВ Алексей Валерианович**

Красноярск, Россия

**К СТАНОВЛЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА:
ВЕРА И ПРАВДА В ТЕКСТАХ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА**

Флорентийская уния 1439 г. и падение Константинополя в 1453 г. вызвала в ряде стран *Rex Orthodoxa*, и прежде всего на Руси, целый спектр общественных настроений, среди которых преобладало решительное принятие Русью ведущей роли. Публицистика Ивана Пересветова стала важнейшим корпусом текстов такого плана. По мнению А. В. Каравашкина, «мощным духовным ответом на [названные выше] события стали эсхатологические теории Московского царства», их ярко выраженный религиозный характер и взаимодействие с официальными государственно-правовыми учениями образовали сложную идеологическую концепцию, особый историософский миф Руси XV—XVI вв. [Каравашкин 2000: 284]. При этом многие исследователи отмечают, что московским книжникам свойственна не столько единство и логическая выверенность концепции, сколько «неопределенность», «отрывочность» и «смутность». «Монографии советских ученых об истории публицистического периода древнерусской государственности только потому достигли относительного успеха — описания развития идей как единого процесса — что основывались на марксистско-ленинской методологии, <...> и часто слабые, неукоренившиеся идеи и понятия <...> рассматриваются как сильные, стабильные, фундаментальные» [Плюханова 1995: 10]. Тексты Ивана Пересветова как наиболее «ясные, рациональные и логичные» были довольно удобны для исследователей этого направления, однако они-то и не имеют «органических связей с другими текстами московского периода» и являются случайными и «внешними по отношению к древнерусской московской культуре» [Плюханова 1995: 9].

Соглашаясь в чем-то с автором работы «Сюжеты и символы Московского царства», хочется обратить внимание на то, что многие ключевые слова публицистических текстов Ивана Пересветова обладают **мнимой** логичностью и понятностью. Современный читатель навязывает свои взгляды текстам XVI в. Политические символы, используемые древнерусским публицистом, не тождественны по значению словам и символам современной политической терминологии. В работах В. В. Колесова, посвященных древнерусской ментальности, говорится о необходимости перевести «подобные исследова-

ния» с «обобщенно-типологических на конкретно-исторические» [Колесов 2000: 5]. Очевидна сложность разрешения противоречия между «синкретичным по существу мировосприятием древнерусского человека» и «дискурсивным современным мышлением», и «лингвист, оперируя словами при помощи слов же и реконструируя лежащие в их основе понятия и представления (образы)» не может не столкнуться с проблемой истолкования значений древнерусских слов, не испытывая влияния значений этих же слов, но уже современного русского языка [Колесов 1986: 7-8]. «Средневековое сознание оперирует не столько понятием о предмете, сколько представлением о нем <...> Творческий акт средневекового писателя и состоял в разработке подобных ситуативных смыслов, так что подчас неуловимыми остаются оттенки значения» [Колесов 1986: 14]. На осторожность в работе по истолкованию средневековых понятий обращает внимание и историк: «Одной из главных особенностей древнерусского языка, по мнению, является его нетерминологичность», и поэтому большинство средневековых слов-понятий невозможно с ходу истолковать [Юрганов 1998: 25].

Анализ значений ключевых слов представляет собой «орудие самосознания». Именно к такой точке зрения присоединяются авторы данной работы, считая, что описание средневековой культуры, в том числе и в ее общественно-политических проявлениях, должно опираться на анализ семантики ключевых слов, по-иному определяемых и как «термины», что не совсем точно, но более привычно для современного исследователя.

Полагаем, что тексты Малой и Большой Челобитных, «Сказания о Магмете султани» Ивана Пересветова являются релевантными для познания русского политического сознания XV—XVI вв., ибо в них разрабатываются далеко не случайные смыслы. Два слова — Вера и Правда — являются ключевыми в Малой и Большой Челобитных, переданных «государю благоверному царю» Ивану Васильевичу через 11 лет после приезда писателя в Московское государство. В челобитных автор на примере турецкого властителя обсуждает уроки, которые должен извлечь из падения Византии русский царь и предлагает проекты различных государственных преобразований.

Слово «правда» фигурирует в текстах Пересветова в значении 'вера', а «вера» у него указывает не на внутреннее состояние, а на внешние проявления, например, обрядовость, некий 'порядок', 'ритуал'. Контексты, содержащие эти лексемы, позволяют сделать и другие интересные выводы.

Литература

Каравашкин, А. В. Русская средневековая публицистика / А. В. Каравашкин. — М. : Прометей, 2000. — 417 с.

Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов ; ЛГУ. — Л., 1986. — 312 с.

Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов ; Философ. ф-т СПб. гос. ун-та. — СПб., 2000. — 326 с.

Плюханова, М. Б. СПб. : Акрополь, 1995. — 335 с.

Юрганов, А. Л. М. : МИРОС, 1998. — 468 с.

МОРГУН Оксана Михайловна

г. Москва, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ В МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Традиционно ораторское искусство и практика аргументации, как в античные времена, так и в XVII веке, считались фундаментальными составляющими политики. Более того, на современном этапе развития социальных наук возросло влияние постструктуралистов, уделявших внимание изучению истории понятий и языковому конструированию реальности. В XX веке сначала в США, а позже и в европейских странах возник интерес к возможным результатам действия средств массовой информации. Несмотря на все эти факты, изучение политического дискурсивного пространства сохраняло статус факультативного или периферийного направлений в политической науке [Gal 2008: 376]. Попытаемся проанализировать сложившуюся практику использования критического дискурсивного анализа (далее используется аббревиатура КДА), как одного из самых распространенных методов анализа текста, в рамках политических исследований.

Области применения КДА обусловлены тем, что он развивался под влиянием политического контекста идеологических и политических движений 1960-х гг. В общем, интерес для КДА представляет доминирование и отношения власти между социальными сущностями и классами, между женщинами и мужчинами, между национальными, этническим, религиозными, половыми, политическими, культурными и субкультурными группами. Поэтому потенциальные области его применения — это все взаимоотношения и темы, которые имеют отношения к анализу социальной власти: исследования женского вопроса, антисемитизм, фашизм, ксенофобия, язык в политике или язык в организациях. В качестве исходной точки он всегда берет посылку о том, что неравенство и несправедливость многократно воспроизводятся в языке и там легитимируются [Тичер 2009: 226].

Принимая концептуальную близость критического дискурсивного анализа с проблематикой политологии, определим его основные достоинства и недостатки, возможности и ограничения в качестве методологического инструментария политических исследований.

В силу своего прагматического характера и способности анализировать динамичный во времени и пространстве объект критический дискурс-анализ представляется перспективным методом для политических исследований, т.к. включает в анализ коммуникативный аспект, столь важный при анализе современной политической сферы. Поэтому операционализация метода дискурс-анализа с целью его включения в методологический аппарат становится важной задачей современной политической науки [Жеребцов 2005: 67]. Опираясь на международную и российскую практику интеграции критического дискурсивного анализа в политологические исследования, а также сравнение его инструментальных свойств с другими методами, мы намерены продемонстрировать широкие возможности КДА в политологии и аргументировать выбор данного метода для проведения исследований в рамках актуальных проблем социальных наук.

Литература

Жеребцов, М. В. Качественные методы в политической науке: теоретические основания и научный статус : дис. ... канд. полит. наук / М. В. Жеребцов. — М., 2005. — 183 с.

Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. — 354 с.

Blommaert, J. Critical Discourse Analysis / J. Blommaert, Ch. Bulcaen // *Annual Review on Anthropology*. — 2000. — Vol. 29. — P. 447—466.

Dryzek, J. S. The Mismeasure of Political Man / J. S. Dryzek // *The Journal of Politics*. — 1998. — August, Vol. 50, № 3. — P. 705—725.

Fairclough, N. Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — L. ; N. Y. : Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003. — 376 p.

Gal, S. Language its stakes, and its effects / S Gal // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. — Oxford : Oxford University Press, 2008. — P. 376—391.

МОХОВА Евгения Константиновна

г. Сургут, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингводидактике утвердилась точка зрения о том, что эффективность изучения языка и овладения речью может быть достигнута только в контексте культуры. Процесс познания национально-культурной картины мира носителей русского языка тесно связан с культурно-историческими реалиями, среди которых большое место занимают персоналии.

В каждой культуре существует единое для всего языкового кол-лектива и индивидуальное для любого отдельного его члена национально-культурное пространство, включающее в себя персоналии, имена людей, обладающих определенной известностью. При изучении персональных имен могут быть использованы различные термины — антропоним [Ермолович 2005], прецедентное имя [Караулов 2004], лингвоэпистема [Костомаров, Бурвикова 1996] и др. Г. Г. Хазагеров сферу персоналий, образов, литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей называет персоносферой, определяя ее как часть концептосферы. «И в этом смысле можно говорить не только о национальной персоносфере, но и о персоносфере отдельного человека, персоносфере социальной группы, о транснациональной персоносфере, свойственной тому или иному культурному ареалу, и даже о персоносфере всего человечества» [Хазагеров 2002].

В данной работе мы рассмотрим использование прецедентных имен в современном президентском дискурсе. Вопрос о функциях прецедентных феноменов и прецедентного имени, в частности, вызывает дискуссию среди авторов работ о прецедентности. Д. Б. Гудков выделяет три функции: 1) экспрессивную; 2) оценочную; 3) паролную [Гудков 2003: 157—158]. По мнению, О. А. Ворожцовой существуют: 1) когнитивная функция (которая представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической разновидностями); 2) коммуникативная; 3) прагматическая и 4) эстетическая (изобретательная и экспрессивная) [Ворожцова 2007]. М. В. Терских выделяет персуазивную, аттрактивную, игровую функции, а также делимитативную и имиджеобразующую функции [Терских 2003: 20—22].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Мохова Е. К., 2011

Сегодня политические лидеры используют прецедентные имена для придания дополнительной экспрессии и остроты речи, углубления содержания. Апеллирование к именам известных людей помогает найти путь к сердцу слушателя, завоевать его расположение и уважение. Существенное место в американском президентском дискурсе занимают ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов. Прецедентным именем для дискурса настоящего президента является имя Мартина Лютера Кинга. Барак Обама представляет М. Л. Кинга как борца за права афроамериканцев, человека, вселяющего надежду и смелость. Ср.: *And yet lead a nation he did. Through words Dr. King gave voice to the voiceless. Through deeds he gave courage to the faint of heart. 2. And before Dr. King had pointed us to the mountaintop, before he told us about his dream in front of the Lincoln Memorial, King came here, as a 27-year-old preacher, to speak on what he called «The Challenge of a New Age»* (Remarks by the President in Remembrance of Dr. Martin Luther King, Jr. 2010).

Для придания своим словам большей авторитетности президент опирается на Библию, оперируя ее сюжетами. Проводя параллель между выдающимися людьми и библейскими персонажами, оратор формирует в сознании ясную картину о характере и действиях человека. Сравнение Кинга с Моисеем подчеркивает избранность защитника афроамериканского населения, на которого возложена ответственность вести людей к свободе, также как пророк Моисей вел свой народ к незримой цели — к обетованному краю. Ср.: *Like Moses before him, he would never live to see the Promised Land. But from the mountain top, he pointed the way for us — a land no longer torn asunder with racial hatred and ethnic strife, a land that measured itself by how it treats the least of these, a land in which strength is defined not simply by the capacity to wage war but by the determination to forge peace — a land in which all of God's children might come together in a spirit of brotherhood* (Barack Obama, Martin Luther King Jr. National Memorial Groundbreaking 2006).

В дискурсе французского политического лидера Николя Саркози знаковой фигурой в истории страны является Жорж Помпиду. Президент полагает, что с именем и эпохой правления Помпиду во Франции связаны знаковые события модернизации: начало эры высокоскоростных поездов TGV, появление первых пассажирских самолетов «Эрбас», развитие ядерной энергетики. Эпоха Помпиду остается в памяти как «золотой век» экономического и промышленного развития Франции. Ср.: *L'action de Georges Pompidou au service de notre pays, comme principal collaborateur du Général de Gaulle, comme Premier Ministre, comme Président de la République, a marqué l'Histoire : il a enraciné dans notre tradition politique des institutions qu'on croyait*

seulement taillées à la mesure d'un homme d'exception ; donné à la France une force économique qu'elle n'avait jamais eue, incitant à la création de grands groupes industriels (Nicolas Sarkozy, Colloque célébrant le centenaire de la naissance de Georges Pompidou).

Жорж Помпиду является идеалом образцового политика, способного оценивать реальное положение вещей и принимать выгодные для страны решения. Ср.: *Georges Pompidou avait le talent de marier les contraires, non pas dans un esprit de compromis, mais dans un souci de réalisme. Il était ambitieux pour la France, mais à ses yeux cette ambition ne devait pas conduire à la démesure, à l'excès, à l'oubli des intérêts légitimes de chacun, mais prendre en compte de façon intelligente toutes les sensibilités. Vertu politique qui était la condition du succès* (Nicolas Sarkozy, Colloque célébrant le centenaire de la naissance de Georges Pompidou).

Действия Ж. Помпиду до сих пор откликаются эхом в будущем страны. Ср.: *Je l'ai souhaité, non seulement pour rendre hommage à son action mais pour dire, une nouvelle fois, combien la politique de Georges Pompidou fut moderne et combien elle fait encore aujourd'hui écho à notre propre avenir* (Nicolas Sarkozy, Colloque célébrant le centenaire de la naissance de Georges Pompidou).

Героем для народа Венесуэлы и идеалом для Уго Чавеса является Симон Боливар — знаменитый политический деятель, чье влияние и авторитет в первой половине XIX века заставили считаться с его мнением едва ли не полмира. С. Боливар возглавил борьбу за независимость испанских колоний Южной Америки. С. Боливар представляется как человек, который смог даровать людям свободу, воплотить их мечтания в жизнь. Ср.: *Ese Bolívar es el Bolívar que permite conectar al pueblo con el ideal político. Bolívar devenido en imaginario político es el **héroe salvador que le devuelve la soberanía popular, es el héroe que le da mercados a precios solidarios, es el héroe que le crea una universidad para todos, es el héroe que alimenta la esperanza del pobre y del que sufre*** (Hugo Chávez, Bolívar, Imaginario Social).

Духовный лидер Симон Боливар воспринимается как *отец* для своей родины и для народа Венесуэлы. Отец заботится о своих детях, работает не покладая рук для того, чтобы даровать им светлое будущее. Ср.: *Simon Bolívar, **padre de nuestra patria y guía de nuestra revolución**, juró no dar descanso a su brazo ni reposo a su alma hasta ver a la América libre* (Hugo Chávez en la 60ª Asamblea General de la ONU). 2. *Padre nuestro que estás en la tierra, en el agua, en el aire De toda nuestra extensa latitud silenciosa, todo lleva tu nombre, **padre en nuestra morada*** (Discurso completo del Presidente Hugo Chávez al inaugurar la Cumbre del G-15). В наследство своим детям *отец* оставил страну со всей ее красотой и богатством. Ср.: ...**tu**

herencia fueron ríos, llanuras, campanarios, tu herencia es el pan nuestro de cada día, padre (Discurso completo del Presidente Hugo Chávez al inaugurar la Cumbre del G-15).

Таким образом, авторитетность как коммуникативная категория реализуется в президентском дискурсе таких стран, как США, Франция, Венесуэла. Типология авторства в президентском дискурсе США, Франции и Венесуэлы обнаруживает много общих характеристик. В частности, ссылки на президентов-предшественников, других политических деятелей, людей науки, искусства, литературы присутствуют во всех исследованных лингвокультурах. В то же время национально-культурная специфика французского президентского дискурса заключается в преобладании ссылок на предыдущих президентов, внесших огромный вклад в развитие страны. Американские президенты часто прибегают к ссылкам на политических деятелей, отстаивавших человеческие права и идею «американской мечты». Латиноамериканские президенты провозглашают борцов за свободу, независимость своих стран, долго находящихся под давлением Запада.

Литература

Ворожцова, О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов (2003—2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Ворожцова. — Екатеринбург, 2007.

Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — М., 2003.

Ермолович, Д. И. Имена собственные: теория и практика межкультурной передачи / Д. И. Ермолович. — М., 2005.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — 4-е изд., стер. — М., 2004.

Костомаров, В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // *Язык как творчество*. — М., 1996.

Терских, М. В. Реклама как интертекстуальный феномен : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Терских. — Омск, 2003.

Хазагеров, Г. Г. Персоносфера русской культуры / Г. Г. Хазагеров // *Новый мир*. — 2002. — № 1.

ОВРУЦКИЙ Александр Владимирович

Ростов-на-Дону, Россия

КОММЕРЧЕСКИЙ БРЕНД КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Бренд рассматриваем как рекламный образ наивысшего уровня организации, ноуменальный феномен, знаковую систему с социальным содержанием. Такая знаковая система включает в себя три базовых элемента любого языка: синтаксис, семантику и прагматику.

Бренды активно вбирают в себя социальное содержание (гендер, возраст, социальные ценности, политические предпочтения и т. д.). Они активно артикулируют это социальное содержание, а их потребление формирует и поддерживает целостную социальную структуру мира, репрезентируемую посредством системы брендов.

Полагаем, что политическое позиционирование (политическая ориентация бренда) обусловлена механизмом политической коммодификации, трактуемым нами как системная конвергенция экономики и гражданского общества, а также роли потребителя и гражданской роли. Другими словами, потребление коммерческих брендов, имеющих выраженное политическое позиционирование, приобретает специфические черты. И. Шенхайт называет такое поведение политическими потребительскими практиками, и рассматривает их как процесс расширения политической активности на потребительскую сферу, когда частное потребление становится формой выражения общественно-политических предпочтений [Schoenheit I.]. Потребитель воспринимается в этом контексте как потребитель-гражданин, «политический потребитель», а «правильное» потребление в этом контексте может решить политические проблемы и даже спасти весь мир [Ibid].

Политизация потребления приводит к тому, что коммерческие бренды четко и более-менее однозначно простраиваются по политической шкале. К лингвистическим способам политического позиционирования относим нейминг, создание и частотное использование слоганов, экспликация политических ценностей в ОРТ (основной рекламный текст) и некоторые другие формально-содержательные характеристики рекламного текста. Использование политического позиционирования бренда стало сегодня универсальной маркетинговой технологией, вне зависимости от товарного сегмента объекта брендинга. Классический пример — это четкое позиционирование Пепси-Колы как бренда республиканцев, а Кока-Колы — «тонирующего олицетворения» демократической партии США. Отметим, что относительно недавно у американских гигантов появились два

«политических» конкурента — прохладительные напитки Месса-Cola (Франция) и Qibla-Cola (Пакистан). Они спозиционированны для исламской аудитории как «исламская мечта», «послание протеста против несправедливости» (по материалам интернет-сайтов компаний: <http://www.messa-cola.com/> и <http://www.qibla-cola.com/index2.asp>, от 02.09.08).

Яркая политическая и религиозная привязка этих брендов, представленная как в вербальном, так и в графическом плане бренда, по сути, переводит политическое противостояние в потребительскую сферу — вы потребляете исламскую Колу, значит, вы истинный мусульманин и помогаете «своим» (см. рис. 1.). Например, по заявлениям компании-производителя, 10 % стоимости напитка по исламским предписаниям жертвуется на борьбу палестинского народа за независимость.

Рис. 1. Рекламные образы брендов Месса-Cola и Qibla-Cola

Семантическая политизация современных коммерческих брендов обуславливает возникновение еще одного феномена — потребительского самоопределения. Под последним понимаем активный процесс рефлексии и потребительского выбора, исходя из собственных политических норм, ценностей, принципов. В анализируемых практиках, таким образом, можно выделить две тенденции: 1) бойкот потребления брендов, чье политическое содержание противоречит интересам и ценностям потребителя и 2) повышение лояльности к определенным маркам, исходя из их политического позиционирования. Широкую известность приобрели международные акции бойкота товаров из ЮАР как страны режима апартеида.

Таким образом, современный брендинг рассматриваем как маркетинговую технологию конструирования знаково-социальной системы, включающей синтаксис, прагматику и семантику. Бренд становится специфическим видом политического дискурса, который запускает

процессы политизации потребления и формирует феномен потребительского самоопределения.

Литература

Schoenheit, I. Politischer Konsum. Ein Beitrag zum faustischen Konsumentenverhalten // Jäckel, M. (Hrsg.). Ambivalenzen des Konsums und der werblichen Kommunikation. Verlag für Sozialwissenschaften. — Reihe: Konsumsoziologie und Massenkultur. — April 2007. — S. 211-235.

ПЕТРИКОВА Анна

г. Прешов, Словакия

СОДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА ВЕРА В РЕЛИГИОЗНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Социально-политические события в России, Европе XX — XXI вв., привели к тому, что область лингвистических исследований постепенно начала расширяться. В данной статье упомянем теолингвистику и политическую лингвистику, которые имеют много общего.

Теолингвистика является новой наукой, о которой начали говорить в конце XX века. В начале XXI века появились работы украинского лингвиста А.К. Гадомского, который считает, что «теолингвистика (от греч. theos — Бог и лат. lingua — язык) — это наука, vznikшая вследствие взаимодействия языка и религии и, исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» (Гадомский 2004, 166). В качестве предмета исследования теолингвистики ученый видит проявления религии, которые закрепились и отразились в языке, а также язык как форма религии, как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания.

Теолингвистика как наука имеет свою цель: изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке. В качестве выдвинутых задач для достижения поставленной цели А.К. Гадомский выделяет:

1. Выбор материала из соответствующих источников, текстов (в данном случае текст мы понимаем в широком смысле этого слова).
2. Дифференциация полученного материала.
3. Систематизация полученного материала.
4. Интеграция полученного материала.

Сторонники теолингвистики в объем предмета своей науки включают изучение языка богослужения и языка Священных книг.

Политическая лингвистика также является одной из новых учеб-

ных дисциплин, которая все еще формируется. Характер политической лингвистики как и теолингвистики определяет ее междисциплинарность. Политическая лингвистика изначально формировалась на стыке политологии и лингвистики, теолингвистика — на стыке теологии и языка.

Ученые по-разному определяют объем и содержание политической лингвистики. Так, например, В. Н. Базылев характеризует «политический подъязык власти <...> как особую подсистему национального языка, предназначенную в целом для политической коммуникации и в частности для реализации и пропаганды своих идей, информационного воздействия на членов социума (граждан)» (Базылев 2009). О воздействии можно также говорить в связи с религиозным дискурсом, когда на верующих оказывается речевое воздействие с целью повлиять на их поведение.

Е. И. Шейгал определяет язык политики как «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса», в которое входят «специализированные знаки — как вербальные (политические термины, антропонимы), так и невербальные (политические символы), а также неспециализированные знаки, изначально номинативно не ориентированные на данную сферу общения, однако, вследствие устойчивого функционирования в ней, приобретающий содержательную специфику» [Шейгал 2005: 22]. В религиозный дискурс крестьянства также входят знаки разного содержания, например можно выделить такие знаки:

- слуховые знаки, акустические (звучание колоколов);
- оптические знаки, визуальные, артефакты (жесты; одежда священников; храм, архитектурные элементы, богослужебные предметы);
- осязательные знаки (ароматические благовония);
- тактильные знаки (обряд *христосывания*; прикладывание к иконам, поцелуй икон);
- знаки-иконы (изображение Богородицы) ;
- знаки-символы (крест, буквы **MP ΘΥ** (METER THEOU) обозначающие *Богородица*; буквы **ΙΝΩΙ** = *Иисус Назорей Царь Израилев*; **ΙC ΧC** (ΙΗΣΟΥS ΧΡΙCΤΟC) означает *Иисус Христос*; **Ὁ ΘC** означает *Тот, который Есть*) ;
- поведенческие знаки;
- священник как знак.

В. И. Карасик характеризует политическую коммуникацию как статусно-ориентированное общение, при котором «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [Карасик 2000: 37]. В. И. Карасик [Карасик 2002] подразделяет участников институционального дискурса на агентов (те, кто играет

активную роль в институциональном общении) и клиентов (те, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института). По отношению к религиозному дискурсу агенты — это священнослужители, а клиенты — прихожане. Разница с политической сферой общения та, что к числу участников религиозного дискурса относится Бог, к которому верующие обращаются с молитвами, псалмами и т.д. и который выступает в качестве суперагента.

А. Н. Баранов в состав политической лингвистики включает «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средства выражения определенного смысла. Эти тенденции находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня» [Баранов 2001: 129—130].

Таким образом, ученые рассматривают пространство политического общения с разных точек зрения, при чем характеризуют объект политической лингвистики: политический язык в различных его проявлениях, а именно: политический текст, политическая речь. Политический текст так рассматривается с учетом социальной ситуации, в которой он был создан. Данный факт касается и религиозных текстов, например, проповеди создаются, произносятся в определенной ситуации по конкретному случаю, событию, церковному празднику. В ней священник, как и политик проявляет себя, свою личность, выбирает необходимые языковые средства для воздействия на слушателя. В последствии священник, политик влияет на общество, на формирование общественного мнения.

На наш взгляд при изучении политических, религиозных текстов эффективно использовать дискурсивный подход, ведь дискурс имеет свое место в системе категорий коммуникации прежде всего через «текст», «речь», т.е. созданием определенного коммуникативного пространства, где происходит коммуникативное событие, порождающее текст. Дискурс определяется социально-историческими и идеологическими факторами, обусловлен продуцирующим его социальным институтом. Политический, религиозный дискурс — это институциональный дискурс. Христианский дискурс культивирует христианские догмы и соответствующую им систему ценностей. По мнению В. Г. Токарева под влиянием данного религиозного дискурса сформировалась аксиология общенародной русской культуры. В религиозном дискурсе можно наблюдать многие базовые концепты русской культуры, которые имеют значение для концептосферы русской лингвокультурной общности. Мы рассмотрим культурный концепт *Вера*.

Вера, по словарю «*Krátky slovník slovenského jazyka*», обозначает: 1. *pevné presvedčenie o jestvovaní, o správnosti niečoho, verenie: viera v človeka, v spravodlivosť, vo vlastné schopnosti; viera v Boha;*

viera v lepšiu budúcnosť; 2. náb. presvedčenie; vierovyznanie: *kresťanská viera* (SLEX 99).

Толковый словарь В. И. Даля определил *веру* как:

- уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных;
- верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом;
- совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство.
- Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание;
- клятва, присяга. Слепая вера противна рассудку. Вера по убеждению, слияние разума с волей.

Концепт *Вера* — это центральный концепт христианского дискурса. Внутреннюю форму концепта *Вера*, также как и концепта *Слово*, составляет «круговорот общения двух субъектов» (Степанов 2004, 403).

В текстах Священного Писания есть много высказываний, в которых вербализуется концепт *Вера* — прежде всего через лексику *вера*:

...правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, (Рим. 3, 22);

Boh nám hovorí, že každý môže byť zbavený viny, ak verí v Krista. (List Rimanom 3, 22);

... человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа... (Гал.2,16);

ale ako kresťania vieme, že ospravedlnenie nedosahujeme plnením nariadení zákona, ale iba vierou v Ježiša Krista. Skutky podľa zákona nikoho pred Bohom neospravedlnia. (List Galat'anom 2, 16);

в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ через веру в Него. (Еф.3,12). (Preto teraz môžeme bez strachu a bez zábran pristupovať k Bohu vo viere v Ježiša Krista. (List Efezanom 3, 12).

В каждом примере концепт *Вера* имеет одинаковый признак, вера христоцентрическая.

Вера той или иной христианской конфессии имеет догматические особенности. Рассмотрим Никео-Константинопольский Символ веры, который употребляют греко-католики, и Церковнославянский Символ веры в православном вероучении. Основное отличие Никео-Константинопольского Символа веры, который употребляют греко-католики состоит в присутствии филиокве (лат. filioque — и Сына), которое приняла Римско-католическая церковь как прибавление к разделу Никео-Константинопольского Символа веры, касающемуся исхождения Святого Духа (Христианство. Энциклопедический словарь, 1995). Русская Православная церковь считает, что Дух Святой,

исходит только от Бога Отца «от начала мира вместе с Отцом и Сыном дает тварям бытие, жизнь и всем управляет. Он есть источник духовной благодатной жизни как для ангелов, так и для людей, и Духу Святому подобает слава и поклонение наравне с Отцом и Сыном. Дух Святой в Ветхом Завете говорил через пророков, потом, в начале Нового Завета, говорил через апостолов, а ныне действует в Христовой Церкви, наставляя в истине ее пастырей и православных христиан» (Александр (Милеант), еп. 1998).

Прецедентным текстом Символа веры является фрагмент из «Первого Послания коринфянам 15: 3-11):

Prvý list Korint'anom — kapitola 15	Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла / Глава 15
(3) <i>Odo vzdal som vám predovšetkým to, čo som aj ja prijal: že Kristus zomrel za naše hriechy podľa Písem, (4) že bol pochovaný a že bol tretieho dňa vzkriesený podľa Písem, (5) že sa zjavil Kéfasovi a potom Dvanástim.</i>	(3) <i>Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, (4) и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, (5) и что явился Кифе, потом двенадцати;</i>
(11) <i>Teda či už ja alebo oni takto hlásame a vy ste tak uverili. (12) Ak sa hlása, že Kristus bol vzkriesený z mŕtvych, akože niektorí z vás hovoria, že zmŕtvychstania niet?</i>	(11) <i>Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали. (12) Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?</i>

Для теиста это текст с определенной синтагмикой, не вызывающей ни малейшего сомнения. Его можно отнести к группе катехизисного жанра. Отношение между значимым (сигнификант или же сигнификат) и означаемым (сигнифиэ) является обязуемым, т.е. все те, которые относятся к данной языковой группе в коммуникации должны соблюдать заведенные языковые правила. Принадлежность к группе, принявшей Символ веры, значит жить в соответствии с ним.

Ядром концепта *Вера*, по словам Е. В. Бобыревой, в русском языке выступает значение — «твердое убеждение в существовании Бога». К числу периферийных компонентов можно отнести — «уверенность, убежденность в чем-либо». В широком смысле под верой имеется в виду все религиозное учение; в более узком — фундаментальное отношение человека к Богу (Бобырева 2007, 104).

Рассмотрим основные содержательные моменты концепта *Вера* в библейском дискурсе. *Вера* в Священном Писании понимается как

доверие кому-либо, убежденность в правильности какого-либо учения. *Вера* раскрывается в «Послании к Галатам», в котором Апостол Павел настаивает на том, что единственный путь к примирению с Богом — это вера в Иисуса Христа:

List Galat'anom — kapitola 3	Новый завет/ Послание к Галатам святого апостола Павла / Глава 3
(22) <i>Ale Písmo uzavrelo všetko pod hriech, aby veriaci dostali prislúbenie z viery v Ježiša Krista.</i> (23) <i>No kým neprišla viera, boli sme zajatci pod dozorom zákona pre tú vieru ktorá sa mala zjaviť.</i> (24) <i>A tak bol zákon naším vychovávateľom pre Krista, aby sme boli ospravedlnení z viery.</i> (25) <i>Ale keď prišla viera, už nepodliehame vychovávateľovi.</i> (26) <i>Veď skrze vieru v Kristovi Ježišovi ste všetci Božími synmi.</i>	(22) <i>но Писание всех заключило под грехом, дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа.</i> (23) <i>А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере.</i> (24) <i>Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою;</i> (25) <i>по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя.</i>(26) <i>Ибо все вы сыны Божию по вере во Христа Иисуса;</i>

Таким образом, концепт *Вера*, как один из центральных концептов в картине мира любого человека, в религиозном дискурсе семантически близок концепту *Слово-Бог*. Источником веры является сама жизнь христианина, его личная встреча со Христом в Духе Святом. Вера укрепляется посредством Священного Предания, так как Предание есть свидетельство Духа. Для православных как и греко-католиков, положения веры, которые утвердили Вселенские Соборы, являются обязательными и авторитетными. Следующим ключом для христианина является Священное Писание, молитвы к Богу, соблюдение Божьих заповедей.

Для политического дискурса концепт *Вера* достаточно актуален, в нем выражаются интенции дискурса об убеждении той или иной партии. В политическом дискурсе слово *вера* употребляется в значении уверенности в победу политического лидера, в убеждении правильности принципов партии и т.д. Коннотация лексемы *вера* не связана с духовностью, а с разумными и логическими аргументами, которыми политик убеждает реципиентов.

В статье под названием *Я верю в победу «Единой России»* на странице *Молодой Гвардии Единой России* (11 Января 2011 г.) председатель Высшего совета Партии Борис Грызлов заявил: *Думаю, что нашим избирателем является и тот, кто хочет стабильности, и тот, кто ждёт перемен. Мы умеем вырабатывать оптимальные решения, находить баланс в интересах разных социальных групп. Поэтому я*

верю в победу «Единой России» весной 2011 года». Акцентируя стабильность социального общества политик убеждает читателей, что партия победит в выборах, рассчитывая на тех: *кто хочет стабильности, и тот, кто ждёт перемен.*

С помощью данного концепта реализуется интенция политического дискурса о возможности доверия избирателей партии «Единая Россия».

Религиозный и политический дискурсы формируют ряд установок, направленных на ценностный статус конкретного понятия у носителей русского языка. По сравнению с религиозным дискурсом, интенции которого направлены на духовное и нравственное, интенции политического дискурса касаются практических целей, рекламы партии или политики, а также пропаганда политических идей.

Литература

Александр (Милеант), епископ: Основы Православной Веры. Миссионерский листок номер 2. Издательство храма Покрова Пресвятой Богородицы. Москва 1998. URL: <http://www.fatheralexander.org/booklets/russian/symvol.htm>

Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «Великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21).

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: УРСС Эдиториал, 2001.

Бобырева Е. В. : Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : моногр. — Волгоград: Изд.-во ВГПУ ; Перемена, 2007. — 375 с.

Гадомский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. № 49. Т. 1 Симферополь: ТНУ, 2004. С. 164—167.

Гадомский А. К. К проблеме определения теолингвистики // Учен. зап. ТНУ. Т. 17 (56). № 1: Филологические науки. — Симферополь: ТНУ, 2004. С. 63—69.

Грызлов, Б. Я верю в победу «Единой России». URL: http://www.molgvardia34.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=52:boris-gryzlov-ya-veryu-v-pobedu-ledinoj-rossiir&catid=67:edinaya-rossiya&Itemid=9.

Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37—64.

Карасик В. И.: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

Степанов Ю. Константы : словарь русской культуры. Изд. 2. — М.: Академический проект, 2004. — 991 с.

Токарев Г. В. Дискурсивные лики концепта : моногр.. — Тула : Изд-во Тул. ун-та, 2004.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1998. Т. 1.

Шейгал Е. И. Лингвокультурная специфика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2005.

SLEX 99. Lexikón slovenského jazyka. Krátky slovník slovenského jazyka. Synonymický slovník slovenčiny / Vedecký redaktor prof. PhDr. Ján Kačala, DrSc 1987-1997 Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV.

ПИМЕНОВА Марина Владимировна

Кемерово, Россия

КАТЕГОРИИ И ФОРМЫ ЯЗЫКА В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В теоретическом языкознании были выработаны достаточно полные и подробные описания языковых категорий, особенное внимание к ним отмечено, например, в структурализме. Для когнитивной лингвистики проблема категоризации ныне оказалась весьма актуальной. Память человека устроена так, что языковые элементы, хранящиеся в ней, определенным образом упорядочены, а основанием такого упорядочения выступают концептуальные признаки и языковые категории.

Концептуализация мира отображается в системе универсальных категорий, свойственных разным языкам. В каждом отдельном языке существует собственная система специфических категорий. Универсальные категории основаны на психофизиологическом способе восприятия мира, специфические — на субъективированном процессе наложения концептуальных структур на воспринимаемые фрагменты мира. Эти когнитивные процессы находят отражение в языковой форме, фиксирующей разную когнитивную категоризованность предметов и явлений или два типа знания: непосредственное (феноменологическое) и опосредованное (структурное). Основу феноменологического знания составляют предметы, события, явления, идентифицированные в определенной системе пространственных и временных координат, на которые проецируются все возможные между фрагментами мира виды отношений; в языке такие отношения фиксируются в предикатах. Субъект восприятия выступает точ-

кой отсчета, от которой выстраивается система пространственных отношений между воспринимаемыми фрагментами мира. Ориентированность на субъект восприятия как на точку отсчета свойственна таким грамматическим категориям, как лицо, таксис, вид, залог. Структурное знание есть форма категоризации информации, полученная и обработанная как обобщающий итог опыта поколений, поэтому для носителя языка оно является знанием, зафиксированным в языке в виде концептуальной системы.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Современные исследования языковой картины мира ведутся в двух направлениях. Первое: на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция общей системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. А. Маслова). С другой стороны, исследуются отдельные лингвоспецифичные концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (они дают «ключ» к пониманию ментальности, отображенной в «категориях и формах языка») и одновременно слова, их репрезентирующие, трудно переводятся или не переводятся вовсе на другие языки. Такие исследования можно встретить в работах А. Вежбицкой, В. В. Колесова, Е. А. Пименова, М. В. Пименовой, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой.

Многие явления мира описываются посредством метафор. Наиболее интересными представляются концептуальные метафоры, под которыми понимается способ думать об одной области через призму другой. Особый интерес наблюдается в отношении жанровой специфики проявления таких метафор (см. работы А. П. Чудинова и представителей Уральской метафорической школы). Обратимся в качестве примера к политическим метафорам в российских СМИ.

Традиционными считаются политические метафоры 'Россия — человек', 'Россия — живое существо', 'политика — вертикаль', 'политика — игра' (спортивная игра, театр, нововведения в эту метафорическую модель — 'политика — азартная (нечестная) игра на деньги', 'политика — коллективная спортивная игра', 'политика — игра в правовой процесс', 'политика — детская игра'), 'политика — война',

‘власть — механизм’, ‘страна/ государство — (многоэтажный) дом’ и ‘власть/ государство — (многоэтажный) дом’, ‘субъекты и объекты политики — продукты’, ‘политика — магия’, ‘Россия — бензоколонка’.

Новыми, получившими развитие только в последнее время, являются метафорические модели ‘Россия — пространство стихий’, ‘Россия — котел с едой’, ‘время России — прошлое’, ‘президент — учитель’ и ‘правительство — ученик’, ‘президент и правительство — психотерапевты’, ‘власть — раздающий еду человек’, ‘псевдокультура — кривое зеркало’, ‘псевдокультура — мусор’, ‘власть — демиург-селекционер’. Вновь возрожденными являются метафоры ‘Россия — город’, ‘власть — управляемая многими людьми машина/ локомотив/ мотор’, ‘власть — добыча’. Отмечены трансформированные метафоры ‘территория России — одежда’, ‘власть — наследство’.

Ментальность — вот что сегодня привлекает внимание не только политиков, обществоведов, культурологов, психологов, но и лингвистов. Для этого слова чрезвычайно сложно подобрать эквиваленты в других языках: ментальность — это особое свойство того, что называется духовностью русского народа и славян в целом. И чтобы объяснить другим это сложное понятие, нужно осознать все его стороны и разобраться для себя в его сути. Рассматривать ментальность необходимо, прежде всего, изнутри русской культуры.

Анализ языкового материала позволяет заглянуть глубже в недра национального сознания. Языковое поведение человека детерминировано знаниями, где знания включают в себя не только эмпирические сведения, общефоновые знания (знания о мире), но и культурные знания, в том числе языковые знания (знания о мире, как это запечатлено в языке), знания языка (языковой системы). Другими словами, знания бывают внеязыковыми и собственно языковыми, и изучение структур представления таких типов знания является ключевым вопросом когнитивной лингвистики.

ПЛАХОТНАЯ Юлия Ивановна

Челябинск, Россия

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Каждая область человеческой деятельности обладает собственным, характерным для нее дискурсом, который существует в форме бытового общения, научного рассуждения, художественного произведения или политической речи.

В процессе любого диалогического общения речевая коммуникация является двусторонней (участники беседы воздействуют друг на друга), а в диалогическом политическом дискурсе речевое воздействие коммуникантов является основной целью общения. Речевое воздействие может подразумеваться как изменение поведения реципиента, его эмоционального состояния, его знаний о мире, или его отношения к событиям. Речевое воздействие является средством достижения какой-то внеречевой задачи. Цель речевого воздействия понимается как определенная организация деятельности реципиента.

Акт речевого общения, направленный на достижение заранее запланированного эффекта, может быть определен как психологическое воздействие. Психологическое воздействие не есть пассивное восприятие реципиентом мнения говорящего и подчинение его воле. Оно предполагает сознательную оценку значимости мотивов и осознанный выбор из ряда возможностей. Речевое воздействие служит для осознания и ориентировки в ситуации. В соответствии с точкой зрения современной социологии речевое воздействие направлено на сдвиг в системе ценностей реципиента. Данный сдвиг осуществляется путем внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций.

Возможны различные формы, или способы, речевого воздействия — это воздействие через убеждение, которое предполагает изменение смыслового поля без изменения поля значений и воздействие через информирование: введение новых значений в смысловое поле реципиента, либо введение новой информации, способной изменить мнение реципиента об уже знакомых ему вещах.

Такое изменение смыслового поля реципиента называется моделированием смыслового поля, которое является необходимым компонентом речевого воздействия. Для того чтобы успешно осуществить речевое воздействие, участники политического дискурса должны представлять себе смысловое поле реципиента, характер и направление изменений в смысловом поле, которых необходимо добиться. При этом возможно моделировать не смысловое поле в целом, а небольшой его фрагмент.

Речевое воздействие в психологическом плане состоит в том, что говорящий кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде языкового (речевого) сообщения, а реципиент при восприятии этого сообщения, декодирует его и «извлекает» информацию, обуславливающую потенциальное изменение его деятельности. В процессе кодирования сообщения можно выделить два аспекта: это установка на адресата, и учет возможности нарушения коммуникации.

Составным и конструктивным моментом коммуникативной интеракции выступает фактор адресата, как один из центральных компо-

нентов в структуре политического дискурса. К числу составляющих целостного образа адресата и его личности относятся способность речевосприятия, психическое состояние, возраст, социальный статус, пол, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивная база, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и др. Поэтому говорящий формирует и использует слова с учетом того, как слушающий может их понять. Здесь возникает проблема смыслового восприятия как частный случай приема и переработки информации. Для решения этой проблемы должно учитываться ряд факторов — объективных, принадлежащих объекту восприятия, и субъективных, зависящих от субъекта восприятия. К объективным факторам относятся особенности самого речевого сообщения или текста: внешняя структура (вступление, основная часть, заключение), и внутренняя структура (зачин, кульминация, развязка). Субъективные факторы связаны с особенностями протекания процесса восприятия у реципиента и зависят от психологических особенностей данного индивида, его опыта и др.

В политическом дискурсе нередко присутствует однонаправленность речевого воздействия: реципиент речевого сообщения выполняет пассивную функцию, воспринимая воздействие со стороны говорящего.

Важным в политическом дискурсе является сначала, *что* сказать, а затем, *как* сказать; для политика приобретает первоочередной интерес не то, что реципиент *понял*, а *что* он понял и — далее — *как* понял.

Речевое воздействие может дополняться, или заменяться другими способами воздействия, например, мимикой лица, жестикуляцией и т. д.

Литература

Сидоров, Е. В. Онтология дискурса / О. В. Сидоров. — Изд. 2-е. — М. : Либроком, 2009. — 232 с.

ПОЛЮГОВА Елена Владиславовна

г. Нижний Тагил, Россия

**ГАЗОВЫЙ КОНФЛИКТ С РОССИЕЙ
ГЛАЗАМИ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ
И ЖУРНАЛИСТОВ В ИНТЕРНЕТ-СМИ**

Наиболее мощный и действенный фактор формирования общественного мнения о стране — средства массовой информации, с помощью которых ломаются устоявшиеся и создаются новые стереотипы, формируется имидж того или иного объекта. Интернет-издание, Интернет-СМИ — веб-сайт, ставящий своей задачей выполнять функцию средства массовой информации (СМИ) в сети Интернет. Можно смело утверждать, что информация в Интернет-СМИ более свежа. Следует отметить, что большинство интернет-СМИ ежедневно или даже непрерывно в течение дня обновляется. Благодаря своей оперативности интернет-СМИ часто используются обычными СМИ в качестве источников информации. Многие офлайн-газеты и журналы имеют в Интернете свои сайты-представительства, где выкладывают материалы своих выпусков, а иногда даже делают самостоятельные интернет-издания. Как показывают опросы, доверие интернет-читателей к информации, полученной из Интернета, выше, чем к другим информационным носителям [<http://your-hosting.ru/terms/ri/em/>].

Интернет с лингвистической точки зрения — это особая виртуальная коммуникативная среда, «особое место реализации языка, никогда ранее не существовавшее» [Компанцева 2004], выполняющее «когнитивную (инструмент приобретения знаний), тезаурусную (резервуар для накопления и хранения знаний), культуруобразующую (средство формирования новой глобальной информационной культуры и ее отдельных субкультур) и эстетическую (в «низком» смысле — средство развлечения и в «высоком» смысле — среда реализации художественно-творческого потенциала) функции» [Иванов 2000]. Осуществление регуляции речевого и неречевого поведения реципиентов посредством информирования превращает Интернет-дискурс в мощный инструмент управления аудиторией, где информирование находится в функциональном единстве с воздействием и побуждением к действию [Варламова 2006].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Полюгова Е. В., 2011

На сегодняшний момент самое большое количество новостей в Интернет-изданиях посвящено газовому конфликту России и Украины. Стоит отметить, что на протяжении 90-х годов российско-украинские отношения отличались высокой конфликтностью, а в новом тысячелетии они приобрели кризисную остроту. В настоящее время между Россией и Украиной идет работа по восстановлению нормальных связей и серьезного сотрудничества.

Нами были проанализированы публикации в таких Интернет-СМИ Украины, как «Корреспондент. net» (www.korrespondent.net), «СЕГОДНЯ. ua» (www.segodnya.ua), «ФОКУС.ua» (www.focus.ua), «Комсомольская правда в Украине» (www.kp.ua), «Новости РБК-Украина» (www.rbc.ua), «ЦЕНЗОР.НЕТ» (www.censor.net.ua) за период с апреля 2011 года по сентябрь 2011 г.; их общее число составило 96 текстов, посвященных газовому конфликту России и Украины.

Содержательный анализ текстов позволил выделить несколько ключевых тезисов, транслируемых украинскими Интернет-СМИ:

1 тезис: *«Украина сокращает потребление российского газа»:* *«По заявлениям министра топлива и энергетики Украины Юрия Бойко, Украина ежегодно на 15-20% сокращает потребление российского газа. Только за прошедший год мы стали потреблять газа уже на 10 млрд. кубометров меньше, и сегодня закупаем 54 млрд. Такая тенденция сохранится до 2017 года. В 2017 году предположительно мы будем закупать в России 12 млрд. кубометров голубого топлива. Известный специалист по газовым вопросам, глава компании «Надрагеоцентр» Александр Онищенко сказал, что основой этих тенденций является новая национальная прагматичная политика объявленная Президентом Виктором Януковичем...»* [<http://kp.ua/daily/060911/299581.6.09.2011>].

2 тезис: «Украине придется выбирать между Таможенным союзом и Зоной свободной торговли»: *«...Так что тут надо смотреть и с точки зрения и экономической, и политической. Конечно, выбор «Европейский Союз» я не отрицаю. Он обязательно должен быть для нас приоритетом, но в Европу мы должны идти не с протянутой рукой», — подчеркнул экс-президент Украины... Нам нужно очень серьезно подумать, прежде чем делать выбор. Сегодня нам не удастся балансировать между молотом и наковальней, как это было при мне. (Леонид Кучма занимал пост главы государства с 1994 по 2005 гг. — ред.). Россия сегодня так накачала «мышцы», что является серьезным игроком международного уровня и глобальные проблемы не решаются без участия РФ* [<http://censor.net.ua/news/14.04.2011>].

3 тезис: «Президент: Украина будет решать газовый конфликт с Россией в суде только в крайнем случае»: *«Обращение в международные судебные инстанции является крайним шагом, к которому может прибегнуть Украины при решении вопроса пересмотра газо-*

вых контрактов с Россией. Об этом заявил Президент Украины Виктор Янукович в Душанбе, передает пресс-служба главы государства... Янукович напомнил, что существует две главных составляющих в вопросе пересмотра газовых контрактов. Прежде всего, речь идет о том, что соответствующее соглашение было подписано хозяйствующими субъектами Украины и России без учета существующих между двумя странами соглашений. «А точнее — с нарушением этих соглашений», — подчеркнул Президент.

«Но если Россия с этим не согласится, безусловно, мы будем вынуждены тогда идти в международный суд. Однако, я надеюсь, у нас хватит мудрости найти общее решение — без суда. Я рассматриваю суд уже как последнюю инстанцию, когда будут исчерпаны в ходе переговоров все наши возможности», — сказал Президент Украины.

Второй составляющей, которая должна учитываться в вопросе пересмотра газовых контрактов, глава государства назвал тот факт, что «Нафтогаз Украины» заключал сделку без утвержденных правилством полномочий. Правомерность действий в этом вопросе лично Юлии Тимошенко оценит суд, подчеркнул Янукович. «На этот вопрос, я надеюсь, мы получим ответ очень скоро», — добавил он.

Президент подчеркнул, что Украина не будет воспринимать давления в ходе переговоров. «Наша позиция принципиальная, и любое давление в этих вопросах для нас унизителен. Мы не позволим, чтобы с нами так говорили... сначала загнали нас в угол — потом начали диктовать условия. Это унижает сегодня не меня лично — это унижает государство, и я не могу этого допустить»...» [<http://www.rbc.ua>, 3.09.2011].

4 тезис: «Росія не має наміру втручатися в плани Києва щодо реформування «Нафтогазу», але вважає, що у компанії повинен залишитися правонаступник за діючими міжнародними угодами» (Россия не имеет намерения вмешиваться в планы Киева касательно реформирования Нефтогаза, однако считает, что в компании должен остаться правопреемник с действующими международными договорами): «Одночасно прес-секретар глави російського уряду зазначив, що «зараз можна сказати одне: ми, звичайно ж, не можемо втручатися в плани Україна з реформування форми існування або юридичного статусу будь-якої української компанії, в тому числі «Нафтогазу». Між тим, підкреслив Песков, у цій ситуації є одне «але»: російська сторона буде дотримуватися такої позиції «до тих пір, поки ця реорганізація не буде зачіпати міжнародні зобов'язання України. У Москві, за словами Пескова, виходять з того, що «при будь-якій реорганізації — юридичного або іншого характеру — у компанії повинен залишитися правонаступник, якому мають бути передані права та обов'язки за існуючим міжнародним угодам» [<http://news.finance.ua>, 3.09.2011].

Журналисты и политические деятели Украины используют сильные эмоционально воздействующие средства влияния на адресата речи — сравнения, окказионализмы, экспрессивно-оценочную лексику, с помощью которых создают яркие образы российских и украинских политических лидеров.

Сейчас вряд ли кто-то может предсказать, каким образом ситуация будет развиваться в ближайшее время. Стоит отметить, что России трудно поверить и в то, что Украина действительно откажется от обязательств «Нафтагаза», ликвидировав компанию. Ведь такой исход может ударить по европейским потребителям, со всеми вытекающими для Украины последствиями. Также в Интернет-СМИ можно встретить мнения украинских политиков и журналистов, считающие, что Россия выступила в защиту Юлии Тимошенко, заявив, что контракты были составлены согласно украинскому, российскому и международному праву; польская газовая монополия PGNiG намерена подать иск в арбитражный суд на ОАО «Газпром» из-за слишком высоких цен на поставляемый в Польшу газ.

Литература

Варламова, Е. В. Особенности германского леворадикального интернет-дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Варламова. — М., 2006. — 26 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.mgpu.ru/materials/.../Автореферат_Варламовой_Е_В.pdf.

ПОЛЯКОВА Ирина Сергеевна

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США И РОССИИ

Наше исследование посвящено комплексному анализу прецедентных имен (ПИ), отобранных методом сплошной выборки из выступлений Кондолизы Райс и Ирины Хакамады. Интерес к ПИ обусловлен тем, что они «в большей степени, чем остальные ПФ определяют шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества, формируют набор «героев» и «злодеев»». [Гудков 1999: 80].

ПИ — это особая группа индивидуальных имен собственных, инвариант восприятия которого закреплен в сознании представителей национального лингвокультурного сообщества. Как справедливо отметила Е.А. Нахимова «в качестве существенных признаков пре-

цедентности имен собственных следует рассматривать следующие критерии: (1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в тексте [Кушнерук 2004], (2) регулярность неденотативного (коннотативного, метафорического, образного) использования того или иного имени в функции культурного знака. [Нахимова 2011: 56-57]. В нашем исследовании именно эти критерии послужили основой для определения прецедентности имени.

Особенность языка политики в настоящее время состоит в том, что средой его существования является массовая информация, и в силу ориентации политического общения на массового адресата, этот язык лишен корпоративности [Карасик 2004: 234]. Политики все реже общаются с населением напрямую, выступая в залах и на площадях, и все чаще делают это через СМИ [Шейгал 2000: 25]. Таким образом, границы политического дискурса становятся размытыми, его масс-медийный и институциональный вариант сливаются. Под институциональным политическим дискурсом мы понимаем статусно-ориентированное общение в сфере политики, иными словами сюда относятся такие жанры как публичное выступление политика, политический документ (указ, закон), теледебаты с участием нескольких политиков, интервью с политиком.

Анализ корпуса ПИ в американском и российском институциональном политическом дискурсе выявил значительные отличия. В дискурсе американского политика было выделено 5 национальных источников ПИ: «Азия», «Международные», «Америка», «Европа», «Африка». Наиболее актуальными являются азиатские ПИ (45 %), входящие в сферы-источники «Политика», «Война», «Терроризм». К. Райс часто говорит о лидерах азиатских государств: *Саддаме Хусейне, Махмуде Аббасе, Ариеле Шароне, Ясере Арафате*, апеллирует к прецедентным топонимам *Афганистан, Ирак, Ближний Восток, Палестина, Сектор Газа и Ливан*. Именно в этом регионе проводятся военные действия с участием американских солдат, что вызывает неоднозначную реакцию американских граждан и требует от политика разъяснения ситуации. Стремление к устранению культурно-этнических барьеров проявляется в разных сферах государственной деятельности, включая и политический дискурс. Доля международных ПИ в речи американского политика составила 25,2 %. ПИ с национальным источником «Америка» насчитывают 21,9 %, такая высокая частотность говорит о том, что политик считает, что отечественная культура является хорошо знакомой американцам, поэтому апелляция к культурным символам найдет отклик у адресата. ПИ, имеющие европейские корни зафиксированы лишь в 6,8 % контекстов, основной интерес американский политик уделяет конфликту в *Косово* и на *Балканах*. Наименее востребованными являются ПИ африканского происхождения (1,1 %).

В дискурсе российского политика было выделено 4 национальных источника ПИ: «Европа» (80 %), «Международные» (7,4 %), «Азия» (6,6 %), «Америка» (6 %). Основным источником прецедентности для российского политика стала отечественная культура, так как, используя ПИ, прочно вошедшие в сознание соотечественников и имеющих одинаковые коннотации для всех представителей нации, политик избегает риска быть неверно понятым. И. Хакамада достаточно часто упоминает ПИ, принадлежащие культуре и политике западной Европы: Великобритании, Франции, Германии. Такая частотность употребления западноевропейских ПИ указывает, во-первых, на то, что российская культура тесно взаимодействует с европейской, россияне прекрасно знают историю не только своей страны, но и стран, расположенных по соседству, а политический курс РФ во многом ориентирован на европейский. «Международные» ПИ занимают второе место по числу обращений. Такие ПИ встречаются в сфере-источнике «Политика», «Экономика» и «Война», что говорит о стремлении к сотрудничеству между странами, о попытках совместного противостояния агрессии. Значительное количество азиатских ПИ (6,6 %) в дискурсе российского политика объясняется тем, что в последние десятилетия этот регион охвачен непрекращающимися военными конфликтами, начиная с арабо-израильского конфликта начала XX века и заканчивая войной в Персидском заливе, вторжением США в Ирак, угрозы Ирану со стороны США. Россия, стараясь сохранять нейтралитет, не может не реагировать на обострение ситуации на Востоке. Политическая и культурная жизнь Америки является источником 6 % ПИ, зафиксированных в дискурсе И. Хакамады. Большинство из них принадлежит сферам «Политика», «Терроризм», «Кинематограф» и «Экономика».

Национальная сфера-источник ПИ	Американский ИПД, %	Российский ИПД, %
Азия	45	6,6
Международные	25,2	7,4
Америка	21,9	6
Европа	6,8	80
Африка	1,1	—
Всего	100	100

Итак, выявление национального источника ПИ показало, что политический курс США подвержен влиянию со стороны стран Ближнего Востока, но в то же время американская культура является чрезвычайно значимой для граждан США. Российский политик предпочитает апеллировать к ПИ отечественного происхождения, которые, по его мнению, являются наиболее выразительными, авторитетными и доказательными.

Литература

Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков ; МГУ. — М., 1999. — 152с.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390с.

Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Е. А. Нахимова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011. — 276 с.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: моногр. / Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград : Перемена, 2000. — 368 с.

ПОЛЯКОВА Лилия Сергеевна

Магнитогорск, Россия

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТРАТЕГИЙ НА АУДИТОРИЮ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ)

Тенденции современной политической лингвистики носят прикладной характер, в частности, последнее время активно разрабатываются экспериментальные исследования, в т. ч. в русле гендерной лингвистики. С нашей точки зрения, политический дискурс особенно интересен реализацией коммуникативных приемов и стратегий, т.к. основная задача политического коммуникации — достижение агитационно-пропагандистских целей, завоевание аудитории. Мы обозначаем специальные языковые средства манипулирования общественным сознанием *гендерными стратегиями* — это спланированная цель воздействия на мужскую/женскую аудитории, направлена на создание или коррекцию речевого поведения политика. Гендерная стратегия, в свою очередь, реализуется при помощи *гендерных тактик* — это гендерно-окрашенный языковой прием, осуществляются на уровне отбора языковых средств, направленных на достижение стратегических целей и задач.

С целью проверки воздействия гендерных стратегий на русскоязычную аудиторию нами был проведен социолингвистический эксперимент при помощи метода анкетирования и фокус-групп. Всего в экспе-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Полякова Л. С., 2011

рименте было задействовано 300 человек разных возрастов и социальных групп.

Для проведения исследования нами были отобраны выступления следующих российских политиков: В. Путина, В. Матвиенко, И. Хакамады, В. Жириновского, Г. Зюганова, Э. Панфиловой. Участникам эксперимента было предложено оценить отрывки из выступлений политиков по степени эффективности воздействия на аудиторию, причем для чистоты эксперимента мы не сообщали авторов выступлений, т. е. фамилий политиков. Кроме того, реципиентам было предложено выбрать в политических текстах ключевые обороты, фразы, на которые они обратили основное внимание. Как правило, отмечались такие лингвистические средства, как гендерные метафоры, стереотипы, речевые клише, т. е. различные средства реализации гендерных стратегий и тактик. При соотнесении результатов данной части исследования с первым опросом, получилось, что взгляды испытуемых не были всегда идентичны. Так, мнение опрошенных полностью совпало в отношении В. В. Путина и Г. А. Зюганова, но было прямо противоположно в отношении Э. Панфиловой и В. Матвиенко. Высказывание В. В. Жириновского получило значительно большую степень доверия, чем речь И. Хакамады, в то время как на первом этапе эксперимента данного политика оценили достаточно низко.

В ходе данного исследования мы также ставили цель рассмотреть, как распределяется степень доверия к политикам в зависимости от пола реципиентов, в результате, мы определили, что в восприятии у мужчин и женщин существуют определенные различия. Так, отметили тенденцию, что мужчины отдавали больше голосов (баллов) тем политическим выступлениям, в которых были использованы стратегии, направленные на мужскую аудиторию, а женщины оказывали доверие тем выступлениям, в которых использовались стратегии, направленные на женскую аудиторию, реализующиеся, например, включением гендерно-окрашенных стереотипов, гендерных метафор. При этом, отрывки из выступлений, которые не содержали явного воздействия на конкретную аудиторию (выступления И. Хакамады и В. Жириновского) получили примерно равнозначную оценку и у мужчин, и у женщин. Таким образом, мы пришли к выводу, что формирование степени доверия у аудитории к тому или иному высказыванию или политическому выступлению в целом во многом зависит от наличия или отсутствия в тексте гендерных стратегий.

Не менее интересными были и результаты социолингвистического исследования на основе методики фокус-групп. Для осуществления цели эксперимента участникам было предложено проанализировать по несколько выступлений каждого политика, причем заранее нами были отобраны отрывки текстов содержащих гендерные стра-

тегии и без них соответственно. Нами была выявлена следующая закономерность - при обсуждении текста без гендерных стратегий, участники анализировали мысль или идею вне контекста, т. е. идею саму по себе. Очень редко оценка, данная респондентами, проецировалась на самого политика, но в тех случаях, когда она была дана, была исключительно отрицательной: «такое мог сказать только очень жестокий человек», «он нас всех поубивает», «я никогда бы не проголосовала за этого человека», «все правильно говорит, только не добьется ничего». Переносом мнения о высказывании на самого политика (хотя никто не знал точно автора обсуждаемого текста) занимались преимущественно женщины. Мужчины были склонны высказываться только о том, что обсуждали. Наибольшее расхождение в оценке основной мысли и самого высказывания показали участники старше 45 лет. Их больше, чем молодых, отталкивали резкие или с агрессивной семантикой тексты. Особенно остро участники этой группы реагировали на несоответствие высказывания с их представлениями или стереотипами, в то же время, они положительно оценивали высказывания, совпадавшие с их суждениями или ожиданиями. Почти все женщины ожидали от речей политиков оптимистического настроения, хороших предсказаний, надежд, мужчины были более склонны соглашаться с критическими высказываниями. В целом, результаты обсуждения текстов без гендерных стратегий показали, что они воспринимаются достаточно критично, соотносятся с политическими пристрастиями и представлениями об идеальной речи политика.

Таким образом, экспериментальным путем нами получены доказательства воздействия гендерных стратегий и тактик в выступлениях политиков на аудиторию и различное их восприятие в зависимости от пола.

ПОПОВА Ольга Ивановна

г. Екатеринбург, Россия

ИМИДЖЕВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАТЕКСТ

Имидж как феномен публичности имеет ряд характеристик:

- тотальность смыслового содержания, взаимосвязанность с другими образованиями, наличествующими в «массовом сознании»;
- тенденцию к глобализации, т.е. требование чтобы он соотносил человека с более широким кругом идей;
- «обкатка» имиджа происходит в процессе коммуникации;

- статичность, приблизительность предполагаемого эффекта при конструировании, что связано со спецификой массовых явлений, их изменчивость и случайность;
- активность имиджевых образов, тиражируемых средствами массовой информации;
- искусственный характер имиджа.

Таким образом, в «имиджевой ситуации» взаимодействие публичности и средств массовой информации должно выглядеть следующим образом:

1. Имидж сразу должен быть нацелен на достижение конечного результата: вызвать у отдельного человека сформированное представление, способное нести эмоциональную нагрузку, позволяющее человеку сразу дать оценку и быть готовым совершить определенное действие.

2. Промежуточная ступень между непосредственным контактом со СМИ и выполнением определенного действия человеком должна быть сведена к минимуму.

3. Активность СМИ направлена на выявление и расчет тех рациональных предпосылок поведения аудитории, о которых говорит Джеймс Брайс [Брайс 1890].

Политический текст в нашем понимании — это текст, в котором речь идет об актуальных политических проблемах и который обращен к массовой аудитории.

Политические проблемы, которые необходимо освещать, непосредственно касаются:

1. Распределения и перераспределения властных полномочий, завоевания политической власти.
2. Политического устройства общества, структуры власти.
3. Политического управления обществом.

Это значит, что все тексты, которые могут оказывать влияние на повышение рейтинга, авторитета одних политиков и / или дискредитировать других; все тексты, где речь идет о борьбе за власть; все тексты, которые могут повлиять на эту борьбу, — все будут политическими текстами.

Актуальными, по мнению К. В. Киуру [Киуру 2007], считаются такие политические темы, проблемы, поднятые в текстах, которые актуальны для современной политической жизни. Текст становится политическим, если его таковым считает политическая аудитория.

Под имиджевым политическим медиатекстом мы будем понимать текст, инициированный субъектом политической деятельности (политическим лидером, партией), функционирующий в пространстве публичных политических коммуникаций, в котором речь идет об актуальных политических проблемах, служащий целям формирования, поддержания и коррекции позитивного имиджа субъекта, об-

ращенный к потенциально массовой аудитории и распространяемый через средства массовой информации.

Имиджевый политический медиатекст обусловлен спецификой российской политической культуры и информирует общественность о позитивном опыте субъекта политической деятельности, его заслугах; о предстоящих событиях или подробностях произошедшего новостного события; разъясняет общественности позиции или точки зрения субъекта политики. Через информирование создается позитивное суждение представителей целевой аудитории о субъекте политической деятельности или формируется мотивация к действию (например, голосование за определенного кандидата или партию).

В политическом имиджевом медиатексте обязательно номинируется предмет текста, указываются его выигрышные характеристики, и планируется позитивная ответная реакция.

Имиджевый политический медиатекст в качестве основных предполагает следующие социально-детерминированные факторы, на которые указывает А. Д. Кривоносов: социальная значимость объекта описания, достоверность информации, ее доступность. Адресность информации, заложенной в имиджевом медиатексте, определяется форматом издания (Кривоносов, 2002).

Литература

Брайс, Д. Американская республика : в 3 ч. / Д. Брайс. — М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1890. — Ч. 3 — 554 с.

Киуру, К. В. Имиджевый политический медиатекст: система жанров и дискурсный анализ. — СПб. : Роза мира, 2007. — 260 с.

Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. — 254 с.

ПОЦЕЛУЕВ Сергей Петрович

Ростов-на-Дону, Россия

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВОКРУГ «ПРИЧЕРНОМОРСКОГО ДИАЛОГА»: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Предметом нашего исследования выступает «Черноморский диалог» как концептуальный фрейм, представленный в ряде информационно-аналитических ресурсов. Тексты для анализа были выбраны по двум основным критериям: 1) наличие «диалога» в качестве одного из ключевых концептов; 2) отражение в концепте «диалог» ключевых для региона идейно-политических позиций.

В центре нашего внимания — основная когнитивная стратегия участников обсуждения «Черноморского диалога», состоящая в продвижении желательных (и в блокировании нежелательных) для них выводов относительно данного феномена. Конкретнее, эту стратегию мы представляем, вслед за Т. Ван Дейком, как единство трех субстратегий: 1) создание негативных концептов, моделей, умозаключений относительно чуждых говорящему акторов; 2) производство положительных умозаключений относительно говорящего; 3) выработка — на основе этих двух стратегий — аргументативных последовательностей, делающих оценки достоверными и социально приемлемыми. [Ван Дейк 1989: 296—297].

В нашем случае типичной оказывается зеркальная оппозиция следующих аргументативных конструкций:

- Внутренние противоречия в Черноморском регионе столь велики, что без внешней доминирующей силы диалог здесь невозможен, и такой силой могут быть США и Евросоюз, несущие демократию как естественную основу любого политического диалога, тогда как позиция России — авторитарна и деструктивна, а Турция — своенравный и ненадежный партнер, сотрудничающий с Россией. [Кулик 2010].

- Диалог в Черноморском регионе возможен только на основе союза между Россией и Турцией — подобно тому, как франко-германское сотрудничество служит несущей опорой Евросоюза. Русско-турецкое взаимодействие воплощает дух евразийства как единственно приемлемой идеологии Черноморского диалога, что предполагает ограничение идейного и политического влияния со стороны внешних региону и своекорыстных глобальных игроков — США и Евросоюза. [Кустарев 2008].

Однако аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога» представлены не только указанной геополитической оппозицией, но также конструкциями, относящимися к сфере отношений между культурами (религиями, цивилизациями) ^[1].

Важнейшим элементом упомянутой триединой когнитивной стратегии, управляющей суждениями о «Черноморском диалоге», выступает идеологическая легитимация квазиэкспертных оценок данного феномена. Причем реализация данной стратегии на уровне речевой семантики может сопровождаться риском слишком откровенного обнажения идеологических установок, из-за чего последние выражаются через пресуппозиции и импликации. Прежде всего это касается несовместимости диалога как дискурсивной практики с идеей политического или идеологического доминирования ^[2].

В этой связи мы ставим вопрос о том, в какой мере авторы преодолевают указанную триединую стратегию с учетом фреймов «политический диалог» и «диалог». Анализ показывает, что даже самые

ярые сторонники «Черноморского диалога» не идут дальше семантической стратегии «уступок» при реализации обозначенной когнитивной стратегии и фактически воспроизводят ходы, характерные для «предубежденной речи». [Ван Дейк 1989: 293].

Тем самым дискурс о диалоге парадоксальным образом выступает дискурсом политического исключения, а не вовлечения, а сам концепт диалога редуцируется до расплывчатого термина, собирающего все значения, не подпадающие под открытую конфронтацию. Диалогическую риторику и обилие организаций с термином «диалог» в Черноморском регионе следует понимать как индекс «змеино-го клубка интересов» и своеобразную когнитивную карту актуальных и потенциальных политических конфликтов.

Литература

Горбунов, О. Россия и Украина: исламский диалог // ПОЛИТКОМ.RU. 23.11.2010. URL: <http://www.politcom.ru/11074.html> (дата обращения: 13.05.2011).

Дейк, Ван Т. А.. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989.

Кулик, С. Черноморский диалог — возможен ли он? // Чорноморська безпека. — 2010. — № 2 (16). — URL: <http://nomos.com.ua/content/view/320/69/> (дата обращения: 12.06.2011).

Кустарев, А. Альтернативная Европа // Диалог.UA. 14.01.2008. — URL: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=11869 (дата обращения: 7.06.2011).

Лупаций, В. Крым должен стать провайдером интересов всего Причерноморского региона Украины // Диалог.UA. 18.03.2011. — URL: http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=21748.

Маркедонов, С.М. Донское казачество. Феномен межкультурного диалога / С. М. Маркедонов // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 186—190.

Фролов, К. «Третий Рим». Суверенная модернизация / К. Фролов, К. Логинов // Всеукраинское общественное объединение «Единое отечество. 30.10.2010. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/201010/3012.htm>.

Примечания

[1]. Примеры: 1) Русская Православная Церковь становится проводником межэлитного, политического, культурного и межрелигиозного диалога с «консервативной Европой», направленного против общего врага — «секулярно-либерального и исламского проекта» [Фролов, Логинов 2010]. 2) Организация межконфессионального диалога (между православными и мусульманами) есть новое

стратегическое направление для сотрудничества России и Украины. [Горбунов 2010]. 3) «Донское казачество на всем протяжении своей истории, претерпевая значительные изменения в социально-экономической и политической сферах <...>, оставалось группой междивизационного диалога». [Маркедонов 1997: 189].

[2]. Отсюда использование таких двусмысленных концептов, как «паритетный диалог» [Кустарев 2008], «диалог по борьбе с общим противником» [Фролов, Логинов 2010], диалог в роли «цивилизационного барьера» [Кулик 2010] и т. п.

ПУЗЫРЕНКО Ярина Васильевна

г. Киев, Украина

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

Политическую корректность в самых общих чертах можно определить как словоупотребление, отвечающее идеологии общества, исключающее пренебрежение или оскорбление тех или иных социальных групп, национальных меньшинств и т. п. Дефиниции политкорректности рассматривает, в частности, Е. Завадская [Завадская 2010].

В последнее время обращение внимание на политкорректность стало, можно сказать, некой модной тенденцией в общественной коммуникации и даже инструментом политической борьбы. И конечно же проблемы политкорректности привлекают интерес не только лингвистов, но и специалистов в области других социально-гуманитарных наук [см., напр., Колтунов 2005].

В связи с прослеживающейся гипертрофией ценностей толерантности в Западных странах политическую корректность можно считать неким флагом в руках особо озабоченных. С юмором, например, трактуют употребление некорректных названий национальностей авторы французского художественного фильма «Такси». Вызывающий симпатии зрителей комиссар полиции Жебер, который не испытывает неприязни к японцам, использует «непочтительное» слово *япошка*, попадая в комические ситуации. Но проблема уничижительных названий и соответственно неадекватного отношения к представителям различных национальностей и социальных групп намного серьезнее и выходит далеко за рамки бытового взаимодействия.

Примером этого может быть сравнительно недавнее изъятие из официального обихода в Украине традиционного украинского этнонима *цигани* и замещение его самоназванием *рома*. Это объясняется тем, что в последнее время цыгане ассоциируются с воровством, мошенничеством, обманом. Яркой иллюстрацией являются слова из интермедии на студенческом концерте в одном из киевских университетов: «Наши спонсоры цыгане. Цыгане обокрали деканат» (запись 2010 г.).

Такие этнические стереотипы мешают социальной адаптации лиц ромской национальности, в частности работодатели относятся к ним, как и к бывшим осужденным с вытекающими отсюда последствиями.

Но также недопустимо слепо копировать западный опыт в борьбе за политкорректность. Так, на одной школе-семинаре по гендерной проблематике, финансируемой американскими организациями, тренеры говорили о недопустимости употребления в украинском и русском языках слова «негр», а рекомендовали вместо него использовать слово «афроамериканец». Но это требование нельзя считать адекватным, ведь в наших странах представители негроидной расы могут происходить из разных континентов и стран. Тем более, что слово «негр» не имеет никакой негативной коннотации, в отличие от слова «нигер», вошедшего в наши языки в конце 90-х гг. прошлого века из американских фильмов. Поэтому совершенно оправданным является использование в русском переводе именно исходного названия популярнейшего произведения Агаты Кристи «Десять негритят» («*Ten Little Niggers*»), под которым оно было впервые опубликовано в 1939 г., а не появившегося во втором и последующих изданиях более политкорректного «*And Then There Were None*» («...И никого не стало»). Проблема этнических наименований в свете политкорректности в США рассматривается, например, в работах [Панин 2004; Аксютіна 2009].

Другой стороной очерченной выше проблемы является закрепление за нейтральными этнонимами пейоративного значения. Вспомним, к примеру, чукчу или молдаванина из советских анекдотов. Значительный общественный резонанс вызвал казус с Виктором Ющенко в бытность его президенства. 14 Апреля 2009 года во время проведения совещания по сельскохозяйственным проблемам Ющенко попросил техперсонал отрегулировать изображение на экране видеопроектора. Когда техник, вместо того, чтобы настроить проектор, передвинул на несколько сантиметров экран, Ющенко обратился к нему со словами: «Вы как молдаванин». И хотя даже на бытовом уровне воспитанный человек не позволит себе использовать этноним для негативной характеристики кого-либо, тем более это недопустимо в публичных выступлениях. Поняв, что высказался не-

корректно, президент уточнил, что слова не относятся к народу соседнего государства. Но, как говорится, слово не воробей... Этот вопиющий случай должен стать уроком для всех, и особенно публичных людей. В этой связи актуализируются вопросы не столько толерантного отношения к другим, особенно соседним народам, сколько культуры общения вообще и соблюдения этикетных требований. Ющенко как человек фактически продемонстрировал свой низкий культурный уровень, а как президент — плачевное состояние культуры в Украине.

С политкорректностью тесно связано употребление эвфемизмов, на что обращали внимание многие исследователи, например В. Панин [Панин 2004], который выделил, в частности эвфемизмы, включающие возрастную дискриминацию. Можно сказать, что этот аспект является примером взаимодействия политкорректности и норм речевого этикета. Для нас является приемлемым комплимент «Вы помолодели». Используются, например, вместо слова *старый* слова *опытный*, *зрелый*. Интересно, что в традиционном обществе нганасан было неполиткорректным, обидным сказать пожилым людям «Вы молодо выглядите». Напротив, назвать относительно молодого мужчину или женщину стариком или старухой означало доставить им большое удовольствие, признав их мудрость, опытность, главенство в хозяйстве и семье [Грачева 1988].

Затронутые в данной работе вопросы далеко не исчерпывают круг проблем взаимосвязи политической корректности с культурой общения и речевым этикетом. По нашему мнению, эта проблематика является актуальной и продуктивной для дальнейших исследований.

Литература

Аксютіна, О. В. Фактор «політичної коректності» і словниковий склад англійської мови / О. В. Аксютіна // Актуальні проблеми іноземної філології: лінгвістика та літературознавство. — Донецьк : Юго-Восток. — 2009. — Вип. III. — С. 179—185.

Грачева, Г. Н. Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан / Г. Н. Грачева // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л. : Наука, 1988. — С. 38—62.

Завадская, Е. В. Политкорректность как новая международная коммуникативная норма: анализ дефиниций на материале словарей современного английского языка / Е. В. Завадская // Наукові записки. — Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2010. — Вип. 89 (3). — Серія: Філологічні науки (мовознавство) : у 5 ч. — С. 44—48.

Колтунов, О. Ю. Політична коректність: концептуальні основи та технологічні прийоми : автореф. дис... канд. політ. наук : 23.00.02 / О. Ю. Колтунов ; НАН України, Інститут політичних і етнонаціональних досліджень. — Київ, 2005. — 20 с.

Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Панин. — Тюмень, 2004. — 19 с.

РЕЗНИЧЕНКО Денис Владимирович
ТЕХАНОВСКАЯ Н. В.

г. Екатеринбург, Россия

ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Важнейшая функция заголовка публикаций в газете — привлечение внимания читателя. Заголовки помогают быстро ознакомиться с содержанием номера, понять, о чем сообщают его публикации, что важно в предложенной информации, что представляет особый интерес. Заголовок часто определяет решение читателя — прочитать те публикации, заголовки которых возбудили в нем интерес, или пропустить материал. Более того, заголовок и подзаголовок задает характер публикации и является первой информацией о событии, которую получает читатель. Как правило, заголовки имеют оценочный или эмоционально окрашенный характер.

Большинство заголовков «Российской газеты» констатируют факт вины Украины в «газовом конфликте» в 2008—2009 г, отличаются саркастическим характером, отрицательной окраской репутации Украины и задают негативное отношение к действиям страны.

Таблица 1

Название заголовков и подзаголовков статей в «Российской газете»

Заголовок	Подзаголовок
Похищение Европы	Действия украинских властей оставили европейцев в новогодние дни без российского газа
Будет экстрим	К газовым переговорам с Россией намерена подключиться Верховная рада
Конец спячки	Газовый кризис чреват неприятностями для президента и премьера Украины
Газовый тромб	Украина так и не открыла трубу для Европы
Рада подключилась	Украинские депутаты хотят выяснить, кто, как и почему торгует газом
Заложники Украины	Дмитрий Медведев предлагает провести саммит потребителей и транзитеров российского газа в Москве
Кто играет на	Украина вновь пытается задержать российский газ в Европе

Заголовок	Подзаголовок
трубе	
Жизнь в форс-мажоре	Вынесение импичмента президенту Украины — задел на будущее
Кто играет на трубе	В газовом кризисе многие эксперты винят Украину
А газ и ныне там	Российское топливо снова не поступает в Европу
Газ на ум пошел	Украинские политики обсуждают переговоры в Москве
Точка на трубе	Вчера российский газ, наконец, снова «прорубил» трубу в Европу
Европа. Газ. Девушка.	«Украинская проблема» решена, но транзитные риски сохраняются
Газовые стрелки	Претензии некоторых стран ЕС за сбой поставок газа направлены не по адресу
Цыганочка с выходом	Президент и премьер Украины ведут войну на уничтожение
Украина: зона нестабильности?	Ее будут втягивать в НАТО любой ценой, но у страны нет шансов стать членом Евросоюза
Газовая битва	В Киеве в здании «Нафтогаз» провели показательное «маски-шоу»
Искры из газа	После строгого предупреждения из Москвы «Нафтогаз» Украины оплатил поставки российского газа

В отличие от «Российской газеты» заголовки «Новой газеты» в большей части связаны с образом, репутацией и действиями России в газовом конфликте. Во всех случаях эти заголовки и подзаголовки носят преимущественно отрицательный и обвинительный характер.

Таблица 2

Название заголовков и подзаголовков статей в «Новой газете»

Заголовок	Подзаголовок
Трубочисты	Ежегодный газовый конфликт выгоден и российской, и украинской элитам. Газ становится «ничьим», личная прибыль возрастает по обе стороны трубы, а все политические проблемы можно свалить на соседа
Пилорама его превосходительства	Кто «распилил» полтора миллиарда рублей «Межрегионгаза»? За фигурирующей в уголовном деле фирмой-трейдером стоят люди, близкие к друзьям Владимира Путина
Доверие в трубах падает	Шестидневный газовый кризис России и Украины сплотил остальную Европу и заставил скандалистов оправдываться
Россия и Украина показали Европе свое табло	В Старом Свете говорят о «большом крушении иллюзий» на фоне газового кризиса
Тормоз!	Почему не получилось запугать Европу недостатком газа

Заголовок	Подзаголовок
Россия уступает, но не сдается	Газ для Украины по ценам ниже прошлых годов — тот результат, ради которого «Газпрому» стоило на две недели отключать газ Европе?
Имя России — газ	Летучее вещество выкурило из эфира все политические передачи
Как картель ляжет	Международный газовый союз создается вовсе не на тех условиях, на которые рассчитывала Россия
Одно зло плохо, два — лучше	Газовая война между Россией и Украиной заставила Европу искать газ даже в Тегеране
Нельзя «добивать» партнера	Несмотря на кризис, Владимир Путин уже готовит плацдарм для новой идеологической и политической войны с Украиной
Свет в конце трубы	Европа приняла предложенный Киевом план модернизации украинской газотранспортной системы, вызвав болезненную реакцию Москвы

Анализ заголовков позволил предварительно определить эмоциональную направленность публикаций в изданиях. В частности, журналистские материалы «Российской газеты» в большей части направлены на критику образа и действий Украины, в то время как в «Новой газете» уклон сделан на потерю репутации России. По заданному тону заголовков и подзаголовков публикаций эти два издания выглядят очень контрастно, однако в обоих из них присутствует эмоциональная составляющая, которая воздействует на читателя. В принципе мы можем говорить о четвертом этапе информационного воздействия на читателя, а именно внедрение оценки события, которые выдаются за «сложившееся убеждение».

РУСОВА Ирина Александровна

г. Сургут, Россия

ОРИЕНТАЦИОННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследование представляет собой анализ ориентационной метафоры в политическом дискурсе. Материалом исследования послужили 56 оригинальных текстов инаугурационных речей американ-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Русова, 2011

ских, общий объем которых составляет приблизительно 645 тысяч печатных знаков.

Особенностью ориентационной метафоры является то, что она представляет собой результат взаимодействия не отдельных концептов, а целых систем концептов, которые находятся в определенной пространственной оппозиции по отношению друг к другу, например: «верх — низ», «внутри — снаружи», «глубокий — мелкий», «впереди — позади» и другие.

В текстах инаугурационных речей президентов США нами было выявлено около 700 примеров ориентационных метафор. Следует отметить, что в это число входят как свежие и развернутые метафорические образы, выстроенные на основе определенных пространственных ориентаций, так и свойственные английскому языку фразовые глаголы, которые зачастую также имеют метафорическую природу.

В исследуемых инаугурационных речах нам удалось выявить концепты, которые называют противоположные направления. В подавляющем большинстве случаев это касается ориентаций «верх» и «низ». Значительно реже метафоры выстроены, на основе иных концептов.

Наибольшее количество выявленных нами метафор, а именно — 304, базируются на идее движения вниз. При этом 165 случаев созданы при помощи предлога/наречия *under*. Метафоры этой группы имеют широкую сферу употребления и используются американскими спикерами при упоминании правительства, конституции, закона, Бога, различного рода обстоятельств. В целом, исследование показало, что яркие ориентационные метафоры английского языка, отражающие идею движения вниз или нахождения внизу, чаще выстроены на основе глаголов, прилагательных, существительных, т. е. значимых частей речи, однако в исследуемом политическом дискурсе встречаются они крайне редко. Чаще пространственная метафоризация достигается за счет использования частиц или наречий, входящих в состав фразовых глаголов. Однако в большинстве случаев ориентационные метафоры, представленные в форме фразовых глаголов, являются стертыми и, вероятно, не воспринимаются реципиентами как метафоры. Это может быть оправдано той установкой, что изобилие ярких образных средств лексического уровня способно привести к излишней эмфатичности инаугурационной речи, которая будет негативно воспринята, покажется несерьезной или непонятной существенному числу населения.

В исследуемом материале мы обнаружили 259 метафор, выражающих идею *движения вверх* или идею *пребывания наверху*, из которых наибольшее число метафор (130) создаются за счет использования прилагательного *high* и существительного *height*. Идея нахождения вверху часто становится основой для метафорического

представления правительства государства, т.к. лица или институты, обладающие властью, традиционно воспринимаются как верховные, находящиеся на более высоком уровне по сравнению с обычным народом. Наше исследование показало, что вербальная передача идеи пребывания наверху осуществляется за счет следующих лексических единиц: *up* (*вверх*), *above* (*вверху*), *over* (*над*), *high/height* (*высокий/высота*), *superior* (*находящийся выше*), а идея движения вверх выражается посредством глаголов (и их производных) — *(a)rise* (*подниматься*), *elevate* (*поднимать*), *lift* (*поднимать*). Ориентационные метафоры, выражающие идею движения вверх и идею пребывания наверху, чаще создаются за счет активации переносных значений прилагательных, глаголов, причастий и т.д. Наречия и частицы (в самостоятельном употреблении или как составная часть фразовых глаголов) в этом процессе задействованы реже, чем при создании метафор с ориентацией «низ».

Большинство ориентационных метафор, представленных в инаугурационных речах американских президентов, созданы на основе концептов «верх» (36,2%) и «низ» (42,5%). На долю метафор, базирующихся на иных ориентационных концептах, приходится 21,3%.

Подводя итоги проведенного исследования, мы заключили, что ориентационная метафора часто используется для выражения идеи движения, при этом, движение *вперед* или *вверх* в большинстве примеров означает развитие, движение *назад* или *вниз* — деградацию, движение *сквозь* преграду обозначает преодоление трудностей. Также в значительном количестве примеров с помощью ориентационной метафоры раскрывается идея статического пребывания *наверху* или *внизу*. Таким образом, исследование инаугурационных речей показало, что в политическом дискурсе наиболее часто представлены такие метафорические модели, как «РАЗВИТИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ», «ДЕГРАДАЦИЯ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ», «ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ», «ПОДЧИНЕНИЕ ВЛАСТИ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ», «ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ», «НИЗКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ НИЗУ», «БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВПЕРЕД», «ПРОШЛОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАЗАД».

Количество свежих метафорических образов, выстроенных на основе пространственных концептов, в инаугурационных речах незначительно по сравнению с устоявшимися ориентационными метафорами, которые зафиксированы в лексикографических источниках. Можно сделать вывод, что ориентационные метафоры прочно вошли в состав английского языка, активно используются говорящими и понятны для аудитории. При этом существование набора проверенных временем метафорических моделей позволяет создавать новые ориентационные образы на их основе.

Литература

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М. : Едиториал, 2004. — 256 с.

Inaugural Addresses of the Presidents of the United States. URL: <http://www.bartleby.com/124/index.html>.

Metaphor and Phrasal Verbs / Dr. Rosamund Moon // The Macmillan Phrasal Verbs Plus dictionary, Language Study 5—9, 2009.

РЫБАКОВ Сергей Владимирович

Екатеринбург, Россия

КОРРЕКТИРОВКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА «ПРАВОВОГО ДЕЛА»: БЛЕФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Партия «Правое дело» давно известна своей напористостью в отстаивании либеральных ценностей, трактуемых ее активистами с позиций радикализма. Однако ставшие постоянными неудачи на электоральном поле заставили верхи этой партии встать на путь обновления имиджа организации и корректировки ряда программных положений «правых», некоторые признаки чего проявились на их съезде, состоявшемся в июне нынешнего года. Нацелившись на «имиджевый прорыв», съезд избрал главой партии миллиардера Михаила Прохорова.

Новый лидер «правых» озвучил на съезде лозунги, не свойственные либеральному дискурсу в его радикальной интерпретации — такие, к примеру, как «увеличение социальных расходов» или «передача всей земли народу». Говорил Прохоров и о необходимости отмены назначений на административные должности и о повсеместном торжестве выборных начал. Естественно, возникает вопрос: что это — реальное изменение идеологического курса «Правого дела» или популизм, рассчитанный на привлечение электоральных симпатий?

Практика радикального либерализма показывает, что переход убежденных либералов к социалистическим установкам едва ли возможен. Ведь либерализм в его экстремальном виде являет собой идеологию воинствующего элитаризма, приоритета прав меньшинства над правами большинства, рыночного догматизма, отмены всякого планового регулирования экономики, изгнания государства из нее, господства «свободной и саморегулирующейся рыночной стихии». Радикальный либерализм тесно связан с индивидуализмом, с отрицанием коллективной солидарности и взаимовыручки, чужд

подлинному демократизму, ибо демократизм — это свободолюбие большинства, а радикал-либерализм — свободолюбие меньшинства. Демократизм ищет диалога между разными стратами общества, а либерализм нацелен на иерархию социальных статусов. Демократ «болеет» за демос, радикальный либерал — нет. В системе взглядов, свойственных гипертрофированному, экстремальному либерализму, свобода для всех превратилась в свободу для «узкого круга лиц». Радикальные либералы выступают за приватизацию не только экономики, но также и здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, коммунального хозяйства, трактуют общественную жизнь как конкурентно-рыночное пространство, где каждый социальный контакт является сделкой, актом купли-продажи, где все процессы в политике, этике, эстетике, культуре определяются законами прибыли.

Так что же произошло на съезде «правых»? Неужели адепты ультралиберализма признали фиаско своей идеологии? А, может быть, «новое лицо партии» Михаил Прохоров пока недостаточно ориентируется в тонких нюансах идеологического спектра? Точные ответы можно будет получить довольно скоро: парламентские выборы не за горами.

Но уже сейчас понятно, что Прохоров по духу и по направлению мысли является типичным представителем радикального либерализма, завязанного на весьма высокий уровень политических притязаний. Олигарх отметил на съезде смелыми заявлениями, среди которых наиболее громким стало его высказывание о готовности занять пост председателя российского правительства: «Мне кажется, я справлюсь с работой премьер-министра». В числе задач, стоящих перед «Правым делом», он назвал не только его вхождение в Госдуму по результатам предстоящих парламентских выборов, но и получение статуса им второй политической силы в стране ^[1].

Вскоре после съезда Прохоров инициировал широкомасштабную, охватившую все крупные города страны пиар-кампанию с целью привлечь как можно больше внимания к себе и своей партии. Средством для этого стало использование плакатов со слоганом «Сила — в правде. Кто прав, у того и сила». Этот слоган заимствован командой Прохорова из криминальной кинодрамы «Брат-2». Расчет, видимо, сделан на то, что внешне бросакая формула может быть привлекательной в широких массах. Но при этом носители такого расчета постарались вывести из смыслового поля два малозаметных на первый взгляд, но весьма значимых нюанса. Во-первых, этой формулой руководствовался киногоерой, откровенно и без стеснений взявший на себя «миссию» киллера. Во-вторых, эта формула в чем-то напоминает тезис, в начале 1990-х годов положенный лидером «младореформаторов» Егором Гайдаром под «научно-теоретический фунда-

мент» ваучеризации, когда он заявил: «Пусть собственность распределится сначала по силе, потом она распределится по уму» [2].

11 августа, после пресс-конференции, проведенной Прохоровым, стало ясно, что базовые догмы «Правого дела» останутся прежними. Он заявил, что одним из основных пунктов программы партии станет «проект создания Большой Европы — от Лиссабона до Владивостока» с интеграцией России в шенгенское пространство и зону евро. «Для успеха проекта, — пояснил он, — необходимо разъяснить европейцам, как сотрудничество с Россией поможет им решить собственные проблемы»³. Это высказывание Прохорова ставило все по своим местам: «Правое дело» и его лидер никуда не ушли от радикально-либеральных иллюзий, от мифологии, базирующейся на идее решения социально-экономических и других проблем за счет ущемления национальных интересов России.

Примечания

[1]. Прохоров выдвинул ряд условий, при которых станет премьером и заменит Путина: URL: [http:// www. dg-yug.ru/a/2011/08/11/prohorov_vidvinul_rjad_usl2](http://www.dg-yug.ru/a/2011/08/11/prohorov_vidvinul_rjad_usl2).

[2]. О чем молчал Егор Гайдар: URL: <http://gorod.tomsk.ru/index-1281097076.php>.

[3]. Окно в Большую Европу: URL: <http://ria.ru/politics/20110811/415782927.html>.

РЯБКОВА Ирина Павловна

Ижевск, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Когнитивное направление в языкознании, начало которого приходится на 1980-е годы, оказало влияние на многие лингвистические дисциплины. Старые проблемы науки о языке получают новое освещение при их рассмотрении с позиций когнитивизма. Когнитивный подход позволил, в частности, взглянуть под новым углом и на многие вопросы, связанные с политической коммуникацией. Рассматривая основные этапы в истории изучения политической коммуникации, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов отмечают, что если первоначально

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Рябкова И. П., 2011

исследования осуществлялись в рамках традиционной риторики и стилистики и носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер, то по мере развития когнитивного направления политическая коммуникация стала рассматриваться как отражение существующей в сознании людей картины мира [Будаев, Чудинов 2008: 10].

Ведущая роль в становлении когнитивного подхода к изучению политической коммуникации, безусловно, принадлежит Дж. Лакоффу и М. Джонсону, разработавшим теорию концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 2008]. Метафорическое моделирование является сегодня одним из наиболее продуктивных методов когнитивного анализа политического дискурса, применяемого в работах отечественных и зарубежных лингвистов (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, A. Cienki, P. Chilton, P. Drulak, G. Lakoff и др.). Кроме того, в последнее время когнитивный анализ политического дискурса осуществляется учеными через исследование концептов (М. В. Гаврилова, Т. В. Иванова, В. И. Карасик, М. В. Пименова, О. В. Спиридовский, Е. С. Шейгал, W. E. Connolly и др.).

В настоящее время когнитивный аспект привлекает все большее внимание исследователей в области переводоведения (Л. Г. Бабенко, Т. А. Казакова, А. Г. Минченков, Т. А. Фесенко, В. И. Хайруллин, М. Я. Цвиллинг и др.). Разработанная А. Г. Минченковым когнитивно-эвристическая модель перевода предполагает использование в качестве единицы перевода концепта, представляющего собой дискретную единицу мышления [Минченков 2008: 7]. В соответствии с данной моделью перевод, будучи особым видом речемыслительной деятельности, рассматривается как собой «эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста» [Минченков 2008: 9]. Деятельность переводчика включает в себя понимание исходного текста и порождение текста перевода. Оба эти процесса, по мнению А. Г. Минченкова, являются многоэтапными, «челночными» (то есть на каждом этапе допускается возврат к предыдущему) и происходят параллельно. Успешность/неуспешность переводческой деятельности в целом зависит от способности/неспособности переводчика сформировать в собственном сознании когерентную концептуальную структуру и объективировать ее на языке перевода.

Несмотря на достаточно высокую популярность когнитивных исследований в современной политической лингвистике и переводоведении, работ, интегрирующих их результаты, достаточно мало. В то же время нельзя не согласиться с тем, что переводоведческий взгляд на сопоставление национальных политических дискурсов может оказаться плодотворным для дальнейшего развития полити-

ческой лингвистики [Бродский 2011: 103]. Одновременно, накопленный языковой материал сопоставительных исследований, особенно в области политической метафорологии и концептологии, способен послужить основой для дальнейших теоретических обобщений, касающихся процесса и результатов перевода.

Проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что когнитивно-эвристическая модель перевода оказывается весьма действенной в сфере политической коммуникации [Рябкова 2010]. В отличие от традиционного подхода, перевод в рамках когнитивно-эвристической модели осуществляется не на уровне слов, а на уровне концептов. Рассмотрение текстов политических речей и их переводов показывает, что концептуальный подход позволяет провести более глубокий анализ текста оригинала на этапе его восприятия, рассмотреть не только совокупность понятийных значений, но и образные, ценностные составляющие концептов, входящих в концептуальную систему политического дискурса. На этапе порождения текста перевода «челночный» характер речемыслительной деятельности переводчика обеспечивает возврат к тексту на языке перевода до тех пор, пока в нем не будут устранены любые нарушения норм языка перевода, отсутствие когерентности, неестественность формы или его восприятия адресатом. Все это позволяет максимально повысить качество перевода в такой важной области современной жизни как политическая коммуникация.

Литература

Бродский, М. Ю. Политический дискурс и перевод / М. Ю. Бродский // Политическая лингвистика. — 2011. — Вып. 1 (35). — С. 103—112.

Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — М. : Флинта ; Наука, 2008. — 352 с.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : ЛКИ, 2008. — 256 с.

Минченков, А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Г. Минченков. — СПб., 2008. — 45 с.

Рябкова, И. П. Когнитивно-эвристическая модель перевода в политической коммуникации (на материале речей российских и американских политических деятелей и их переводов) / И. П. Рябкова // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. — Ульяновск : УлГТУ, 2010. — С. 201—206.

РЯПОСОВА Анна Борисовна

г. Нижний Тагил, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ

В XXI в. существенно увеличилась роль информации как значимого средства реализации власти. Государственная информационная политика — это особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества.

По мнению В. Д. Попова, информационную политику можно рассматривать как инструмент политического воздействия и средство достижения политических целей: субъекты информационной политики способны с помощью информации оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность как в интересах государства и гражданского общества, так и в собственных интересах [Попов].

В 2008 году весь мир заговорил о начавшемся финансово-экономическом кризисе. Этот кризис вызвал процессы, которые способны изменить финансово-экономическую систему, где главная роль отводится государству. В связи с этим, финансово-экономический кризис сразу же нашел отражение в государственных печатных СМИ.

Как отмечает А. Ю. Русаков, для государства в целях решения задачи сохранения политической стабильности в обществе крайне важно, чтобы информация о деятельности государственных учреждений имела позитивную направленность [Русаков 2006: 57].

В рамках нашего исследования были рассмотрены публикации в «Российской Газете», учредителем которой является Правительство Российской Федерации. Частотность, содержательная и оценочная сторона материалов, посвященных финансово-экономическому кризису, позволили сделать некоторые выводы о проводимой государством информационной политике в освещении экономической и социально-психологической ситуации в стране, связанной с мировым финансово-экономическим кризисом.

При проведении анализа использовались материалы федеральных, центральных и региональных выпусков, а также материалы изданий «Российская газета» — Неделя» в период с марта 2008 по май 2010 гг. включительно. Федеральные выпуски газеты выходят 4 раза в неделю, а также еженедельно выходит выпуск «Российской газеты — Неделя». За указанный период вышло 461 издание, где, по нашим подсчетам, опубликовано 80 материалов (статей, заметок,

интервью и т. п.), в которых затрагивалась тема финансово-экономического кризиса.

Как показал контент-анализ, количество упоминаний о финансово-экономическом кризисе составило 405 единиц. Из этого следует, что практически в каждом издании затрагивалась тема финансово-экономического кризиса в том или ином контексте.

Содержательный анализ позволил условно выделить три типа публикаций: материалы позитивной, оптимистической направленности (62 %), пессимистически настроенные материалы (18 %) и нейтральные публикации, безоценочно информирующие о каких-либо связанных с кризисом событиях (20 %).

Как показал анализ, в материалах «Российской газеты» ярко выраженного негатива мало — 18 % от общей части всех рассмотренных нами публикаций.

К негативным публикациям мы отнесли материалы, в которых дается отрицательная оценка сложившейся в нашей стране и мире ситуации, содержится информация о тяжелых последствиях кризиса в различных сферах, о безработице, мрачные прогнозы и т. п. В таких публикациях авторы, как правило, прибегают к эмоционально-оценочной лексике (*больнейший, ухудшаться, нестабильный, угрозы, недоверие, пострадавшие от кризиса, страдающие от кризиса, лишиться работы* и т. п.), метафорическому представлению действительности (*больно ударил, депрессия рынков, рынок парализован, финансовый стресс* и т. п.), вводным словам, выражающим мнение автора, статистическим данным, вопросительным и восклицательным конструкциям, риторическим вопросам и пр.

Ср.: *У нас 40 процентов ВВП создается за счет экспорта сырья, и естественно, что **кризис больнейшим образом ударил по России*** [РГ от 14 янв. 2010 г.].

*Все крупнейшие мировые аналитические центры предрекают, что в ближайшие десятилетия мир будет жить в **условиях постоянной угрозы ядерной войны, возрастающей вероятности возникновения конфликтов** из-за энергоресурсов, продовольствия и воды; в условиях стратегического соперничества, связанного с торговлей, инвестициями, техническими инновациями; в **условиях непрекращающейся военной конкуренции**. На этом фоне **терроризм все чаще будет выступать** как инструмент ведения новых форм **войны и разрешения конфликтов*** [РГ от 10 апр. 2009 г.].

*Налицо также кризис современного правосознания. И **такой кризис намного опаснее**, нежели чем просто кризис институтов* [РГ от 10 апр. 2009 г.].

*Кризис будет способствовать **обострению всех территориальных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов** в регионах* [РГ от 25 нояб. 2008 г.].

Публикации позитивного характера составляют большую долю — 62 % из всего корпуса собранных текстов.

К материалам позитивного характера мы отнесли те, в которых содержится информация об антикризисных мерах, принимаемых правительством, где говорится об улучшении ситуации на рынке труда, о повышении производства и т. д. Авторы используют экспрессивную, положительно-оценочную лексику (*улучшение экономической ситуации, долгосрочное устойчивое развитие, источники роста, реализация программ развития, эффективность антикризисных мер, стабилизация ситуации на рынке труда, своевременная помощь государства, сделать новый рывок, прямая поддержка бизнеса, стратегический курс на инновационное развитие, повышение эффективности производств, сохранение и усиление промышленного и технологического потенциала российской экономики, стремление улучшить общественную жизнь, защита граждан, задел для дальнейшего развития, потенциал дальнейшего роста, финансовая поддержка, качественно новый уровень развития, меры социальной поддержки и экономической помощи, дополнительные инструменты поддержки экономики, защита национальной экономики, сделать шаг вперед, выход из кризиса, новые возможности, продуктивное сотрудничество, прорыв в области, надежда на улучшение, экономический подъем страны*), активно используют метафоры (*оздоровление экономики, сделать Россию еще более мощной, основной мотор стабилизации, идет всеобщее «оздоровление», Россия на пороге качественно нового развития*), экспрессивный синтаксис (*у России есть шанс!*).

Главной темой, затронутой в материалах данного характера, является положительная характеристика принимаемых правительством антикризисных мер.

Ср.: Известно, что первой **антикризисной мерой** в России стала **государственная поддержка** финансовой системы, **предотвратившая ее коллапс**, что могло обернуться катастрофическими экономическими и социальными последствиями. **Массированные вливания** ликвидности в банковскую систему **оказались полностью оправданными** [РГ от 14 янв. 2010 г.].

Таким образом, проведя количественный и качественный анализ публикаций о финансово-экономическом кризисе в дискурсе федерального издания «Российская газета», мы можем заключить, что в целом информационная политика государства, реализуемая посредством федерального печатного СМИ, имеет оптимистическую направленность и защищает интересы государства.

Правительство РФ не заинтересовано в обострении и без того сложной ситуации, создании напряженной стрессовой атмосферы в обществе, поддержании пессимистических прогнозов. Считаем, что в

«Российской газете» реализуется принцип гуманизма и конструктивизма в подаче информации, направленный на гуманизацию информационной сферы.

Литература

Попов, В. Д. Власть — народ и информационная политика: проблема взаимодействия / В. Д. Попов. — URL: <http://f1z.msu3p.ru>.

Русаков, А. Ю. Связи с общественностью в органах государственной власти : учеб. пособие / А. Ю. Русаков. — СПб. : Бизнес-Пресса, 2006. — 224 с.

САЛАТОВА Людмила Маратовна

г. Челябинск, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Так как жизнь общества в информационную эпоху всё более разыгрывается в пространстве средств массовой информации, необходимо рассмотреть вопрос о том, как медиа отражают кризисный дискурс, а именно какие метафорические образы экономического кризиса преобладают в СМИ. Отметим, что именно публицистика предоставляет максимально благоприятные условия для функционирования метафоры. Именно метафора является одним из основных средств, используемых в газетных текстах для создания экспрессивного эффекта, оценочного смысла и новых образов. В данной работе метафоры, которые употребляются в кризис-дискурсе, рассматриваются на основе теории метафорического моделирования действительности — направления, развивающегося в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон; А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; Е. С. Кубрякова; А. П. Чудинов и др.). Материалом для данного исследования послужили 700 словоупотреблений из примерно 400 текстов, опубликованных в российских СМИ за период экономического кризиса, начавшегося осенью 2008. Мы выявили 3 доминантные сферы-источники метафорической экспансии для сферы-донора «Экономический кризис» в российском медиадискурсе: «Человеческий организм» (300 словоупотреблений / 42,8 %), «Война» (200 словоупотреблений / 28,6 %), «Болезнь» (200 словоупотреблений / 28,6 %).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Салатова Л. М., 2011

Ведущее место в формировании метафорического образа экономического кризиса принадлежит антропоморфной метафоре. Именно в ней усиленно эксплуатируются семы агрессивности, которые помогают репрезентировать отрицательное воздействие экономического кризиса. В данных примерах прослеживается негативная коннотация с векторами агрессивности, жестокости, подавляющей силы, направленной против внешнего мира. Современный кризис сравнивается с неким живым существом, или объектом, имеющим свой жизненный цикл, способным совершать негативные действия, поступки, чреватые разрушающими последствиями.

Сфера-источник «Война» занимает второе место по значимости манипулятивного воздействия на читателя. Активизация военной метафоры в российских публикациях связана с возникновением негативного настроения, социальной напряженности в обществе. При рассмотрении сообщений в прессе, посвященных экономическому кризису, обнаруживается, что преодоление данного глобального явления метафорически концептуализируются как война и борьба, где необходимо наличие противников. Рассматривая кризис в качестве захватчика, противоборствующей силой которой выступает сам народ, создается реальная картина борьбы, главную роль в которой играют не элитные слои и представители общества, стоящие у истоков власти и не имеющие реальных способов урегулирования кризиса, а простые люди, ощутившие на себе негативное влияние кризиса.

Сфера-источник «Болезнь» занимает параллельное место в метафорической экспансии. Как показывают исследования, морбиальные метафоры обладают значимым прагматическим потенциалом и особенно активно используются в периоды различных политических и экономических кризисов. Прагматические смыслы, формируемые морбиальной метафорой, можно сформулировать следующим образом: экономика страны находится в тяжелом состоянии, необходимо срочно принять меры по преодолению кризисной болезни, чтобы больной в конечном итоге выздоровел. Кризис сравнивается с такими болезнями, как лихорадка, сердечный приступ, депрессия, недомогание. Несмотря на негативную коннотацию данных болезней, можно четко проследить положительные векторы оптимизма и надежды на быстрое улучшение экономической ситуации. При анализе метафорических образов, оказывается, что в сфере-источнике «Болезнь» экономический кризис концептуализируется как серьезный недуг, болезнь, лечение которой не терпит отлагательства, но в большинстве исследуемых примеров морбиальная метафора обладает положительным вектором: экономика выздоровеет. Примечателен тот факт, что во многих примерах представители СМИ используют морбиальную метафору для репрезентации процесса, несущего

оздоравливающий эффект, очищения от паразитирующих элементов в экономической системе.

Проведенный анализ трех доминантных сфер-источников — «Человеческий организм», «Война», «Болезнь» — показал, что для репрезентации современного экономического кризиса, представители СМИ используют различные стилистические приемы, такие как: сравнение, персонификация для усиления эмоционального воздействия на адресата. В текстах российских СМИ, посвященных кризис-дискурсу всегда присутствует определенная коннотация, которая может быть разновекторной (не только негативной, но и положительной). Благодаря вышеперечисленным приемам, высказывания о кризисе приобретают яркую эмоционально-экспрессивную оценку, становятся более образными, что усиливает воздействие на читателя.

Литература

Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. науч. тр. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой . — М. : Прогресс, 1990.

Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. — М. : Книжный мир, 2003. — 895 с.

Уилрайт, Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры. — М., 1990.

Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская. — СПб., 2001.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т.— Екатеринбург, 2003. — 248 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь / М. Фасмер. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/vasmer.php?id=376&vol=2>.

САДУОВ Руслан Талгатович

Уфа, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС БАРАКА Х. ОБАМЫ КАК ПРИМЕР СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США

Политический дискурс Б. Обамы находится на переднем крае эволюции политического дискурса США, поскольку, с одной стороны, отражает традиционные черты американского политического дискурса, а с другой — модифицирует их в соответствии с собственными нуждами и основными трендами современного политического дискурса США.

Характеристики и тенденции политического дискурса Б. Обамы, во-первых, отражают эволюционные изменения политического дискурса США, а во-вторых, сами по себе способны оказать влияние на развитие американского политического дискурса в будущем.

Среди основных тенденций, характеризующих политический дискурс Б. Обамы, можно отметить нижеследующие:

Тенденция опираться на собственные автобиографические издания. Б. Обама стал автором двух автобиографических книг, получивших признание как образцы художественного творчества политика. Б. Обама постоянно ссылается на свои книги. При этом, как представляется, они выступают в качестве своеобразного ядра его дискурса, поскольку в них подняты все основные темы дискурса политика. В каком-то смысле это творчески оформленная политическая программа Б. Обамы.

Тенденция к эстетизации дискурса выражается в модификации формы сообщения при условии сохранения содержания. Так, Б. Обама пытается привнести в свой дискурс эстетическую составляющую, прежде всего, за счет опоры на автобиографические книги. Другим источником эстетизации является стремление включить в свои тексты иные кодовые системы, помимо вербальных знаков. При этом кульминацией эстетизации дискурса можно по праву считать прекрасно и в высшей степени профессионально исполненный музыкальный видеоклип в поддержку Б. Обамы с участием культурной элиты американского общества.

Политический дискурс Б. Обамы характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями в области апелляции к гражданской

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

©Садуов Р. Т., 2011

религии: а) Стремление соответствовать когнитивной базе данного лингвокультурного сообщества посредством подмены референта лексемы «God», ее семантической модификации, а также апелляции к прецедентным феноменам; б) Нарушение канонов американской гражданской религии посредством апелляции к лексемам «Jesus» и «Christ», христианским религиозным персонажам и мотивам, раскрытием собственной религиозной принадлежности. Обе тенденции являются следствием опоры на автобиографические источники.

Тенденция апеллировать к прецедентным именам Ф. Д. Рузвельта, А. Линкольна, М. Л. Кинга и некоторых других политических деятелей. Обращение к названным личностям дает Б. Обаме возможность: а) предстать перед электоратом в качестве продолжателя славных традиций, которые были заложены видными политическими деятелями США; б) «присоединить» свой дискурс к когнитивной базе американского лингвокультурного сообщества. Причем характерно, что Б. Обама стремится соответствовать названным политическим деятелям не только словом, но и делом. Так, например, Б. Обама произносил свою президентскую клятву на Библии, которую задолго до него для аналогичных целей использовал А. Линкольн.

Тенденция использовать в своем дискурсе фантомные единицы («слова-амебы»), входящие в число наиболее часто употребляемой лексики. При этом фантомные единицы могут также становиться основой для создания политических лозунгов. Отметим, что последние часто отвечают автостереотипам американской нации.

Тенденция к жанровому, стилевому, полимодальному и поликодовому разнообразию, то есть к разнообразию формы при сохранении содержания. Как следствие, тенденция к избыточности: одна и та же информация может быть представлена посредством различных жанров, стилей, модальностей, кодов (причем как в рамках одного сообщения, так и посредством набора текстов), что обеспечивает надежность передачи сообщения.

Тенденция обращаться к более молодой аудитории американцев, что предопределяется способами передачи сообщений (например, посредством поликодовых текстов).

Брендовый характер политического дискурса Б. Обамы. Современный политический дискурс является продуктом коллективного труда спичрайтеров, редакторов, специалистов PR и IT, журналистов и экспертов во многих других областях. Такое положение дел все больше входит в традицию американской политической действительности. Западные спичрайтеры являются успешными и часто известными людьми, открыто заявляющими о своей профессии, а политические деятели становятся известными брендами, которые необходимо «раскручивать» и «продвигать» на политической арене. В частности, у предвыборной кампании Б. Обамы появился даже

собственный логотип, под маркой которого работала целая команда профессионалов. Результатом такой совместной деятельности разных специалистов являются всевозможные моно- и поликодовые тексты как от первого, так и от третьего лица.

САРАФАНОВА Ольга Леонидовна
ЯКОВЧИЦ Нина

г. Екатеринбург, Россия

ПОЛИТИКА И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА «НОВОЯЗА» ДЖ. ОРУЭЛЛА

Слово «новояз» с легкой руки Дж. Оруэлла давно стало нарицательным для обозначения языка тоталитарного общества; нелепого, созданного вопреки нормам и традициям языка, в котором слова, потеряв свой изначальный смысл, обозначают свою противоположность. Цель «новояза» — полное подчинение личности человека, чему, по замыслу писателя, служит сокращение словаря и ликвидация смысловых оттенков слов, навязывание словам определенной политической позиции, обилие аббревиатур и сложносокращенных слов, а также предельно упрощенная грамматика. Однако особенности этого «зомбирующего» языка и механизмы подавления личности лингвистическими средствами, описанные на примере английского языка, с трудом поддаются переводу на русский из-за типологических различий между языками. Целью данной статьи является исследование приемов перевода концепции новояза с английского языка на русский (на примере перевода В. П. Голышева) [Оруэлл]. В статье будут рассмотрены приемы перевода на лексико-фразеологическом и фонетическом уровнях.

Прежде всего интересен **перевод лексических единиц** новояза, поскольку автор романа «1984» детально разрабатывает словарь и описывает принципы воздействия новых слов, призванных служить целям тоталитарного государства. Основным приемом перевода здесь является **калькирование**: в большинстве случаев переводчик передает безэквивалентную лексику, заменяя морфемы их прямыми соответствиями в языке перевода: doublethink — «двоемыслие», facecrime — «лицепреступление», thoughtcrime — «мысле-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Сарафанова О. Л., Якович Н., 2011

преступление», goodsex — «добросекс», thinkpol — «мыслепол» (полиция мыслей). Лишь в одном случае переводчик прибегает к поиску аналогии: новоязовское слово prolefeed метафорически заменяет существовавшим ранее «нарпит» (народное питание). В романе же Оруэлла prolefeed — «deliberately superficial literature, movies and music that were produced by Prolesec, a section of the Ministry of Truth, to keep the "proles" (i.e., proletariat) content and to prevent them from becoming too knowledgeable» [http].

Интересен также **перевод устойчивых выражений и слов, имеющих ограниченную сочетаемость**. Проанализируем отрывок из приложения к роману «1984» «О новоязе» и его перевод на русский язык. В оригинале читаем: «The word *free* still existed in Newspeak, but it could only be used in such statements as 'This dog is free from lice' or 'This field is free from weeds'. It could not be used in its old sense of 'politically free' or 'intellectually free' since political and intellectual freedom no longer existed even as concepts, and were therefore of necessity nameless». В переводе В. П. Голышева: «Слово „свободный“ в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как „свободные сапоги“, „туалет свободен“. Оно не употреблялось в старом значении „политически свободный“, „интеллектуально свободный“, поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а следовательно, не требовали обозначений». Переводчик **использует аналог**: он заменяет выражение 'This dog is free from lice' («собака, свободная от вшей») и 'This field is free from weeds' («поле, свободное от бурьяна») на более привычные для русского читателя «свободные сапоги» и «туалет свободен».

На уровне грамматики переводчик также встречается с определенным рода трудностями. Так, например, говоря о тотальной примитивизации языка, Дж. Оруэлл отмечает, что в новоязе не существовало неправильных глаголов: «The only classes of words that were still allowed to inflect irregularly were the pronouns, the relatives, the demonstrative adjectives, and the auxiliary verbs. All of these followed their ancient usage, except that *whom* had been scrapped as unnecessary, and the *shall*, *should* tenses had been dropped, all their uses being covered by *will* and *would*». Для русского же читателя в силу различия в строе языков данный факт не является значимым, и переводчик, не озадачиваясь поиском аналогичных явлений в русском языке, прибегает к **приему опущения**.

В других же случаях ему удастся найти способ **компенсации таких языковых различий**, и вместо правильных глаголов он указывает на отсутствие фонетических чередований при образовании деепричастий в русском языке как результат унификации грамматической системы: «Второй отличительной чертой грамматики новояза

была ее регулярность. Всякого рода особенности в образовании множественного числа существительных, в их склонении, в спряжении глаголов были по возможности устранены. Например, глагол „пахать“ имел деепричастие „пахая“, „махать“ спрягался единственным образом — „махаю“ и т. д.».

Литература

Оруэлл Дж. 1984. / пер. В. П. Голышев. — М.: Прогресс, 1989.
<http://en.wikipedia.org/wiki/Prolefeed>.

САТМАРИ Жужанна

г. Будапешт, Венгрия

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ВЕНГРИИ (в историческом аспекте)

Цель доклада — проследить основные стадии в развитии понятия *русский человек* с момента его появления в венгерском языке до его форм и видов существования в пространстве перестройки. В докладе обозначаются наименования русского человека в венгерском языке в отдельных исторических периодах с акцентом на их коннотацию. Особое внимание уделяется некоторым историческим периодам и датам: революции 1848 года, первой и второй мировым войнам, революции 1956 года и периоду перестройки. Отношение венгерской нации к России и русскому человеку демонстрируется через множество плакатов и фотографий данного исторического времени.

После занятия Карпатского бассейна одну из этнических групп, проживавших на этой территории, венгры называли именем *orosz*, что по сегодняшний день означает *русский человек*. Это название пришло в венгерский язык в IX веке через тюркские языки, где оно имело форму *urus* (в туркменском) или *urıs* (в татарском). В это время наименование *orosz* обозначало тех восточных славян, которые жили на карпатской территории после 1320 года и которых позже называли *ruszin*, *rutén* или *rusznyák*. Впоследствии, в XI—XII веке, во многие наименования городов и поселков включалась лексема *orosz* (например, в название города Oroszvár), которые можно найти в исторических документах 1208/1359 года [Rácz 2010]. С XIV века лексема *orosz* встречается в венгерских фамилиях, и по сегодняшний день 16 259 фамилий содержат ее [Rácz 2010].

В XIX веке начали использовать наименование *muszka* с целью различения россиян (*muszka-orosz*) и русин (*magyar-orosz*). Изначально нейтральное слово *muszka* с 1848 года появилось в новой,

негативной коннотации. Этим словом называли тех «изменников родины» (*muszkavezér* ~ *лидер русских*), которые помогали русским войскам ориентироваться на оккупированной венгерской территории. Помощь, которую австрийский император в 1848 году получал от русского царя в деле разгрома венгерской революции, привела к первому резкому спаду в оценке русского человека в Венгрии. Интересно отметить, что в карикатурах и рисунках этих годов Россия часто встречается в форме медведя, например помогающего двухголово- му австрийскому орлу причинять боль беззащитной женщине — Венгрии. Этот элемент страха (от нападающего большого государства) противоречит той картине, которую можно обнаружить в слове- ре пословиц [Маргалич 1864]. Здесь образ русского человека тоже отнюдь не позитивен, но элемент страха отсутствует: «*умный русский редкость*», «*ум у русских только до полдня*», «*лютеранский цыган, каменщик кальвинист, умный русский, дохлый осел — редкость*». [Margalits 1864] Интересно отметить параллели с образом России в немецкой карикатуре XIX—XX века, где также «подчерки- валась сила и грубость ... *русского медведя*» [Жаковска 2011].

В двух мировых войнах Россия (Советский Союз) и Венгрия вое- вали на противоположных сторонах, что естественным образом по- служило причиной усилению негативной картины о России. После Первой мировой войны, в 1920 годах велись переговоры по темам военнопленных и территорий Трансильвании и Бессарабии. В 1934— 1939 годы между Венгрией и Советским Союзом были установлены дипломатические отношения. В эти годы оценка русских в Венгрии была противоречивой, меняясь в зависимости от типа печатного издания. В мирный период, в частности из-за того, что Советский Союз не пострадал от экономического кризиса (страдал не от него), венгерская либеральная пресса восхваляла его, называя русских вождей современными *апостолами* человечества [Nemzeti 1922]. В то же время в лишенной значительного количества территорий и граждан Венгрии окрепли группы националистической ориентации, которые способствовали углублению русофобии и соответственно постепенному приближению к идейным позициям фашистской Гер- мании. В эти годы русский человек в прессе именовался *большеви- ком* или *рыжим* (*vörös*), на плакатах он олицетворял врага.

По окончании Второй мировой войны образ русского человека и Советского Союза радикально изменилась. Венгрия попала в зону влияния Советского Союза и политическим подстроилась под него на следующие сорок лет. Русский человек представлялся сильным *партнером* или *старшим братом* венгерской нации. На плакатах гра- фика и тексты изменилась по образцу пропагандистских продуктов Советского Союза. Но вскоре после окончания Второй мировой вой- ны последовало по сегодняшний день болезненное для Венгрии со-

бытие — революция 1956 года. Впоследствии в венгерском языке активизировалась форма *muszkavezér*, и как можно видеть на фотографиях тех лет появилась новая негативная форма наименования во множественном числе — *ruszkek*. Революция показала, что без Запада Венгрия не сможет достичь «освобождения», но она сможет расширить круг своих свобод [Lendvai 2011]. Этот процесс в 1960—80-е гг. продолжился, в связи с чем Венгрия получила титул «самого веселого барака Советского Союза» и «гуляшкоммунизма». Это ослабление режима ознаменовалась карикатурами, где русский человек появлялся в лице *Ивана*. В крылатой фразе культового венгерского фильма говорилось — *Русские уже в кладовке* (это означало, что они — если даже это не на виду — присутствуют и контролируют события) [A tizedes... 1965].

Когда в России наступила перестройка, Венгрия в политическом плане уже была готова к переменам. Из исследований венгерского академика Йено Киш можно заключить вывод, что в начале 1990 годов в венгерском обществе не было отрицательного отношения к русским. Большинство опрошенных информантов дали положительный ответ на вопрос, «хотели бы Вы общаться с русским человеком» [Kiss 1995]. Закрытый в казармы, зажатый, оказавшийся на улице венгерских городов неуклюжий солдат «*Сергей*» вызывал у населения скорее сочувствие, чем опасение. Редкие случаи контактов заканчивались доброжелательными разговорами, вызывающими взаимную симпатию. Однако, как показывают нам политические плакаты и карикатуры этого времени, венгры считали важным проститься с советским военным и медведем. Существующие по сегодняшний день отрицательные стереотипы, главным образом среди молодежи, — это результат внутривнутриполитической борьбы, начавшейся в годы смены политического строя.

Литература

Жаковска, М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. / М. Жаковска // Политическая лингвистика. — 2011. — 35. — С. 15—19.

A tizedes meg a többiek. — 1965.

Kiss, J. Társadalom és nyelvhasználat. Szociolingvisztikai alapprogramok. Nemzeti Tankönyvkiadó. — Budapest, 1995. S. 140—141.

Lendvai, P. Az eltékozolt ország. Noran Libro. — Budapest, 2011. — S. 19-20.

Margalits, E. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. Kókai Lajos. — 1864. — 588 s.

Nemzeti Újság 1922. április 8: 1.

Rácz, A. Szláv népr neveink jelentéstörténetéhez / A. Rácz // Magyar nyelv. — 2010 — 4. — S. 396—410.

СЕМЕНЕЦ Елена Александровна

Кировоград, Россия

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ВЛАСТЬ ДИСКУРСА?**

Понятие «дискурсивные практики», получившее свое теоретическое обоснование в постструктурализме, в работах М. Фуко, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, релевантно в аспекте анализа дискурса массовой коммуникации в соответствии с методологическим принципом дискурсоцентризма, который в определенной степени противостоит принципу антропоцентризма. Дискурсивные практики представляют содержательно и формально близкие дискурсы, объединенные особыми правилами построения, особой «регулярностью дискурса» (М. Фуко). Смысловое единство в пределах дискурсивной практики определяется устоявшимся, общепринятым способом интерпретации действительности. Тот или иной дискурс задает свою идеологию как совокупность базовых идей, способ мировидения и мировосприятия, и вследствие этого формирует онтологию ментального образа действительности.

Дискурсивная практика может быть определена в пределах исторически обусловленной дискурсивной формации как типизированный способ реализации речевой деятельности, которая осуществляется в соответствии с требованиями определенного типа дискурса, являющийся общепринятым в той или иной коммуникативной сфере социальной или профессиональной группы.

«Власть дискурса» проявляет себя в том, что дискурс наперед устанавливает возможность возникновения четко определенного типа высказываний и действий, и таким образом предопределяет формирование отдельного высказывания. Кроме тяготения самой языковой системы и власти дискурса, человек несет и груз социальной власти, воплощенной в дискурсивных феноменах. Наиболее ярко это проявляется в персуазивном дискурсе, в котором доминантная роль принадлежит направленности на убеждение, функции воздействия, побуждения к определенным действиям или влияния на сознание адресата. Соотношение языка и социально-политической власти — один из важнейших аспектов постмодернистских аналитик дискурса. В дискурсии М. Фуко обнаруживает специфическую власть произнесения, имеющую в своей основе силу нечто утверждать. И в этом отношении дискурс подобен всему остальному в обществе: это такой же объект борьбы за власть.

Дискурс массмедиа представлен разнообразными дискурсивными практиками, формирующими общее поле дискурсии в этой сфере.

Массово-коммуникационный дискурс в современном социуме, персуазивный по своей природе, сознательно направленный на коммуникативное влияние, строится как процесс убеждения, воздействия на интеллектуальную, эмоциональную, волевую сферы адресата. При этом используются как приемы логической аргументации, так и эмоционально-образные средства влияния. В определенных ключевых моментах при этом действуют синергетические законы самоорганизации, автопоэзиса (самодостраивания) дискурсивной системы по устойчивым образцам, моделям, схемам. Однако ведущей выступает роль сознательного управления со стороны отправителя информации — тут важны принципы селекции и комбинаторики сообщений, отбор средств языкового, паралингвального и невербального выражения, расстановки смысловых акцентов. Оказывает несомненное воздействие и сам мозаичный принцип дискурсивной организации, формирующий клиповое мышление человека третьего тысячелетия. Феномен «гиперреальности» в современных электронных медиа в процессе своего создания и восприятия предусматривает работу с образом, подобным образу в искусстве. Этот процесс обеспечивает достижение основной цели персуазивной коммуникации — утверждения или изменения взглядов реципиента, его жизненных приоритетов и поведенческих установок.

Дискурс массовой коммуникации в процессе своего развертывания конструирует возможные миры, заданные законами языка, дискурсивными практиками и идеологиями (в понимании Р. Барта). Этот сложно организованный дискурс навешивает адресату определенную категоризацию и концептуализацию мира, формирует ценности, взгляды, приоритеты и установки человека. Диалогическое взаимодействие между представленными возможными мирами — условие адекватного восприятия сообщений о социальной реальности, путь к установлению диалогической целостной истины.

Характерный для постмодернизма отказ от идеи референции, от самого понятия идентичности (постструктуралистский «пустой знак» и — как следствие — «отсутствующая структура» (У. Эко)) и непрестанные игры означающих в современных дискурсивных практиках, осуществляемые по имманентным внутриязыковым законам, детерминируют восприятие действительности, определяют постмодерную реальность. На этом фоне возрастает роль рефлексивного мышления человека, речевого опыта, приобретенного в дискурсивных практиках. Дискурсивное мышление и пленит человека, и дает возможность анализировать, сравнивать, искать истину в самом диалоге возможных миров. В человеческом сознании заложены защитные механизмы против воздействия персуазивного масс-медийного дискурса. Это, прежде всего, естественное чувство языка, благодаря которому возможен прорыв индивидуального сознания за пределы

дискурсивных практик, а также рефлексивные механизмы мышления, организующие многогранный коммуникативный опыт индивида, обеспечивающие сохранение целостности личности в условиях неоднозначной идентичности современного человека.

СИПКО Йозеф

Прешов, Словакия

КОНЦЕПТ «ГАГАРИН» В СЛОВАЦКОЙ СРЕДЕ

Нам близок тот метод в филологических исследованиях, в рамках которых идут **поиски ценностей** посредством языковых фактов. Как показывает Алиференко (2010), именно в центре внимания лингвокультурологии находятся указанные методологические приемы. В наше время к самым интенсивным сферам аксиологических подходов относится **политическая** жизнь, которая вступает в любой социально-коммуникативный контекст. В поисках всякого рода ценностей в конечном счете наталкиваемся на конкретного **человека**, на людей вообще, которые своим «путешествием» в истории создают ценности.

Непосредственная связь политики и ценностей была наглядно продемонстрирована в апреле 1961 года во время первого полета человека в космос. В некоторой степени та же аналогия — политикокосмическая — повторилась и 50 лет спустя. В предложенном материале содержится попытка проанализировать *гагаринское пятидесятилетие* на фоне современных, главным образом, словацких СМИ. Данный материал представляет собой фрагмент **языковой картины России в Словакии**.

Антропоним *Гагарин* уже 50 лет представляет собой символ великого человеческого подвига, который выходит за границы лишь национальной, в нашем случае российской культуры. Имя *первого космонавта мира* приобрело с одной стороны **универсальный смысл и ценность**, но с другой стороны оно ассоциируется с конкретными этнокультурными особенностями отдельных стран. Тут хочется обратить внимание в первую очередь на чехословацкие ассоциации при концептуализации фамилии *Гагарин*, как они были представлены в апреле 2011, когда мир отмечал 50-летие полета *первого космонавта мира*.

Как известно, советско-американское противостояние в хрущевские годы по сравнению с предыдущим периодом приобрело более

This contrinution is the result of the projekt implementation: *Establisching a Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research and Development Operetional Programme funded by the ERDF.

© Сипко Й., 2011

мягкие формы. В некотором смысле это было очевидно также во время первых космических полетов, когда Чехословакия как первая зарубежная страна встречала Ю. А. Гагарина после его успешного полета в космос, по всей стране стала известной песня-ода на чешском языке. В ней чувствуется настоящее ощущение человеческого счастья, которое охватило миллионы людей во всем мире. Гагарин эмоционально, чистым сердцем, интуитивно и вместе с тем очень убедительно показал, что может совершить человек сердца. Фрагменты текста этой песни были опубликованы по поводу 50-летия полета Гагарина в космос в целом ряде словацких СМИ. Данный текст был переведен на русский язык еще в те времена:

<i>Dobrý den, majore Gagarine, Tak jsme se tedy už dočkali, Celý svět připil vám rudým vínem, Lidé vám ze zdola mávali. Vyřídte prosím na Měsíci, Vyřídte medzi hvězdami, Co chceme všichni dneska říci, Že přijdem bzo za вами.</i>	<i>Добрый день, майор Гагарин, Наконец-то мы дождались, Целый мир поднял за вас бокал красного вина, И люди снизу махали вам рукой. Летите, пожалуйста, на Луну, Летите к звездам, И сегодня все мы хотим вам сказать, Что скоро и мы будем с вами.</i>
--	---

Мотивы той же песни стали оживляться в обстановке 50-летия полета Гагарина в космос вместе со славной гагаринской улыбкой, советско-американского космического соперничества, завершившегося словами Н. Армстронга на Луне, который «поздоровался» с Гагариным, причем спутал его фамилию: *Gagarinov úsmev, slová piesne: „Dobrý den, majore Gagarine...“*. *Preteky medzi Rusmi a Američanmi sa skončili v deň, keď v roku 1969 vystúpil N. Armstrong na Mesiac a povedal pamätnú vetu: „Je to malý krok pre človeka, ale veľký krok pre ľudstvo“, ale aj druhú vetu: „Good luck, mister Górski“*. — Гагаринская улыбка, слова песни: «Добрый день, майор Гагарин»... Гонки между русскими и американцами окончились в тот день, когда в 1969 г. выступил Н. Армстронг на Луну и произнес памятные слова: «Это маленький шаг для человека, но большой шаг для человечества», но произнес также другие слова: «Good luck, mister Gorski»... (Т. 2011.6).

Гагарин стал для целого поколения, и не только россиян, идолом, героем, примером и даже в некотором смысле иконой. Многие тогдашние мальчишки, сегодня уже дедушки, мечтали стать Гагариным. И как же не вспомнить и на этом месте слова славной песни известного чешского композитора Г. Брома. Автор юбилейной статьи «Gagrin a Hviezdoslav vs. deti — Гагарин и Гвиездослав против детей» личность первого космонавта и лучшего словацкого поэта ставит на пьедестал, который достоин для подражания подрастающему

поколению и в наше время. Статью автор начинает первым куплетом указанной песни и убедительно показывает на то настроение, которое овладело миллионами людей. В глубоком человеческом (именно человеческом) подсознании полет Гагарина и его «Поехали» считали своей победой, своим успехом люди во всей нашей стране. Гагарин был и остался и *нашим*, и этот факт помнят и воспринимает люди среднего и старшего поколения: ***Dobrý den, majore Gagarine, tak jsme se tedy už dočkali! Celý svět připil vám rudým vínem, lidé vám ze zdola mávali. Spievali sme, čakajúť na taxík, z plných plúc a hľadeli na hviezdy. — Добрый день, майор Гагарин, Наконец-то мы дождались. Целый мир поднял за вас бокал красного вина, И люди снизу махали вам рукой. Мы пели во весь голос, ожидая такси и смотрели на звезды*** (Т. 2011.11).

Нынешнее поколение посредством СМИ могло познакомиться с многими сторонами прецедентного феномена Гагарин, его имя стало настоящим **концептом** с целым рядом базисных лингвокультурных ассоциативных связей: *Первый космонавт мира, гагаринская улыбка, село Клушино, семья Гагариных, С. Королев — главный конструктор, дублер Г. Титов, «Поехали», приземление в области Саратова, космические гонки с американцами, советское космическое первенство, Н.С. Хрущев, спор с Брежневым (?), трагическая смерть, загадка смерти Гагарина (?), похороны Гагарина, Кремлевская стена и т. д.*

Концептуализация его имени показана в *Русском ассоциативном словаре* (Караулов, 2002) в качестве стимула, который вызывает реакции, свидетельствующие о тех этнокультурных смыслах, которые в России содержатся как некий устойчивый этнокультурный феномен. Чувствуется это особенно в реакции *не умер: ГАГАРИН: космонавт, космос, Юрий, летчик, ракета, герой, пионер, полет, Алексей, летчик-космонавт, известность, космический корабль, космонавтика, не умер, первый, СССР, улетел, улыбка, 108 минут.*

Разные репортажи из современной России приближают гагаринскую тему словацкому читателю посредством указанных ассоциативных связей: *Populárneho kozmonauta si Rusi najviac pamätajú vyslovením vety „Pojechali!“ (Vyrázili sme). — Популярного космонавта россияне больше всего помнят предложением «Поехали»* (dnes.atlas.sk — 14.04.2011).

В одном из таких публицистических материалов под названием **«Гагарин bol superstar, vybrali ho spomedzi 3500 uchádzačov! — Гагарин был суперзвездой**, его выбрали из 3500 кандидатов!» (www.topky.sk — 7.04.2011) была опубликована история отбора будущих лучших космонавтов, высказывались разные версии, почему первым космонавтом стал именно Гагарин. По одной из них его выбрали из-за пролетарского происхождения, его дублер Титов проис-

ходил из семьи интеллигенции. Другая версия гласит, что у *Титова* было не русское имя *Герман* и т. д. В любом случае, как показала история, выбор был удачным. В конце статьи приводятся слова *Гагарина*: „*Ked' som v kozmickej lodi obletel Zem, videl som, aká je krásna. Ľudia, chráňme a množme túto krásu, ale neničme ju!*" — «Облетев Землю в корабле-спутнике, я увидел как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!» (оригинальные слова Ю. А. Гагарина // «Этносфера». 2011. № 4. С. 3).

Полет Гагарина вдохновляет людей к новым поискам в области космоса, к вере, что вот-вот, будем летать на другие планеты. Видимо, для этого требуется опять *гагаринско-королевский* рывок. Как это было с открытием Америки, с изобретением машины, самолета... Но пока эти мечты остаются в человеческой фантазии, и придут новые *Гагарины*, *Королевы*, *Колумбы космоса*, которые их смогут осуществить... Современный чешский писатель Владимир Шлехта отдал поклон российской космонавтике в рассказе «Конквиста» (*Conquista*), за который получил «Премия им. Карла Чапка». Сюжет оригинален. Первый международный экипаж уже в наше время прилетает на Марс и находит там советскую колонию, которая тут живет в ужасных условиях. Советских космонавтов туда будто в полном секрете выслали еще в 70-е гг. прошлого века. Они ничего не знают о распаде СССР, но живут на Марсе в духе советского патриотизма и энтузиазма, а страна про них забыла. Это люди самых высоких нравственных и вообще человеческих идеалов.

Все это и другое обсуждалось и 50 лет после *полета Гагарина в космос* в мировых, в том числе и в словацких СМИ. Даже анекдоты 60-ых лет напомнили о вечных *гагаринских* темах. Одна из версий о его смерти гласила, что он второй раз полетел в космос и не вернулся:

Viete, prečo ruskí kozmonauti stále lietajú do vesmíru?

*Vraj tam **Gagarinovi** nosia dôchodok...*

А вы знаете, почему российские космонавты все время летают в космос?

*Они там **Гагарину** пенсию приносят...*

Обсуждалась этимология антропонима *Гагарин* и по некоторым данным ее растолковали как *дикая утка*.

На востоке Словакии известный певец народной песни Йожко Пригода создал песню-частушку, которая вызывала на фольклорных фестивалях смех и аплодисменты. Несмотря на официальную просоветскую пропаганду, которая деформировала образ России, эта песня все-таки до известной степени выражала большие симпатии к России и к русским со стороны восточнословацкой общественности. Наши люди прекрасно понимали подвиг русских людей. Ведь про-

шло всего лишь 16 лет с той поры, когда Словакию освобождали русские, и большинство населения помнило зимние и весенние месяцы 1944/45 гг. На фоне сказанного песня-частушка принималась на востоке Словакии весело, чувствовалась большая симпатия к *гагаринской* победе русских над американцами. Эту космическую победу россиян над американцами воспринимали наши люди как свою. Это было полностью понятно на фоне политического соперничества в годы холодной войны. Приведем несколько куплетов на восточно-словацком шаришском диалекте и в нашем переводе на русский язык, как они остались в памяти автора статьи:

<i>Vylecel Gagarin, Vo veľkom korabe, A pán Džon Kennedy, Za uchom še škrabe.</i>	<i>Вылетел Гагарин В корабле великом, А пан Джон Кеннеди Чешется за ухом.</i>
<i>Po Gagarinovi, Prišla správa nová, Že Rusi puscili, Do neba Titova.</i>	<i>После Гагарина Новость вот такая: Русские в небеса Поспали Титова.</i>
<i>Oblecel našu Zem, Až šidzemnac razí, A Američanoch, Dobre neporaží.</i>	<i>Облетел он Землю Аж раза семнадцать, А американцы Чуть с ума не сходят.</i>
<i>A kedz vylecela, Aj Tereškovova, Za uchom še škrabe, Anglická kráľovna...</i>	<i>Когда полетела, Валя Терешкова, За ухом чешется Английская королева.</i>
<i>Bo Rus i Šarišan, Veľké kamaraci, Jeden za druhého, I život utrací...</i>	<i>Русский и шаришан Очень крепко дружат, Они друг за друга Свою жизнь положат.</i>

Таким образом, **Гагарин** и **Америка** представляют особую тему в истории освоения космоса, которая, как показано в восточнословацкой частушке, глубоко фиксировалась в сознании простых людей в Словакии. Она отмечалась во всех обзорных материалах, опубликованных по поводу *гагаринского 50-летия*. В. Хайрюзов (2011) советско-американскому космическому соперничеству уделяет большое внимание. На этом фоне смягчают это противостояние слова *Н. Армстронга*, первого человека на Луне, который в адрес *Гагарина* сказал: **Он всех нас позвал в космос.**

В словацкой прессе, как и в российской, широко обсуждалась тема *космического превосходства русских*, подчеркивался тот факт, что 12 лет после страшной войны русские запустили *Спутник*, что вызвало в определенной мере шок в Америке. В документальной телепередаче об истории космонавтики этот момент советско-американского соперничества был представлен при сопоставлении успешного полета советского *Спутника* и взрыва американского аналогичного аппарата. Был иллюстрирован отрывок из тогдашней американской прессы: *У советов Спутник, а у нас Капутник*, в котором космонавтика воспринималась и в некоторой степени еще воспринимается как составная часть политической борьбы. Данная американская *шоковая* ассоциация с успехами советской космонавтики повторяется еще и в наше время в связи с нарастающей экономической и политической конкуренцией со стороны Азии. В словацких СМИ отметили слова современного американского президента:

Obama: Ázia nám uteká ako Sovieti so Sputnikom. Sputnikovský moment našej generácie. — *Обама: Азия бежит перед нами, как Советы со Спутником. Спутниковский момент нашего поколения* (Sme. 27.01.2011).

Космическое превосходство россиян подкреплялось целым рядом заявлений видных американских деятелей. Нынешнему поколению в СМИ напомнили слова *отца американской водородной бомбы* Э. Теллера:

Prehrali sme bitku väčšiu a dôležitejšiu ako Pearl Harbor. — *Мы проиграли битву, которая была гораздо больше и важнее, чем Перл Харбор* (Sme. 12.04.2011).

В те годы *Хрущев* и *Кеннеди* были довольно популярными среди простых людей. Помнится, когда в ноябре 1963 убили *Кеннеди*, а через 11 месяцев «ушли» *Хрущева*, то много людей не поверило в официальные версии смерти *Кеннеди* и отставки *Хрущева* — мол, они стали дружить, и это вызвало ненависть среди темных сил.

И в связи с *гагаринской темой* хочется отметить отрицательную сторону практикуемой свободы слова в современных СМИ. Даже такое событие, как 50-летие *полета Гагарина*, желтая пресса использовала для публикаций очень примитивных материалов. В одном из них в чешской желтой газете «Блеск» (Молния) именно 12-го апреля 2011 утверждалось, что никакого *полета Гагарина* не было, что это ложь и пропаганда, что *Гагарина*, который был пьяницей, заставили сыграть роль космонавта, а на самом деле в космосе он никогда не был. Когда стал создавать проблемы, то его по приказу сверху ликвидировали!.. Реакции российских читателей на эту статью в своем большинстве были полны огорчения. Это естественно. Но правы были те читатели, которые задавали вопрос: «**А зачем печатать такой материал и переводить его?**» В реакциях рос-

сиян регулярно звучали острые слова не только в адрес автора, это тоже понятно, но грустно было читать те реакции, в которых резко осуждалась вся нация и страна. *Чехи* и *Чехия* предстоят в данных реакциях как ничтожная страна, почти что без нравственных принципов, *чехи* — это продажные люди и т. д. Все это из-за одной «статьи», которая по сути дела стала провокацией, и должен сказать, что удачной. Неужели непонятно, что такие публикации задевают национальные чувства самым отвратительным образом? Поистине: *Что написано пером, не вырубишь топором!*

Гагаринский юбилей — одна из прекрасных возможностей сплачивать людей. Так это было 50 лет назад, когда мир стоял на грани ядерной войны, но даже западные политики поздравляли СССР с великим человеческим успехом, воплотившимся в лице *Гагарина*. Данный период в Словакии относительно недавно проанализировал Л. Гузи (2009) в объемной монографии. Весь мир чувствовал себя *молодым рядом с Гагариным* (слова из выше приведенной песни чешских авторов *Добрый день, майор Гагарин*). Тем более это относилось к миллионам людей особенно из тех стран, в которых в рамках своего торжественного путешествия побывал *Ю. А. Гагарин*.

50-летие полета *Гагарина*, в словацких СМИ отмечали корректно и в праздничном контексте. Вечерние словацкие теленовости на главном канале начинались именно информацией об этом юбилее под эхо выше названной песни *Добрый день, майор Гагарин*. Первый чехословацкий космонавт *В. Ремек* и первый словацкий космонавт *И. Белла* по поводу 50-летия были награждены президентом России Д. Медведевым. Первого словацкого космонавта называли даже *словацким Гагариным*. Современным жителям Словакии напомнили, что: *Полет Гагарина произошел на фоне советско-американского соперничества — это были гонки в космосе, наряду с гонками вооружений*.

Таким образом, антропоним *Гагарин* стал настоящим символом человеческого успеха и счастья. В наше время это одно из самых известных прецедентных имен, по которому названы многие реалии. Для нас стало примечательно и в связи с образованием *Континентальной хоккейной лиги (КХЛ)*, в которой лучшие команды играют за *Кубок Гагарина*, и в которой в предстоящем сезоне будет играть и хоккейная команда из Восточной Словакии *Лев Попрад*.

Гастроли *Гагарина* стало настоящим праздником во всех странах, в которых он побывал. А Чехословакия была первой страной, которую *Гагарин* посетил. В целом ряде современных словацких СМИ давался обзор мировой прессы из апреля 1961 года о *гагаринском полете*, и мы вновь могли убедиться о прекрасной эмоциональной обстановке, которая на определенное время овладела миром. Автор выше приведенного пасквиля мог себе прочесть данные ма-

териалы. У него, видимо, другие цели. К сожалению, в том же духе желтизны пишут многие современные «журналисты». Прав чешский журналист Гвиждяла, который прямо заявляет: «СМИ вообще не стараются создавать ценности» (Р. 11.05.2011).

Таким образом, концепт антропонима *Гагарин* кроме общих коннотаций и ассоциаций, содержит в себе национальные особенности. По отношению к Словакии однозначно доминирует высокая оценочная шкала *Гагарина*, подкреплена определенной мерой гордости — *он и наш*. Полностью чувствуется, что концептуализация прецедентного имени *Гагарин* и в Словакии в значительной степени происходит на фоне политических реалий. Еще и 50 лет после *полета Гагарина* одним из главных аспектов его оценки были политические мотивы, соперничество СССР и США и в более широком контексте — политическая борьба двух политических систем. Если Чудинов подчеркивает, что политическая лингвистика «занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции с общественным мнением» (2007. С. 3), то в случае с *полетом Гагарина* это полностью подтвердилось. Эхо этой политической борьбы чувствуется еще и в наше время, также в словацких СМИ.

Литература

Воробьев, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М.: РУДН, 1997.

Колшанский, Г. В. Объективная картина мира и познание в языке. — М.: КомКнига, 2006.

Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. — М.: 2002.

Сипко, Й. В поисках истинного смысла. — ФФ ПУ Прешов, 2008.

Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. — М.: Флинта ; Наука, 2005.

Хайрюзов, В. Путь в космос // НС. 2011. № 4. С. 23—69.

Чудинов, А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта; Наука, 2007.

Guzi, Ľ. Formovanie Ruska (Rossii) ako mnohonárodnostného štátu — jeho zahraničná politika, zabezpečenie štátnej bezpečnosti, spoločnosť (Východiská pre historicko-kulturologickú analýzu v ruskom jazyku). — FF PU Prešov, 2009.

Hvížďdala, K. Média sa vôbec nesnažia tvoriť hodnoty // Pravda. 2011. 11. 05.

Taubman, W. Chruščov. Člověk a jeho doba. — Praha: BB/art s.r.o, 2005.

Сокращения

FOS — Fórum občianskej spoločnosti

НС — Наш современник

Р — Pravda

Т — Týždeň

СМОЛИНА Анастасия Николаевна

Волгоград, Россия

УМЕНИЕ ЧИТАТЬ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

Программа политической партии должна выполнять ряд функций, среди которых, помимо очевидной функции политического послания, такие важнейшие функции, как политическая социализация и артикуляция социальных интересов. В эти понятия входит формирование у граждан знаний о целях и задачах партии и умения отличать их от целей и задач других партий. Эти знания и умения являются необходимыми условиями политической грамотности, с которой, в свою очередь, неразрывно связано умение знакомиться с политическими текстами и понимать их смысл. Последнее совершенно необходимо для того, чтобы гражданин мог решить, насколько адекватно и полно программа той или иной партии выражает его интересы.

По этой схеме «политически должного» предполагается, что после ознакомления с устным выступлением политического деятеля гражданин знакомится с текстом программы партии, находящимся в свободном доступе. На этом «должное» заканчивается и начинается «сущее».

Современная российская политическая действительность не предполагает и не формирует массового читателя политических программ. У граждан, даже имеющих активную гражданскую позицию, зачастую не происходит переход от знакомства с отдельными высказываниями политических лидеров к знакомству с программным текстом. Даже обладая членством в партии, далеко не каждый гражданин утруждает себя знакомством с текстом программы собственной партии и уж тем более его сравнением с текстами программ, хотя бы близких по идеологии. По опыту автора, основанном на учебном эксперименте, можно сказать, что, например, среднестатистический член партии «Единая Россия» не может отличить отрывок по социальной политике программы партии «Единая Россия» от отрывка аналогичной тематики из программы «Справедливой России», а обычный взрослый гражданин, не интересующийся политикой спе-

циально, добавляет в эту путаницу также программы КПРФ и ЛДПР, не говоря уж о более мелких политических игроках.

В результате представление о целях и задачах партии складывается не на основе программы партии, — для чего она, собственно, и должна создаваться, — а на основе отдельных высказываний и действий политического деятеля и, в большей степени, его политического имиджа и личной харизмы. Если учесть, что информация о его высказываниях и действиях проходит через СМИ, можно с уверенностью говорить об определенной «фильтрации» информации, которая может быть, но не обязательно, связана с идеологической ангажированностью журналистов. В итоге гражданин не обладает даже доступной ему свободой информационного выбора, поскольку, добровольно отказываясь от личного ознакомления с текстом программы партии, он делегирует функцию фильтрации информации доверенным СМИ.

Между тем внимательное текстологическое ознакомление с программами партий может открыть много интересного неленивому читателю без необходимости прибегать к теориям заговора и концепции «скрываемой правды».

Пример 1. Программа «Партия народной свободы „За Россию без произвола и коррупции“» (13 декабря 2010 г.):

Главная цель нашей политической деятельности — превращение России в страну, в которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их защита — главной обязанностью государства. Мы хотим построить в России современное общество, опирающееся на инициативу и творческую энергию свободных граждан. Общество, в котором нет места произволу и коррупции. Общество, которое гарантирует достаточную социальную защиту всем, кто в ней реально нуждается...

Ключевое слово в определении главной цели — *превращение*. В программе объемом 1 страница (!) слово «превращение» использовано 5 раз в отношении важнейших задач по преобразованию социально-экономической и политической действительности. Конкретные механизмы «превращения», так же, как «обеспечения» (12) и «формирования» (5), не упомянуты; единственным условием для них указан «приход к власти» в качестве «основной задачи партии». Частота употребления слова с «волшебной» модальностью оставляет текст в рамках чудесно-утопического. Объем и неконкретность текста, эмоциональное нагнетание в виде повторяющихся оборотов («Общество, которое...») позволяет квалифицировать его как *манифест*, хотя текст четко назван «*программой* политической партии». Неумение авторов текста отличить программу от манифеста заставляет усомниться в профессиональной компетентности и способности выполнить поставленные утопические задачи, особенно в отношении прав и свобод (для этого

нужна юридическая грамотность, которая отразилась бы и в тексте) и произвола (небрежность даже при составлении программы партии).

Пример 2. Программа ЛДПР (2001).

ЛДПР выступает за равноправие мужчин и женщин, улучшение их материального положения и повышение их социального статуса. Вместе с тем ЛДПР расценивает как глубоко ошибочное и вредное чрезмерное искусственное вовлечение женщин в экономическую и политическую жизнь, стирание граней между социальными функциями мужчины и женщины. И женщина, и мужчина должны выполнять свои исконные обязанности, определенные самой природой. Мужчина должен выполнять функцию основного кормильца семьи, а женщина - быть главным образом хранительницей домашнего очага и продолжательницей человеческого рода, хотя бы в молодом возрасте 16-36 лет.... При этом в нашем обществе не должно быть никаких ограничений для деловой и политической активности женщин. ЛДПР выступает за повышение роли отца в семье и тем самым за укрепление семьи и уменьшение числа разводов.

Налицо грубое совмещение либеральной и патриархальной риторики: тезису о равноправии мужчин и женщин противоречит предписание каждому ограничиться своими функциями. Причем «социальные функции», оказывается, «установлены самой природой». Наиболее яркую эмоциональную нагрузку — негативную — в данном тексте несет оценка активности женщины: «глубоко ошибочное и вредное чрезмерное искусственное». Повышение роли отца не ведет автоматически к уменьшению числа разводов, если только эта роль не будет строго патриархальна (тиран в семье), — о чем в тексте, конечно же, напрямую не говорится.

СОЛОПОВА Ольга Александровна

Челябинск, Россия

БУДУЩЕЕ «ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ» РОССИИ (на материале американско-британских СМИ)

Стремление нашей страны вернуть утраченные после распада СССР позиции в мировой политике, добиться усиления своей роли в глобальном развитии и восстановить статус мировой державы придает особую значимость фактору восприятия страны и ее вероятного будущего на международной арене.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Солопова О. А., 2011

Параметр «внешняя политика» является одним из базовых наряду с «внутренней политикой» при моделировании будущего России на базе когнитивно-дискурсивной матрицы. Главной идеей внешнеполитической деятельности России является многовекторная политика поддержания связей с различными государствами на всех континентах, что находит отражение в британо-американских СМИ, которые уделяют значительное внимание процессу налаживания диалога нашей страны с США, с азиатскими партнерами, со странами Европы, с государствами постсоветского пространства как факторам, обуславливающим краткосрочную и долгосрочную перспективу развития России.

При обращении к образу будущего России в британо-американских СМИ (2000—2011) составляющие параметра «внешняя политика» насчитывают 1132 контекста, что составляет 46,5 % от общего числа проанализированных единиц. Среди компонентов указанного параметра наиболее востребованным является подпараметр «отношения с США» (33,9 %). Наряду с данным подмножеством на передний план в качестве главных факторов, влияющих на формирование модели будущего страны, выдвигаются «отношения со странами Азии» (23,7 %), «отношения со странами Европы» (21,6 %), «отношения со странами ближнего зарубежья» (20,8 %).

В зависимости от конкретных текстов и дискурсивных факторов Россия на международной арене выступает в различных, порой абсолютно противоречивых будущих ролях:

- как государство с претензией на особую роль в мировой политике: *After nearly twenty years of struggling through evolution of a new format, **Russia** — with its modernization and expansion of its oil and gas industry — **is ready again to accept an international leadership role*** (The American Spectator, 10.30.09);

- как второстепенная региональная держава: ***Neither in Europe nor in Asia can Russia be a player without playing second fiddle to America, the EU, or China*** (The American Conservative, 05.09.2005);

- как аутсайдер в недалеком будущем: *The Kremlin needs to change fundamentally the way it defines Russia's relationship to the outside world. If this does not happen, **the Russians will be a lonely people and Moscow an isolated international actor in the new century*** (Global Politician, 06.03.2008).

Оценочная рамка модели будущего формируется богатым арсеналом языковых средств. Ядром оценочного аспекта является концептуальная метафора, продуцирующая образы «светлого» и «темного» будущего России. Наиболее востребованы при моделировании параметра «внешняя политика» метафорические модели со сферами-источниками «война», «театр», «игра», «путь». Прагматический

потенциал рассмотренных концептуальных метафор и соответствующих им сфер метафорического притяжения разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании будущего. Помимо метафоры к приемам выразительности, способствующим ее акцентированию и выдвигению на первый план прагматически значимой оценочной информации в рамках созданной когнитивно-дискурсивной модели будущего, относятся:

- темпоральный схематизм, включающий три составляющие: «сжатая ретроспекция»: тематика биполярной конфронтации времен холодной войны является лейтмотивом рассуждений журналистов-аналитиков о будущем внешней политики РФ; «событийное настоящее»; будущее, как правило, маркированное определенными временными рамками;

- высокая степень интертекстуальности модели: рецидивы мышления времен холодной войны актуализируют в британо-американских политических текстах прецедентные имена и события этой эпохи;

- частые повторы и варьирование определенных слов и сем;

- сравнения и контраст, помогающий представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту;

- использование прошедших видовременных форм английского языка при моделировании будущего России;

- использование модальных глаголов, модальных слов и косвенных наклонений как средств выражения гипотетичности;

- сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины и следствия;

- экспрессивные синтаксические средства: восклицательные предложения, вопросительные предложения, риторические вопросы.

Полученные в ходе исследования данные показали, что в политическом дискурсе британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза при моделировании параметра «внешняя политика» доминирует образ «темного» будущего, создание образа «светлого будущего» носит преимущественно окказиональный характер.

СТЕКSOBA Татьяна Ивановна

г. Новосибирск, Россия

МЕСТО РЕЧЕВОГО ЖАНРА ОБЕЩАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Речевой жанр обещания относится к императивным жанрам. Его главной особенностью является исполнительский характер, т. е. дающий обещание берет на себя добровольное обязательство сделать что-либо. Соответственно, говорящий должен быть в состоянии выполнить обязательство, неисполнимые обещания не имеют ценности. Как известно, предвыборная агитация очень часто базируется на обещаниях претендентов на власть народу. Ведь, согласно словарию Даля, обещать — внушать надежду на что-нибудь. Надежда и заставляет избирателей отдавать свои голоса за того, кто дал им обещание сделать что-либо в их интересах. Что же происходит с этим речевым жанром в речи тех, кто уже реально обладает властью? Самыми яркими обещаниями, которые давала власть, в памяти моего поколения являются обещание Хрущева (*Наши дети будут жить при коммунизме*), Горбачева (*К 2000 году каждая семья будет жить в отдельной квартире!* и *Искореним пьянство*) и обещание нынешней власти обеспечить каждого ветерана Великой Отечественной войны благоустроенным жильем. Но, как показала жизнь, ни одно из этих обещаний не было выполнено. Как видим, удостовериться в выполнении подобных обещаний очень легко. Факт их невыполнения очевиден и не требует доказательств. Вероятно, именно поэтому современные действующие политики реже дают опрометчивые обещания, а данный речевой жанр трансформируется в их политической риторике. Можно наметить несколько возможных трансформаций: **Смена объекта обещания**. На место конкретных обещаний, которые легко проверить, приходят обещания «идеологического» плана: *Мы непременно возьмем с собой в будущее всепоглощающую жажду социальной справедливости, вдохновившую наших дедов и отцов на великие свершения. Мы восстановим и укрепим дружбу братских народов, лежащую в основе могущества нашей Державы, закаленную в сражениях Великой Отечественной и преступно разрушенную могильщиками Советского Союза* (Г. Зюганов «Русский социализм — ответ на русский вопрос» 06.04. 2006 «Правда»). Причем, персональность говорящего заменяется на «размытое» *мы*, лишенное конкретики. Зюганов обещает не лично от себя, а от имени коммунистической партии, следовательно, исполнение обещания спросить не с кого.

Утрата исполнительского характера речевого жанра. При сохранении императивности речевой жанр теряет признак исполнительности. Можно выделить группы: с частичной утратой и с полной утратой данного признака. В обещаниях Д. Медведева наблюдается частичная обезличенность. Так, используя инфинитивную конструкцию с нулевой позицией субъекта: *Главный вывод: чтобы предотвратить дальнейшую деградацию коммунального хозяйства и одновременно повысить эффективность использования энергии в жилищно-коммунальный сектор, нужно активнее привлекать частный капитал.* Медведев дополняет ее личной конструкцией: *Необходимые поручения на эту тему я уже дал* (Д. Медведев. Послание президента Федеральному собранию. 30.11.2010). Отметим при этом, что Медведев берет на себя ответственность на раздачу поручений, а обязанность исполнения данного обещания перекладывается на других, опять-таки анонимных лиц. Ко второй группе отнесем те случаи, где при сохранении модальности долженствования, высказывания как бы совершенно «обезличиваются», указывается на необходимость выполнения какого-либо действия, но не называется предполагаемый исполнитель: *Во-первых, необходимо наладить постоянную и системную антикоррупционную экспертизу законодательства. ... Надо избавить правовое поле от пустых деклараций, от норм двойного толкования и внутренних противоречий...* (В. Путин. Выступление на заседании Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией 12.01.2004). Как видим, в инфинитивных конструкциях позиция субъекта вербально не выражена, исполнитель необходимого действия не назван, а, следовательно, не с кого потом спросить отчет о выполнении обещаний. К подобным результатам приводит и использование страдательных конструкций, где в фокусе внимания оказывается объект обещания, а не его исполнитель: *А бюджет и установленные законом внебюджетные фонды обязаны стать для власти единственной формой образования и распространения денежных средств* (В. Путин. Там же). **Трансформация речевого жанра «обещание» в речевой жанр лозунга.** Лозунг — это речевой жанр политической сферы, он представляет собой призыв или общую идею, связанную с актуальными проблемами социальной жизни. Утрата личной ответственности за исполнение обещаний приводит к тому, что жанр обещания в политическом дискурсе чаще всего заменяется жанром лозунга с семантикой **требования**: *КПРФ и все патриотические силы России требуют: пора остановиться и встать на позицию твердой защиты наших национальных интересов* (Г. А. Зюганов. Как вернуть России доверие и уважение международного сообщества. 06.09.2006); с семантикой **долгательства**: *Российская политика в отношении стран СНГ должна наконец обрести целенаправленный, системный характер* (там же).

Замена обещаний на самопрезентацию. *Коммунисты, безусловно, способны вытащить Россию и из нынешней волчьей ямы, куда ее ввергли кремлевские горе-политики. У КПРФ есть воля, убежденность, традиции, опыт и кадры, способные решать задачи такого масштаба. Под руководством коммунистов и в союзе со всеми здоровыми национально-патриотическими силами Россия может быть спасена от дальнейшего порабощения и поднята с колен (Г. А. Зюганов. Как вернуть России доверие и уважение международного сообщества. 06.09.2006).*

СТРОКИНА Любовь Владимировна

г. Петропавловск, Республика Казахстан

ЛИНГВИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЗАГОЛОВКА

Телевизионный заголовок, как и любой другой, выполняет три основные функции: номинативную, информативную и экспрессивную. Для полной реализации этих функций при создании телевизионного заголовка используются различные языковые и неязыковые средства.

Обращает на себя внимание графическое оформление названий телевизионных передач. Средствами создания телезаголовка становятся цифры, математические знаки и другие символы, нетранслированные элементы. Так, на североказахстанском канале «МТРК-REN-TV» в названии программ активно используются цифры: «24» (информационная программа), «36,6» (медицинская программа); математические знаки: «Недвижимость +» (рекламная программа); иноязычные элементы: «Планета hitov» (музыкальная программа).

Использование подобных средств отвечает требованию лаконичности, выражает информацию ярко и необычно, чем привлекает внимание зрителя.

Продуктивное языковое средство создания телезаголовка — языковая игра. Языковая игра может реализоваться, например, в авторском словообразовании. Используя различные словообразовательные модели, авторы создают весьма интересные названия. Так, заголовки телепередач «Смеходром», «Джазофрения» построены по модели исходных слов «аэродром», «шизофрения» с помощью замены первой части (изначально первого корня заимствованного слова) на новую. Способом сложения и наложения морфем образо-

вано название «Синемания» (синема + мания), суффиксальным способом — «Перепутывы острова» (по модели географического названия «Магеллановы острова»).

Большой интерес представляют заголовки, в основе которых лежат фразеологизмы в их широком понимании. Как известно, особенностью устойчивых сочетаний является воспроизводимость, и это их свойство в качестве готовой единицы идеально подходит для названий телепередач или отдельных видеосюжетов. Имеют значение также слитность компонентов и образность фразеологизмов. Это дает возможность широко использовать устойчивые сочетания в качестве телезаголовков, например: «Чистосердечное признание», «Свобода слова», «Служу Отчизне», «Что делать».

Активно функционируют в телезаголовках пословицы и поговорки. В передаче «Воскресное время» (апрель, 2007) в названии видеосюжета о политической обстановке во Франции накануне выборов была использована русская пословица «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (12 кандидатов — это вам не шуточки!).

«На вес золота» — так звучал в программе Петра Толстого заголовок видеосюжета, в котором речь шла о победе в музыкальном конкурсе «Евровидение» российской группы «Серебро». Но сближение слов «золото» и «серебро» в сознании русского человека рождает довольно прозрачные параллели: «Не все то золото, что блестит». Так что авторы программы «Воскресное время» не лишены чувства юмора и способности тонко выразить и иронию, и свое отношение к происходящему, и оценку.

Фразеологизмы представляют благодатный материал для языковой игры. Типичный способ — использование при создании телезаголовка лишь части фразеологизма, например: «Что хочет женщина» (первая часть фразеологизма «Что хочет женщина, того хочет Бог»); «За семью печатями» (конечная часть фразеологизма «Тайна за семью печатями»).

Интересные ассоциации рождаются и в том случае, когда используется часть пословицы или строчка популярной песни. «Готовь сани летом» (первая часть пословицы «Готовь сани летом, а телегу зимой») («Воскресное время», июль, 2007) — так назывался сюжет о презентации городов для проведения зимних олимпийских игр 2014-го года. О миллионных затратах России в очередном национальном проекте в связи с привлечением нанотехнологий рассказывалось в видеосюжете «И на первый взгляд как будто не видна...» («Воскресное время», апрель, 2007). Речь идет о микрочастицах, которые не видны невооруженным взглядом, но требуют очень солидных затрат из государственного бюджета.

Трансформироваться может лексический состав фразеологизма, при этом его значение остается близким к первоначальному: («Жест

доброй воли» — о глухослепом профессоре психологии, «Привет горячий» — о селевом потоке, уничтожившем знаменитую долину гейзеров), а может и измениться: «Партитуры не горят» (исходное выражение — «Рукописи не горят»), «Вся депутатская рать» («Вся королевская рать»); «Приказ до Киева доведет» — о приказе украинского экс-президента Ющенко ввести войска в Киев 27 мая 2007 года (исходное выражение — «Язык до Киева доведет»).

Часто авторы заменяют компоненты фразеологических единиц с целью коренного изменения их значения и создания острого смыслового или сатирического эффекта: «С олимпийским беспокойством» («Воскресное время», июль, 2007) (исходная фраза — «С олимпийским спокойствием»).

Преобразование устойчивых выражений в заголовках телепередач может заключаться в изменении грамматических форм их компонентов. При этом используются исходные выражения, хорошо известные русскому читателю, зрителю, слушателю: «Былое в Думе» («Воскресное время», июль, 2007); «Голос в Америке» («Воскресное время», июль, 2007); «Сектор невезения» («Воскресное время», июнь, 2007).

Когда-то Ленин назвал Льва Толстого «зеркалом русской революции». Насколько точно отражает программа Петра Толстого русскую политику, рассудит время, но совершенно очевидно, что в заголовках телепередач зеркально отражается языковая картина современности.

СУСПИЦЫНА Инесса Николаевна

г. Екатеринбург, Россия

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Многочисленные конфликты и конфликтные ситуации — реальность современного политического климата. Политическая наука значительное внимание уделяет поиску форм, методов, средств контроля за протеканием конфликта, выработке эффективных технологий управления им. Урегулирование политического конфликта предполагает снятие остроты противоборства сторон с целью избегания негативных последствий конфликта. И в качестве одного из средств урегулирования политических конфликтов можно рассматривать речевой этикет, поскольку использование формул речевого этикета помогает создать благоприятную эмоциональную обстановку, ис-

ключает состояние коммуникативного дискомфорта у собеседников, способствует улучшению межличностных отношений.

Среди этикетных жанров, востребованных в качестве средств урегулирования политических конфликтов, выступают извинение, благодарность и комплимент.

Для этикетного речевого жанра извинения характерно следующее: адресат оценивает поведение говорящего как отрицательное и предполагает, что другой участник ситуации ответственен за его отрицательное состояние. Согласно этикету, говорящий, ставший инициатором негативного действия, должен извиниться. Речевой акт извинения в политическом дискурсе может выражаться прямо (эксплицитно) и косвенно. Прямая реализация наблюдается прежде всего при использовании глаголов «извинять/ся, извинить/ся» и «просить (прощения/извинения.) Косвенно извинение может быть выражено через признание субъектом собственной ответственности и вины, предложением компенсировать ущерб, названием обстоятельства, вызвавшего отрицательную оценку. Явное название обстоятельства, вызвавшего отрицательную оценку, может подготавливать извинение или сделать его излишним, но может и само выполнять роль извинения. В нашем материале отмечены следующие модели признания вины: негативная оценка говорящим самого себя и/или своего поступка; выражение раскаяния; подтверждение того, что существует причина для раздражения адресата; предложения говорящего компенсировать ущерб материально или улучшить свои моральные качества — стратегии, облегчающие адресату принятие обвинения, которому они сопутствуют. Такие предложения предполагают, что говорящий обязывается совершить некоторое действие в будущем.

Извинение занимает важное место в урегулировании конфликтных политических ситуаций. Этот этикетный жанр напрямую не относится ни к решению проблемы, ни к процедуре посредничества. Однако это определенный ритуал, обычно обоюдный, направленный на восстановление репутации, поэтому извинения могут служить хорошей основой для дальнейшей неконфликтной работы.

Коммуникативная цель благодарности как этикетного жанра состоит в создании комфортного, гармоничного общения. В политическом дискурсе благодарность используется в качестве способа создания политического имиджа; как средство отражения эмоционального состояния говорящего, с одной стороны, и как средство воздействия на эмоциональное состояние адресата, с другой; в роли рациональной оценки ситуации.

Комплимент как жанр речевого этикета включает в себе разнообразные функции, его употребление способствует установлению и налаживанию контакта, создает доверительную атмосферу общения.

Поэтому использование как *прямых*, так и *косвенных* комплиментов в ситуации политического конфликта способствует сглаживанию конфронтации через улучшение эмоционального состояния адресата и повышение его самооценки.

Эвфемизмы рассматриваются нами как инструмент урегулирования политических конфликтов. Основной функцией эвфемизмов в дипломатии является придание корректности словам. Языковая тенденция, названная политической корректностью, требует использование положительных эвфемизмов и «выброса» из языка всех тех языковых единиц, которые задевают чувства и достоинство индивидуума. Эвфемизмы, используемые в политическом дискурсе, представлены в следующих тематических группах: а) военные действия б) социальные пороки (пьянство, наркомания, проституция, преступность (в том числе экономическая), ложь; в) финансовые трудности, кризис, бедность; г) непрестижные профессии. Большинство коммуникативных задач, с которыми имеют дело дипломаты и политики, нельзя решить, пользуясь только прямыми номинациями. Для того чтобы народ легче мирился с тяготами войн, экономическими трудностями в стране, и прочими внешнеполитическими и внутривнутриполитическими проблемами, правительство нуждается в эвфемистических заменах.

Итак, жанры и формулы речевого этикета занимают значимое место в политических конфликтах: зачастую лакируя действительность, они способствуют снятию напряжения в обществе.

ТЕРСКИХ Марина Викторовна

Омск, Россия

СОВЕТСКИЕ ИНДЕКСЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ: МОДИФИКАЦИИ И ФУНКЦИИ

Высокая интенсивность интермедиальных и интердискурсивных проявлений в современной медиакоммуникации уже не вызывает сомнения. При этом интердискурсивность, предстающая в самом общем виде как комбинация дискурсов разного типа, обнаруживает себя, в частности, через актуализацию различных маркеров инодискурсивных смыслов.

Одно из заметных проявлений интердискурсивности в современном медиадискурсе — обращение к преконструкциям советской эпохи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Терских М. В., 2011

при разработке рекламных сообщений разных форм и жанров: популярность советской символики в рекламном дискурсе с годами не уменьшается.

Определим дискурс советского периода как особую семиотическую систему, набор культурологических кодов на разных уровнях (вербальном, визуальном, аудиальном), отсылающих к культуре советского времени. Очевидно при этом, что элементы «советского», попадая в новую дискурсивную среду, трансформируются, сохраняя, однако, черты инодискурсивности.

Среди наиболее частотных форм апелляции к советскому прошлому можно отметить следующие:

1) использование лозунгов советского периода в каноническом или трансформированном виде;

2) обращение к рекламным элементам советского дискурса, в том числе трансформация слоганов, созданных «главным рекламистом» советского периода — В. Маяковским;

3) воссоздание в рекламных сообщениях стилистики сатирических текстов советского периода, в частности, произведений «Окон РОСТА»: использование языковых форм и визуального ряда в каноническом или измененном виде, расположение текста на странице в виде знаменитой «лесенки» В. Маяковского;

4) графическое и шрифтовое оформление рекламного сообщения: заметные издавна рубленые шрифты, крупные буквы заголовков со шрифтовой стилизацией и т. п.;

5) использование цветовой символики советского периода: сигнального красного цвета, сочетания красно-черного и красно-белого цветов;

6) обращение к значимым символам советской эпохи: пятиконечным красным и золотым звездам, гербу СССР, серпу, молоту и т. п.;

7) апелляция к знаковым фигурам советского прошлого (изображение В.И. Ленина и других представителей советской эпохи);

8) использование в качестве визуального ряда знаковых произведений советского периода (например, таких популярных визуальных прототекстов, как памятник работы В. Мухиной «Рабочий и колхозница», плакат Д. С. Моора «Ты записался добровольцем» и др.).

Как известно, базовой задачей рекламиста, своего рода главным аттрактором в рекламной деятельности является продвижение продукта, привлечение представителей целевой аудитории к процессу потребления. Следовательно, использование всех элементов, конституирующих рекламное сообщение, должно определяться понятием эффективности. Ключевым в связи с этим представляется ответ на вопрос: какова роль семиотики советского в современной рекламной коммуникации, за счет чего преконструкты советского дис-

курса способны увеличить воздействующий потенциал рекламного текста? Выделим наиболее очевидные функции советских индексов в современной рекламе.

Первая функция, выполняемая преконструктами советского периода, может быть обозначена как *делимитативная* (реализуется деление общей аудитории на «своих» и «чужих», в частности, осуществляется апелляция к памяти и патриотическим чувствам пожилых людей).

Довольно часто элементы советского дискурса используются в рекламе исключительно с целью привлечения внимания (нет связи между продуктом и тем историческим периодом, к которому отсылает прототекст, нет обращения к определенному целевому сегменту и т.п.). В этом случае можно говорить об *аттрактивной функции* (хорошо известные культурные знаки в новом — зачастую неожиданном — контексте неизбежно привлекают внимание).

Кроме того, достаточно очевидным представляется использование советских индексов с целью апелляции к авторитету (*персуазивная функция*). Использование советских семиотических кодов в этом случае выступает в качестве доказательства стабильности.

Еще одна функция, которую позволил выявить анализ рекламных сообщений, базирующихся на советских преконструктах, - *игровая (людическая)*. Создатели рекламных текстов часто прибегают к приемам языковой игры, что позволяет подать информацию в компрессионном виде; создать оригинальный рекламный текст, привлекающий к себе внимание читателей и зрителей; ввести юмор в рекламу и т. п.

В заключение подчеркнем, что элементы советского дискурса, служащие базой для рекламного сообщения, могут выполнять одновременно несколько функций, одна из которых будет ведущей. При этом предложенная классификация не претендует на законченность: вполне возможным представляется выделение дополнительных (частных) функций.

ТИХОВСКАЯ Ольга Александровна

Кишинев, Республика Молдова

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ

В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

**(на примере выступлений В. Н. Воронина, председателя
Партии коммунистов и третьего президента Республики
Молдова)**

Политический дискурс является ведущим компонентом в современном коммуникативном пространстве Республики Молдова, поскольку парламентский кризис 2009 года перерос в общенациональный. Усугубляя кризис гражданской идентичности, нынешние власти проводят политику румынизации и демонтажа институтов молдавской государственности с целью создания «второго румынского государства» и последующего присоединения к Румынии. В связи с этим современная политическая коммуникация в исторически полиэтнической Молдове представляет определенный исследовательский интерес.

Хронологические рамки основных этапов новейшей политической истории Молдовы для нашего исследования можно определить следующим образом:

1) август 1991 — февраль 2001 гг. (от создания независимой Республики Молдова и до ухода из власти «аграриев», партий ультранационалистического направления);

2) апрель 2001 — апрель 2009 гг. (от прихода к власти «государственников», Партии коммунистов — до начала нынешнего политического кризиса);

3) сентябрь 2009 — 2011 гг. (от прихода к власти прорумынского Альянса «За европейскую интеграцию» и продолжения кризиса — по настоящее время).

Цель данного сообщения — представить результаты исследования корпуса текстов, связанных с деятельностью лидера Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), перешедшей в оппозицию после восьми лет правления страной. Третий президент Республики Молдова (2001—2005 гг.; 2005—2009 гг.) Владимир Николаевич Воронин возглавляет ПКРМ с момента ее создания в декабре 1993 года.

Поскольку дискурсивный подход является для нас основополагающим, мы анализируем политический текст как динамическое единство и рассматриваем его в контексте политической коммуникации, где текст — не самоцель, а лишь одно из средств борьбы за власть. Политический текст функционирует в диалоге/полилоге с особым распределением ролей и специфическими манипулятивными задачами.

Корпус текстов В. Н. Воронина, насколько нам известно, до настоящего времени не был объектом лингвистического исследования. Поскольку авторство политического деятеля высшего ранга не бывает исключительно индивидуальным, мы допускаем, что вклад референтов в создание текстов может быть значительным. Однако сопоставительное изучение официальных выступлений и материалов бесед, интервью, пресс-конференций, видеозаписей позволяет реконструировать индивидуальный речевой портрет, соотносимый с языковой личностью и публичным образом В. Н. Воронина, одного из старейших активных политиков Молдавии. Языковая личность В. Н. Воронина развивалась в условиях молдавско-русского билингвизма. Система ценностей, риторическая культура этого политика формировались в русле его управленческой и партийной карьеры в советскую эпоху.

На первом этапе исследования для реконструкции речевого портрета были отобраны наиболее частотные идеологические клише, современные термины, окказиональные словоупотребления, контекстуальные метафоры. Наибольшая концентрация клише, экспрессивных тропов, фразеологизмов наблюдается в тех выступлениях, которые обращены к партийной аудитории. Например, *«Они тоскуют по тому своему „золотому веку“, когда в „мутной воде“ тогдашнего десятилетнего кризиса они безраздельно правили нашим несчастным народом, уничтожали самые основы его развития, лишали его самой ничтожной надежды на справедливость и лучшее будущее»*.

Среди наиболее частотных — метафоры, соотносимые со сферами повышенной агрессии, нестабильности, непредсказуемости. *«Война»*: *«Этими своими мерами государство практически проинвестировало нашу экономику, создало мощный антикризисный плацдарм»*; *«С сегодняшнего дня эта пауза прекращается. Мы переходим в информационное наступление»*. *«Катастрофа/стихия»*: *«<...>уезжают из Молдовы, оставляя у себя за спиной неутихающий пожар коррупции, пепелище произвола и нищеты»*. *«Болезнь/медицина»*: *«Молдове была нужна своеобразная политическая терапия, а не новый виток внутривнутриполитической борьбы»*; *«Ваш выбор — настоящий аванс для всех патриотов нашей страны, для всех тех, кто не желает едва ожившую страну вновь увидеть доведенной до состояния клинической смерти»*.

Второй этап исследования — сопоставительное изучение текстов, опубликованных в период правления ПКРМ и период ухода в оппозицию. В новой политической реальности борьба за власть является особенно напряженной, поскольку речь идет не только об успехе той или иной партии. Речь идет о судьбе независимого молдавского государства. В насыщенном политическими баталиями 2009

году выступления В. Н. Воронина содержат жесткие характеристики политических оппонентов. Часто используются аллюзии, клише, идиомы, типичные для неформального, сниженного стиля: *«Играть по их правилам мы не будем, и легализовывать эту самопровозглашенную шарашкину контору нельзя»*; *«И если бы не было рядом с ними иностранных пастухов с хлыстами из западных посольств, то эта коалиция развалилась бы уже после третьей совместной пьянки»*.

В целом язык текстов В. Н. Воронина становится более директивным, насыщенным экспрессивными тропами, новыми контекстуальными метафорами, аллюзиями (*«вирус агрессии „7 апреля“*», *«грохот тамтамов и бубнов холодной войны»*, *«бухарестские лекала»*, *«интересы ректоров, носящих партийные шарфики»*). Примером изменений речевых стратегий, соотносимых с переменами в политической реальности, служит выступление 30 мая 2011 г. в Академии наук Молдовы под заголовком *«Академию наук превращают в штаб национальной измены, предательства будущего страны»*. При сопоставлении этого текста с речью на заседании Ассамблеи Академии наук Молдовы 12 июня 2006 г. *«Академия наук как интеллектуальный штаб страны»* можно сделать выводы о динамике диалога между политиком и конкретной адресной аудиторией, о новых политических задачах.

Наряду с частотными метафорами из сферы «Война» наблюдается активное употребление прецедентных имен, интертекстом, связанных с наиболее характерными элементами когнитивной составляющей молдавской идентичности. «Дом», «Родина», «Память» — эти ключевые концепты реализуются в сочетании с актуализацией концепта «Победа», получающего политическую, историческую, национально-патриотическую и культурную интерпретацию. (*«Защитим нашу Родину!»*; *«Молдова выбирает Победу!»*; *«всем миром, всей страной возрождали наши общенациональные святыни — Кэприяну, Курки, „Етернитате“, Шерпены и тысячи других мест нашей национальной памяти, веры и славы»*).

Таким образом, речевой портрет лидера оппозиции В. Н. Воронина в период общенационального кризиса отражает конфликтные доминанты политической борьбы и проблематику, находящую отклик у основной части электората.

СЕМАНТИКА ПРЕВОСХОДСТВА В ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одним из юридически значимых признаков экстремистских материалов, зафиксированных федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» и статьями Уголовного кодекса, предусматривающими ответственность за проявление экстремизма, является пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Несмотря на то, что и в юридической практике, и в лингвистике отсутствует однозначное определение «экстремистского текста» и не создана методика установления признаков вербального экстремизма, наличие высказываний, в которых выражается идея исключительности, превосходства или неполноценности человека, является диагностирующим критерием при квалификации экстремистских материалов.

Как известно, в языке семантика превосходства выражается в первую очередь суперлативными и элативными значениями превосходной степени, однако в дискурсе, особенно в оппозиционной прессе и в сфере электронной коммуникации, арсенал средств выражения этой семантики достаточно разнообразен и не ограничивается лишь названной грамматической формой.

Превосходство предполагает противопоставление одной группы лиц другой по какому-либо признаку и, следовательно, контрастивную оценку этих групп. Речевая стратегия противопоставления реализуется с помощью двух типов субъектов: 1) противник (блок «они»), к которому устремлены обвинения; 2) сторонник (блок «мы»), к которому чаще всего обращаются с призывом объединяться. Например: *«...против России, против Русского Народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Люди «кремлевской национальности» объявили России войну на уничтожение»* ^[1]. В приведенном фрагменте выделяется оппозиция: власть (для ее обозначения использован перифраз люди «кремлевской национальности») — русский народ. Отношения между членами оппозиции изображаются посредством метафоры войны и военных действий. При этом для представления образа противника в текстах используется стратегия дискредитации, создаваемая в первую очередь пейоративной лексикой, например, *«чиновничество превратилось в упырей», «стражи*

порядка с рожами и мозгами дебилов». Образ сторонников окружен романтическим ореолом героев, борцов за справедливость, поэтому в текстах реализована стратегия героизации выбранного пути, например: *«Только сами, только вместе. Объединяясь, помогая друг другу без корысти и платы, мы сможем выжить и продолжить свой род. Другого пути просто нет»*; *«Еще один рывок вперед, и мы уже достигли цели, пускай последний вздох, нас родина зовет»*. Основанием противопоставления часто становятся морально-этические, социальные, гуманистические ценности, например: *«„Высшие“ расы создают — „низшие“ уничтожают»*, *«Только нордическую расу увлекла физика космоса, остальным вполне хватало метафизических рассуждений о нем»*.

Результатом противопоставления становится выделение одной группы (расы, нации, религии) как превосходящей все другие, исключительной в том или ином отношении, например: *«...Ислам не является одной из многих религий, это — единственная политическая программа, направленная на противодействие мировому злу»*, *«... наша главная цель предельно ясна — создание новой **сверхсвершенной** белой расы»*. При отсутствии форм превосходной степени прилагательных в приведенных примерах выражено суперлативное значение.

В ряде случаев авторы текстов пишут о представителях других групп иронически или снисходительно, например: *«Есть среди коренных жителей Таймыра хорошие люди, но это все как-то не то»*. При этом в текстах могут воспроизводиться различного рода стереотипы и предрассудки: *«При этом якуты размножаются с какой-то поистине страшной силой. Когда спрашиваешь: „А что ж так много?“, — отвечают: „А что ж еще зимой делать?!“*». В последнем примере содержится имплицитное противопоставление «цивилизованного» человека, к которым автор относит себя, и якутов как «природных» людей.

Переоценка собственной группы, то есть той, к которой относят себя авторы текстов, выходит за рамки самоидентификации. Следствием данного факта является то, что в социальной психологии определяется как гиперидентичность (этноцентризм, национальный фанатизм), которая обнаруживается, к примеру, в таких фрагментах: *«В России должны править русские в интересах и русского народа, и других коренных народов России!»*. При отсутствии словесно выраженного противопоставления (второй элемент противопоставления — *нерусские* — не назван) идея превосходства создается с помощью предположно-падежной конструкции *«в интересах и русского народа, и других коренных народов России!»*, определяющей то, что все остальные нации и народы по умолчанию будут правителями худшими, чем русские.

Таким образом, анализ семантики превосходства в современном политическом дискурсе может оказаться полезным при установлении экстремистского характера текста.

Примечание

[1]. В качестве иллюстраций приведены контексты из различных информационных материалов (региональных газет, электронных изданий, брошюр, книг), которые становились объектом лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму.

ЦОНЕВА Лиляна Михайловна

г. Велико-Тырново, Болгария

МЕТАФОРА В БОЛГАРСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора как средство концептуализации действительности, обладающее ярким прагматическим потенциалом, занимает важное место в болгарском политическом медиадискурсе.

Анализ метафорических употреблений в медиатекстах, опубликованных в болгарских печатных СМИ в 2000—2011 гг., позволяет выявить основные метафорические модели, которыми осмысляются и оцениваются политические реалии. Основу болгарской политической метафорики начала XXI века формируют четыре основные группы моделей, выделенные на базе сфер-источников метафорического переноса: социоморфные метафоры («Театр», «Финансы», «Война», «Спорт»), антропоморфные («Болезнь», «Семья»), артефактные («Кулинария», «Транспорт», «Дом»), природоморфные («Животные», «Природные бедствия»). В системе политических метафор проявляются как тенденция к традиционности, к сохранению активных и ранее моделей, так и тенденция к их обновлению, к активизации некоторых из них, к расширению сфер, являющихся мишенью метафорической экспансии.

В рамках указанного периода можно обособить и сравнительно короткие периоды, отмеченные важными общественно-политическими событиями, которые можно определить как “метафорические бури”, сменяющиеся периодами “метафорического затишья” (А. П. Чудинов). Один из них — период парламентских выборов в 2009 г., протекающих на фоне финансового кризиса, когда не только активизируется употребление некоторых моделей или их фреймов («Болезнь», «Война», «Финансы», «Природное бедствие»), но и

появляются новые яркие метафорические единицы (сначала, как правило, в речи политических субъектов).

Болгарская политическая метафора обладает как универсальными чертами, характерными для политического интердискурса, так и специфическими, национально-культурными особенностями, обусловленными национальной ментальностью, а также разными факторами социально-исторического характера. Национально-культурная специфика метафор проявляется в самом существовании определенных моделей, в их частотности, их богатой структурированности, а также в их прагматическом потенциале. Так, в болгарском политическом дискурсе не актуальны метафоры из понятийных областей «Криминал», «Монархия», занимающие важное место, например, в русском политическом дискурсе. Наоборот, другие модели («Финансы», «Транспорт», «Кулинария», «Животные»). можно определить как важное средство для осмысления и оценки общественно-политической жизни страны. В связи с этим считается перспективным сопоставительное исследование системы болгарских политических метафор с соответствующими системами в других языках, прежде всего генетически родственных славянских и балканских языках.

ЦУЦИЕВА Мария Геннадьевна

г. Санкт-Петербург, Россия

ДИСКУРС ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Междисциплинарность гуманитарных наук обусловила переориентацию задач лингвистики текста и встраивание ее в дискурс-анализ. Понятие «дискурс» занимает особую позицию в современном гуманитарном знании. С одной стороны, дискурс можно рассматривать как текст/тексты в неразрывной связи с ситуативным контекстом. С другой стороны, в зависимости от исследовательских задач, дискурс обозначает какое-либо отдельное конкретное коммуникативное событие или подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определенных коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов [Чернявская 2009: 143-147]. И, наконец, дискурс можно рассматривать как сумму высказываний, отражающих уровень организации человека как языковой личности. Антропоцентризм как ведущий принцип современной лингвистической парадиг-

мы обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели [Кубрякова 1995: 95]. Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность [Воркачев 2001: 64—72]. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике тесно связано с именем Ю. Н. Караулова. Под языковой личностью он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)», различающихся степенью структурно — языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной языковой направленностью. Исходным параметром в описании языковой личности является порождаемый текст, проявляющий вербально-семантический уровень — владение языком, когнитивный — фиксация мировоззренческого параметра и мотивационный (прагматический), выявляющий цели, мотивы, интересы, проявленные в речевой деятельности [Караулов 2007: 35—48]. Языковая способность определяется на основе анализа произведенных текстов, фиксирующих представления о языке и функционировании его единиц, и оценивается по факту готовности и возможности создавать и воспринимать произведения речи [Богин 1982: 5]. Дискурс дает возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет себя в дискурсивных действиях [Шаховский 1998: 43-47]. Язык в дискурсе действует как когнитивная система, в которой человек участвует как языковая личность, трансформирующаяся в дискурсивную личность [Синельникова 2010: 41—51]. Изучение дискурсивной деятельности в самых разных ее проявлениях позволяет рассматривать используемые носителями языка в процессе коммуникации языковые средства и стратегии как способ реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценностные ориентации. Изучение политического дискурса как одного из наиболее актуальных объектов современных исследований связано с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях. При характеристике политического деятеля как языковой личности, учитывается, например, такое его качество как толерантность. Толерантность многофункциональна, и поэтому ее рассмотрение с политических позиций вполне закономерно. В политическом дискурсе языковую личность также характе-

ризуют коммуникативные стратегии, которые представляют собой план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые, в свою очередь, обуславливают не только внешнюю и внутреннюю структуру текста, но и использование определенных языковых средств. Вышеперечисленные аспекты, представляют собой реализацию интенции самого говорящего в политическом дискурсе и, в значительной степени, характеризуют его как языковую личность.

Литература

Богин, Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. — М., 1982.

Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 6-е. — М. : ЛКИ, 2007.

Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (Опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. акад. Ю. С. Степанова. — М., 1995. — С. 95.

Синельникова, Л. Н. Дискурсивная личность как предмет и объект социолингвистики / Л. Н. Синельникова // ЛІНГВІСТИКА : збірник наукових праць. — Луганськ : ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2010. — № 3 (21). — Ч. 2. С. 41—51.

Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений по направлению 050300 «Филологическое образование» / В. Е. Чернявская. — [Б. м. : б. и.], 2009. — С. 143—147.

Шаховский, В. И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филол. науки. — 1998. — № 2. — С. 43—47.

ЦЫГАНКОВА Анна Владиславовна

г. Екатеринбург, Россия

ЗООНИМНЫЕ МЕТАФОРЫ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В русском национальном сознании важным источником концептуализации общественной жизни издавна была сфера живой природы, в том числе мир животных. Люди воспринимали себя как часть природы, искали в ней образцы для осмысления окружающей действительности и своего отношения к ней. С этой точки зрения очень показательны следующие метафоры, созданные в рамках классической русской литературы.

Дверь тихонько отворяется, и в комнату несмело заглядывают лисьи глазки небольшого лысого человечка (И. Бунин). *Рядом за столиком проезжий лиховский обыватель пощипывает козлиную бородашку и распевает на манер дьячка* (А. Белый).

Как отмечает А. Н. Баранов, для трансформации общественного сознания после октября 1917 г. была предпринята «попытка совмещения органистического способа мышления (представленного метафорами организма, растения, дерева, человека), которое имело глубокие корни в русском социуме, с механистическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах механизма, строительства, мотора и пр.» [Баранов, Караулов 1991: 186]. И действительно, в двадцатые — пятидесятые годы прошлого века метафоры из мира живой природы действительно стали менее распространенными, как показал А. П. Чудинов, их в значительной степени потеснили образы, связанные с техникой и войной [Чудинов 2001]. Однако традиции органистического мышления живы и в современном российском сознании, хотя на каждом новом этапе общественного развития древние модели разветвляются в соответствии с «духом времени». Значимость органистической метафоры особенно велика в текстах с установкой на фундаментальные национальные ценности, на возвращение «к истокам». Показательно, что при сопоставлении многозначности в разговорной, художественной и политической речи [Илюхина, 1998; Колотнина, 2001; Складневская, 1993; Цыганкова 1998, Чудинов 2003 и др.] обнаруживаются существенные различия. В политической коммуникации особенно бурным цветом зооморфная метафора расцвела в период перестройки. Как отмечает А. П. Чудинов, в последнее десятилетие двадцатого века наблюдалось активное развитие концептуальной метафоры **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО** (мир животных), причем это развитие происходит асимметрично: одни образы и свя-

занные с ними эмотивные смыслы оказываются чрезвычайно актуальными, а другие — надолго «остаются в запасе» [Чудинов 2001].

В современной массовой коммуникации продолжается экспансия зооморфных образов. Наиболее активными в этом отношении оказываются следующие фреймы-источники.

1. Фрейм «Состав царства животных».
2. Фрейм «Объединения животных и иерархические отношения в них».
3. Фрейм «Действия животных».
4. Фрейм «Обращение с животными».

ЧИСТОВА Софья Сергеевна

г. Нижний Тагил, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Неоспоримым является факт высокого оценочного потенциала прецедентных феноменов (Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская, В. Л. Шевченко, Е.А. Нахимова и др.): «Прецедентные феномены обладают способностью выступать как средства коммуникативного воздействия также благодаря своей аксиологичности, наличию «шкалы оценок» в инварианте восприятия» [Сорокин 1998: 33]. Особенно интенсивно оценочная функция прецедентных феноменов проявляется в политической коммуникации. Рассмотрим реализацию этой функции в статье Мэттью Нормана «In the interests of his party, Clegg must walk the plank» [The Independent 2011, 11 May], которая посвящена оценке действий британского политика, лидера партии либерал-демократов Ника Клегга, подвергшего жесткой критике членами своей партии за коалицию с партией Тори и ряд недалёковидных, по их мнению, политических решений.

В статье разворачиваются два основных прецедентных феномена — прецедентная ситуация гибели парохода «Титаник» и прецедентный текст — сказка «Красная Шапочка». Оба прецедентных феномена в данном случае несут отрицательную оценку политического лидера. Так, решение о коалиции с партией консерваторов, принятое Ником Клеггом, рассматривается как спасение Титаником: *«we find ourselves gazing with pity upon a candidate for the title of World's Unluckiest Man. For a century that honour belonged to the fellow who was drowning at sea when he was rescued by a ship. **The Titanic.** Just time for a wash and shave, and straight back down he went. It has*

been an eerily similar story for the new WUM, Nick Clegg». Тем самым, несмотря на то, что у Клега не было другого выбора («*For reasons long familiar <...> he had absolutely no choice*»), журналист подчеркивает недальновидность принятого решения, которое было заведомо гибельным для политического лидера.

Данный прецедентный феномен является частью морской метафоры, которая разворачивается на протяжении почти всего текста публикации: «*It is very much in his interests that Mr. Clegg remains on board as ballast against the Leviathan of neanderthal right-wingery slowly unfurling its tentacles on the back benches. It is absolutely in the interests of Liberal Democracy, however, that Mr. Clegg goes overboard. Ideally he would accept the futility of his position and walk the plank*». Таким образом, создается атмосфера казни на средневековом пиратском судне, когда преступник должен был идти по краю бортовой обшивки корабля с завязанными глазами до тех пор, пока не упадет в воду. При помощи этой метафоры автор стремится, очевидно, создать у читателя образ безжалостного политического мира, где любой проступок жестоко наказывается.

Другим прецедентным феноменом, разворачиваемым в тексте, является сказка «Красная Шапочка». Ник Клега и Дэвид Кэмерон (премьер-министр, лидер партии Тори) позиционируются в качестве персонажей этой сказки — Клега — «Little Orange Riding Hood», Кэмерон — Волк («a lupine David Cameron»): «*Revisionists will soon dispute this, arguing that **Little Orange Riding Hood** skipped girlishly into the trap without noticing that, beneath the bonnet, **a lupine David Cameron had exceedingly sharp teeth and a chin drenched in drool***», «*There he did saunter naively into bed with **the wolf***». В данном случае создается образ мистера Клега как наивного ребенка, которого легко обмануть внешним видом, который не обладает прозорливостью и умением смотреть глубже. Несмотря на то, что сам по себе образ Красной Шапочки отрицательным не является, данный прецедентный феномен обладает дифференциальным признаком «наивность, которая привела к трагедии», что является отрицательной оценкой в случае с политическим лидером. Также в публикации присутствует прецедентная ситуация падения Икара: «*His **Icarus-style** descent isn't fair. One of the good guys, he doesn't deserve the unthinking demonisation in which too many of us have lazily indulged*». Сравнение Ника Клега с Икаром также не является положительной оценкой политика, поскольку позиционирует его как человека, не знающего меры, неосторожно принимающего слишком смелые, даже безрассудные решения, что также влечет за собой трагедию.

Рассмотренные прецедентные феномены обладают, на наш взгляд, одним общим дифференциальным признаком — недальновидность, наивность, которая приводит к печальным последствиям.

Несмотря на то, что журналист старается оправдать действия политика: «*one of the good guys*», «*he had absolutely no choice*», «*Mr. Clegg could do nothing else*», «*he is a very bright chap*», «*It didn't matter an iota whether his subsequent disasters were due to rank incompetence, sheer misfortune or forces entirely beyond his control. He took the hit for each and every one*», общий тон статьи пронизан жалостью, а прецедентные феномены создают противоположный образ политика, который привел свою партию к провалу своими неосторожными, недальновидными и иногда наивными действиями.

Употребление достаточно большого количества развернутых прецедентных феноменов (близких к прецедентной парадигме [Немирова 2003: 153]) в тексте статьи свидетельствует о высокой степени интертекстуальности политического дискурса, что имеет весьма конкретную цель — воздействовать на адресата при помощи создания той или иной оценки политического события или лидера.

Литература

Сорокин, Ю. А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : Филология, 1998. — Вып. 4. — С. 5—34.

Немирова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н. В. Немирова // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2003. — Т. 11.

ЧУДАКОВА Наилия Муллахметовна

г. Нижний Тагил, Россия

АВГУСТ 1991-ГО: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

19 августа этого года исполнилось двадцать лет августовскому путчу. Попытка ряда первых лиц СССР, образовавших Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), не допустить развала Советского Союза, имела обратный эффект. На обломках советской империи образовалось множество независимых государств, каждое из которых выбрало свой путь развития.

Эффективным инструментом для постижения и оценки того, что происходило с нашим обществом в тот период, становится политическая метафора: «В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средство воздействия на социальное сознание» [Будаев, Чудинов 2010: 30].

В основе специфической роли, которую играет политическая метафора в общественно-политической жизни, лежит соотношение метафорического объекта и метафорического образа: это могут быть прямо противоположные точки. Так, например, если «Большой энциклопедический словарь» определяет августовский путч 19 — 21 августа 1991 года как попытку антиконституционного переворота, осуществлявшуюся консервативным крылом руководства СССР и КПСС [Большой энциклопедический словарь 1999—2000], то для осмысления ситуации августа 1991 года интернет-дискурс в августе 2011 года актуализирует знания из самых разных сфер-источников. В создании метафорических образов участвуют:

– метафоры *техногенных катастроф*: ПУТЧ 1991 — это ЧЕРНО-БЫЛЬ (*Путч 1991 года стал политическим Чернобылем советской тоталитарной системы* Г. Бурбулис: [http](http://)) — акцентируются семы «трагедия», «катастрофа»;

– *милитарные* метафоры: ПУТЧ 1991 — это РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА (*...в некотором смысле события 1991 года можно назвать жесточайшей религиозной войной* Г. Бурбулис: [http](http://)) — акцентируются семы «страх», «страдания», «смерть», «насилие», «горе»;

– метафоры *боев без правил*: ПУТЧ 1991 — это ДРАКА (*Стародубцев также разубеждает, что СССР был потерян в результате «драки Горбачева с Ельциным»; Сейчас 43% россиян, по опросам социологов, считают, что путч был всего лишь банальной дракой в верхах за власть* [http](http://)) — акцентируются семы «агрессия», «бесмысленность»;

– *театральные* метафоры: ПУТЧ 1991 — это СПЕКТАКЛЬ (*Началось все красиво, но из-за нерешительности высшего руководства ГКЧП превратился в спектакль* Вл. Жириновский: [http](http://); *У меня уверенность на 90%, что ГКЧП — часть спектакля. Ни одной серьезной фигуры и слишком много деталей, указывающих на инсценировку* [http](http://));

– *морбиальные* метафоры: ГКЧП — это АГОНИЯ (*Одни считают сам факт создания Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) агонией режима* Н. Серова: [http](http://); *Заговор провалился, но даже если бы тогда власть осталась у путчистов, вряд ли они смогли сохранить страну — лишь продлить агонию* <http://www.ntv.ru/novosti>; *Путч — это была последняя импульсивная реакция, но она была провальна* И. Бунин: [http](http://)) — акцентируется сема «смерть»;

– *сказочные* метафоры: ГКЧП — это ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ (*ГКЧП было змеем об очень многих головах, и эти головы сами себя грызли* А. Невзоров) — акцентируются семы «зло», «насилие»;

– *механистические* метафоры: СССР В АВГУСТЕ 1991 — это БЕЗНАДЕЖНО СЛОМАННЫЙ МЕХАНИЗМ, а ГКЧП — это НАРОДНЫЙ УМЕ-

ЛЕЦ (*Чрезвычайный комитет пытался **закрутить гайки у безнадежно сломанного механизма**; ...Они, вероятно, думали, что можно остановить развал экономики, междоусобицу на Кавказе и бегство прибалтийских республик, если **потуже закрутить гайки*** Р. Соболев: [http](http://...)) — акцентируются периферийные семы «сожаление», «небрежное отношение»;

– *музыкальные метафоры*: СССР В АВГУСТЕ 1991 — это РАЗЛАДИВШИЙСЯ ОРКЕСТР (*К моменту начала путча страна походила на **разладившийся оркестр. Дирижерскую палочку все игнорировали**. Казалось, борьба идет за нее — ведь от того, в чьих она руках, во многом зависит репертуар и звучание оркестра* А. Волнов: [http](http://...)) — акцентируются семы «фальшь», «провал» и др.

Особый, синергетический эффект современных текстов, дающих оценку событий августа 1991 года, образуется за счет взаимодействия метафор, апеллирующих к разным областям-источникам. Например, в следующем тексте *религиозные, зооморфные метафоры и метафоры зрелищ* характеризуют восприятие ГКЧП представителями либерально-демократических кругов: «*Сегодня его яростно превращают в **жупел**, в **ярлык**, в **красную тряпку**, на которую **взахлеб, по команде и без оной опять хором лают** все меньшинства из числа демократических либерастов*» (<http://www.nakanune.ru>). Укажем, что *жупел* «в христианских религиозных представлениях — горящая сера, смола, якобы уготованная для наказания грешников в аду» [Большая советская энциклопедия : [http](http://...)]; *красная тряпка* — с одной стороны, красный флаг — официальный символ СССР, знамя победы, а с другой — это мулета в руках испанского тореро для того, чтобы поддразнить быка. Метафорическое выражение *взахлеб, по команде и без оной опять хором лают* апеллирует к образу собаки, а в Библии, как известно, «собака является воплощением трусости (малодушия, низости, подлости), низкопоклонства» [Словарь символов 1999: 370] — такую оценку получают лидеры либерально-демократических партий. В созданном журналистами сценарии через образ быка как символа божественного могущества и животворящей силы, мужественности, силы и мощи [Словарь символов 1999: 38—39] имплицитно возникает образ российского государства.

Политические метафоры выделяют те черты политического события, которым приписывается смысловая доминанта. Несмотря на то что такое выделение чрезвычайно условно и во многом определяется позицией адресанта, отметим, что все рассмотренные нами разнообразные контексты объединяются общей негативной оценкой произошедшего в августе 1991 года.

Литература

Большая советская энциклопедия : в 30 т. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978. URL: <http://slovari.yandex.ru>.

Большой энциклопедический словарь 1999—2000. URL: <http://www.slovoopedia.com/2/192/203387.html>.

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010) / гл. ред. А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2010. — С 29—35.

Жюльен, Н. Словарь символов / Н. Жюльен. — Челябинск : Урал Л. Т. Д., 1999, 2000. — 500 с.

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич

г. Екатеринбург, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

В современной зарубежной науке преобладают три основных методологии исследования политической метафоры — риторическое, когнитивное и дискурсивное [Будаев, Чудинов 2006, 2007]. Каждая из этих методологии объединяет крупное научное направление.

Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В этом случае метафора понимается как некое украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. В применении в американской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями названное направление в изучении метафор воспринимается как относящееся преимущественно к семантике и стилистике. Одним из первопроходцев в изучении политической метафоры по праву считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, желающие в чем-то убедить адресата,

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Чудинов А. П., 2011

используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [Osborn 1967]. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения.

Помимо архетипичных и специфичных политических метафор внимание исследователей в прошлом веке было направлено на анализ аргументативного потенциала политической метафорики. По понятным причинам материалом для таких исследований служили метафоры в выступлениях победивших на выборах политиков. Так, С. Дафтон [Daughton 1993] исследовала метафоры в первом инаугурационном обращении Ф. Д. Рузвельта, Х. Стелцнер рассмотрел метафоры в речи Дж. Форда [Stelzner 1977]. В работах Р. Айви проанализированы метафоры и их взаимодействие с изложением фактов в речи Г. Трумана и его антисоветской доктрине [Ivie 1986, 1999]. Вместе с тем метафоры в идиолектах политиков, оппозиционных существующей власти и претендующих на нее, также рассматривались как важный материал для исследования метафорической аргументации в целом (Blankenship 1973; Henry 1988).

Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач. Как показывает Х. Стелцнер, американский президент Дж. Форд объявил, что намерен вести войну с инфляцией, но не смог проводить соответствующую политику и «доказать подлинность однажды произнесенной метафоры, которая требовала от него больше, чем он хотел или мог сделать» (Stelzner 1977: 297).

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий, стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира. Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект). Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Марку Джонсону и Джорджу Лакоффу, однако они создавали свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к метафоре возник значительно раньше. На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи. Так, еще в 1967 году М. Осборн указывал на

то обстоятельство, что человек склонен ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума». Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, представляющие систему политических метафор (Jamieson 1980).

Дискурсивный анализ политических метафор направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Это направление тесно связано с идеями Р. Водак и Т. ван Дейка. Примером дискурсивного исследования может служить публикация Э. Рефайе (Refaie 2001), посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Э. Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем», стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Ана [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки. Как показывает автор, все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языке, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [Johnson 2005; Hardy 2003].

Риторическое (семантико-стилистическое), когнитивное и дискурсивное направления в современной политической метафорологии являются ведущими, но не единственными. Во многих современных исследованиях когнитивный или риторический анализ политической метафоры дополняется на основе использования методов, характерных для теории культуры (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии, социальной философии (социолингвистики), теории дискурса, сопоставительной и типологической лингвистики. Отметим также, что в целом ряде случаев те или иные методики одни специалисты считают вариантами когнитивных, ри-

торических (стилистических) или дискурсивных, тогда как другие специалисты определяют указанные теории как относительно самостоятельные направления.

Значительный интерес представляет также проблема параллельного использования различных научных методов в рамках одного исследования: даже предварительные наблюдения показывают, что совмещение одних методов ведет к эклектике, тогда взаимодействие других методов приводит к более полному пониманию сущности явления.

Литература

Будаев Э. В., Чудинов. А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург, 2006

Будаев Э. В., Чудинов. А. П. Современная политическая лингвистика. — М., 2007.

ШЕСТАКОВА Элеонора Георгиевна

г. Донецк, Украина

СРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИЙ В РЕАЛИТИ-ШОУ (на материале украинского реального шоу «Без мандата»)

I. Проблемы политической лингвистики, рассматриваемой в естественном для нее, порождающем и определяющем горизонты восприятия, анализа и интерпретации семантическом пространстве политической коммуникации, в начале XXI ст. оказались одними из ведущих. Несмотря на провозглашенную многими западными интеллектуалами на рубеже наших столетий идею заката, конца идеологии, традиционной по своей сущности власти и властного начала, именно сейчас проявляются новые отношения между константными для общественного развития типами коммуникаций: политической, социальной и повседневной. Обнаруживается аномальное сращение того, что длительное время занимало, казалось бы, прочные, стабильные позиции и актуализировалось хрестоматийно известными оппозициями власть/народ, власть/человек, власть/личность, власть/масса, свои/чужие, эксплуататоры/эксплуатируемые, система ограниченный/свобода, тоталитаризм/демократия, манипуляция/объективное знание, неверие/доверие, публичное/приватное пространство жизнедеятельности. Массмедиа в этом процессе играют одну из ключевых ролей, постоянно создавая образы уже не столько отдельных полити-

ческих лидеров, политических партий, сил, общественных деятелей, организаций, народа или же социума, сколько глубоко конвенциональные и ризоматические образы собственно политической, социальной и повседневной коммуникаций в целом.

II. Предметом политической лингвистики, как правило, длительное время оказывались собственно политические тексты, предполагающие жанрово-стилистический диапазон от политических обращений, заявлений до текстов газетно-журнальных заголовков, ток-шоу, пропагандистских фотографий, листовок и плакатов политического характера, активизирующих политическую коммуникацию и направленных на работу с общественным сознанием. Сложные же, изначально не устранимо полижанровые, полистилистические и, главное, непосредственно направленные на конвергенцию с предельно открытой, почти препарированной для публичного восприятия живой жизнью масс-медийные образования, осуществляемые в телевизионном, т.е. аудиовизуальном, пространстве еще недостаточно исследованы с позиции политической лингвистики. Если для всего XX ст. было характерно акцентирование внимания не только на вербальную, но и аудиовизуальную составляющую политической коммуникации, то для начала XXI ст. аксиологические доминанты сместились в сторону визуальности, с одной стороны. С другой, с официальных, застывших речевых штампов, серии четких языковых формулировок, идеологически маркированных статических изображений, актуализированных официальной социальной коммуникацией, на более свободную, максимально подвижную дискурсивность и повседневность обыкновенного человека. Именно подобного рода тексты массовой коммуникации, оказываются наиболее сильным *интерпеллирующим* (Л. Альтюссер) средством и действенным ценностным способом современной социальной и особенно политической коммуникаций. Человек XXI в., даже на повседневном, принципиально нерефлектируемом уровне своей жизнедеятельности знающий, что такое власть, идеология, манипуляции, информационные войны и операции, в чем состоит сущность социальных и особенно политических коммуникаций, оказывается и более сложным объектом для разнородных политических интерпелляций. Для него требуются все более и более *тонкие сети* (С. Московичи), которые бы постоянно создавали иллюзию свободы, демократии, самостоятельности выбора, личностного уважения и пиетета одновременно социальнo-публичному и частному пространству его жизни.

III. Реальное шоу, привычно воспринимаемое реципиентом, как развлекательное масс-медийное явление, способное быть сильным пиар-средством для любого участника, обнаруживает именно такие потенциалы и задатки, которые могут проявить сложность внутреннего сращения политической, социальной и повседневной коммуни-

каций, аномального преодоления, казалось бы, стойких и даже константных оппозиций внутренне закрытой политической коммуникации. Реальное шоу — это шоу препарированной и добровольно опубликованной приватной, очень часто интимной (в широком смысле этого понятия) повседневности. В реалити-шоу любой без исключения участник одновременно реализуется как социальный и как природно-культурный индивид, постоянно публично репрезентирующий, осуществляющий и свои общественные цели, функции, задачи и не могущий, в силу своих не устранимой физиологии и культурных, этикетных навыков, преодолеть повседневные потребности и обязанности. При этом реалити-шоу, в котором принимает участие политик, — это массмедийный текст, направленный прежде всего на создание положительного имиджа не только данного политика, но и всей стоящей за ним партии (пиар-функция); на формирование определенного общественного мнения относительно социальных реформ, мероприятий, проводимых правительством, с которым этот политик и его политсила находятся в определенных отношениях (пропагандистская и манипулятивная функции); на расширение самостоятельности и активности граждан в решении собственных и общественных проблем (просветительская и воспитательная функции); на поддержание и укрепление веры народа и обыкновенного человека во власть и политическую коммуникацию (социально-идеологическая функция). Однако реалити-шоу, именно в силу своей жанровой специфики, — это еще и массмедийный текст, неустранимо и специфически направленный на повседневную и природно-культурную составляющую жизнедеятельности любого человека. Политик, находящийся под постоянным наблюдением и вынужденный в силу природы реалити-шоу публично, иногда до чрезмерной откровенности представлять любое свое действие, свой дом, семью, не может, в первую очередь по объективным природно-культурным причинам, постоянно контролировать реализацию своего имиджа. Причем это касается не только уровня языковой и дискурсивной представленности, но и особенно уровня кинетических действий, объективно нерелефлексивных поступков, эмоций. Это во-первых. Во-вторых, в реалити-шоу крайне важна неязыковая сфера, а визуальный ряд, постоянно, даже против их воли, представленный и сопровождающий героев проекта. Для закрытой, консервативной политической коммуникации, чутко, внимательно, последовательно строящей и осуществляющей свое бытие на выверенных штампах, стереотипах, формулах, информационно-пропагандистских основах, погружение и реализация в спонтанности живой жизни предполагает серию опасных, если не сказать разрушительных ловушек и провокаций.

IV. В 2010 г. в Украине было запущено качественно новое реалити-шоу, главной проблемой которого стала именно политическая

и социальная жизнь страны. Сами организаторы его охарактеризовали так. «Телеканал „1+1“ покажет реалити-шоу — как политики несколько дней живут жизнью рядовых украинцев». «Телеканал „1+1“ начинает съемки нового реалити-шоу „Без мандата“, приглашая политиков несколько дней пожить в обычной украинской семье и не пользоваться своими привилегиями. Как рассказал генеральный директор группы „1+1“ Александр Ткаченко, это будет „реальная политика в реальной жизни“, без лозунгов и прокламаций. Продюсер телеканала Оксана Кучеренко пояснила, что по условиям шоу ни политик, ни семья, в которую он попадет, не знают друг о друге. Два с половиной дня политик живет в обычной украинской семье без своего удостоверения, кошелька и прочих привилегий известного человека. И только на третий день ему все это возвращают, и политик пытается решить те сложности, которые он ощутил в этой семье и помочь украинцам решить их проблемы. „У политика появится возможность продемонстрировать, что он может сделать“, — подчеркнула она» (<http://www.interfax.com.ua/>). Действительно, премьера реалити-шоу с участием политиков «Без мандата» состоялась 24 сентября 2010 г. в 20.00 на канале «1+1». Это реалити-шоу продержалось почти два сезона и обнаружило, максимально обнажило специфику сращения и многочисленные, до парадоксальности непредсказуемые ловушки, провокации в реализации политической, социальной и повседневной коммуникаций в современной Украине.

ШЕХТМАН Наталия Георгиевна

г. Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В БРИТАНСКОМ ДИСКУРСЕ МАССМЕДИА

Политической жизни в России регулярно посвящаются публикации в ведущих британских периодических изданиях. Настоящее исследование проведено на материале статей из еженедельника “The Economist” и имеет целью выявить наиболее продуктивные и частотные метафорические модели, используемые для концептуализации российской внешней и внутренней политики. Изучение метафорических моделей позволяет лучше понять специфику национальной картины мира, что является значимым для развития межкультурного взаимодействия и повышения эффективности общения.

По результатам проведенного анализа, в современном британском дискурсе масс-медиа были выделены четыре наиболее частот-

ные метафорические модели, отличающиеся также высокой продуктивностью, — это метафоры со сферой-источником «механизм», «человек», «война» и «театр».

Примером механистической метафоры служат, во-первых, словоупотребления с наиболее общей семантикой — “machine” и “vehicle”, ср.: *Elections in Russia have long ceased to be a contest for power or a competition between ideas. Instead they play the role of a plebiscite for the Kremlin and United Russia — a **special-purpose vehicle** designed by Russia’s rulers to ensure that they stay in power* (The Economist, March 19th 2011); *[Mr Putin] is focusing his attention on reviving the United Russia Party, his **stalling election machine*** (The Economist, May 21st 2011).

Сферой-мишенью механистических метафор выступают политические партии и процедура проведения выборов, а также вся политическая система в целом. В последнем случае распространена метафора со сферой-источником «коррозия», ср.: *The **corrosive** mistrust of the state is a problem for Russia as a whole...* (The Economist, April 9th 2011).

Механистическая метафора также представлена словоупотреблениями “hoover” (пылесос, пылесосить) и “lightning-rod” (громоотвод), ср.: *Mr Putin’s own United Russia has been dubbed a party of “thieves and crooks”, and is losing support so fast that the prime minister has created an “All-Russia People’s Front”, **hoovering up** millions of state workers, agrarians and nationalists. It could also be that the Kremlin needs a **sparring partner** that it can convert into a **lightning-rod** for people’s anger with the rich and powerful when the time comes* (The Economist, July 2nd 2011). Отметим, что в данном примере механистическая метафора употреблена в комбинации со спортивной метафорой, имеющей сферу-источник «борьба», что актуализирует смысловые векторы противостояния, подчеркивает агональную тенденцию в политической жизни России.

В более высокой степени идея борьбы, агрессии в российской политике выражается милитарными метафорами, ср.: *A final, if more indirect sign of political **infighting** [in Russia] is a reshuffling of some assets (roads, television, energy) into the hands of Mr Putin’s friends and acquaintances* (The Economist, April 9th 2011); *Vladimir Putin has consolidated control through his **army** of oligarchs who in turn command their **legions**...* (The Economist, April 23rd 2011).

В отличие от милитарной, театральная метафора подчеркивает не агрессивность субъектов политической деятельности в России, а их несамостоятельность (*puppets* - марионетки), или же неискренность, оторванность от жизни (*dress rehearsal* — генеральная репетиция), ср.: *...the regional polls on March 13th deserve some attention, not least because they are seen as a **dress rehearsal** for a parliamentary*

vote in December and a presidential election the following March (The Economist, March 19th 2011); *Most Russians want to elect their regional governors. This is precisely what the Kremlin fears, as it would mean the loss of guaranteed political support from **puppets** in the regions.* (The Economist, April 9th 2011).

С помощью антропоморфной метафоры политические партии и мероприятия переосмысливаются как отдельный человек. В исследованном нами материале такие метафоры подчеркивают бездействие, безынициативность или слабость субъекта политической жизни, ср.: *With the exception of the **toothless** Communists, all the parties in the Duma are integral parts of the system set up by the Kremlin* (The Economist, March 19th 2011); *The main surprise was the performance of a party that few had heard of. Patriots of Russia was set up six years ago, ... though it has since been largely **dormant*** (The Economist, March 19th 2011).

Театральная метафора в сочетании с антропоморфной и игровой очень ярко описывает российскую политическую ситуацию в следующем примере: *...what was the point of the exercise [the press conference held by Mr Medvedev]? Perhaps it was meant to liven up Russian political life before parliamentary elections in December and next year's presidential vote. In that case it had as much effect as **applying revitalising body cream to a corpse**. It demonstrated the degradation of Russian politics into a **television-based virtual reality** where **tricks** and political "technologies" **trump** ideas and policies* (The Economist, May 21st 2011).

Оценочные коннотации метафорических словоупотреблений, выявленных нами в рамках данного исследования, являются негативными или нейтральными. Нами не было выявлено случаев, где метафора несла бы положительную оценку России и ее политической жизни, что позволяет сделать вывод о том, что, к сожалению, британский дискурс масс-медиа пока что формирует в сознании населения своей страны негативное представление о российской политической действительности.

ШИЛИХИНА Ксения Михайловна

г. Воронеж, Россия

ИРОНИЯ АУДИТОРИИ:

ОТКАЗ ОТ УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

Дискурс представителей власти — один из наиболее популярных объектов исследования в политической лингвистике. Поскольку по-

литическая коммуникация, как правило, анализируется в направлении «политик — аудитория», тем, на кого направлено воздействие, обычно отводится роль менее активная по сравнению с политическими лидерами. Реальный процесс политической коммуникации все же предполагает наличие «встречного потока». Благодаря Интернету аудитория (граждане, избиратели) получила возможность вступить в диалог с представителями власти, а в ряде случаев и инициировать процесс общения.

Характерной чертой такой виртуальной коммуникации является активное использование иронии — эта дискурсивная практика привлекается не только для передачи скрытых смыслов, но и для трансляции социальных отношений между участниками общения. Поскольку ирония — это прежде всего действие, независимо от того, какие языковые средства использует говорящий, ирония всегда интенциональна. С какой целью используется ирония теми, кого принято называть «электорат»?

В данной работе мы проанализируем два примера — вопросы к спикеру Государственной Думы РФ Б. В. Грызлову, а также записи микроблога «Перзидента Роисси». В первом случае ирония инициирована коллективным участником политической интернет-коммуникации: вопросы собирались заранее для виртуальной пресс-конференции на сайте www.gazeta.ru. На сайт было прислано 3476 вопросов, некоторые приведены ниже:

[1] *Как вы считаете, эффективно ли работает система государственного управления в России, если для того, чтобы начать адекватное расследование любого резонансного преступления необходимо личное вмешательство Премьер-министра или Президента? Успевают ли эти уважаемые люди спать, есть и ходить в туалет, если им приходится вручную руководить чуть ли не майорами и лейтенантами? // Юрий.*

[2] *Как вы считаете, нужно ли выполнять предвыборные обещания? // Петя.*

В список вошли вопросы от разных людей, идентичность которых скрыта по всем правилам виртуальной коммуникации. Следовательно, коллективная ирония в данном случае не зависит от индивидуально-личностных характеристик писавших. Кроме того, перед нами случай «чистой» вербальной иронии: у авторов вопросов не было возможности прибегать к интонационным сигналам иронии, жестам, мимике и др.

Большая часть вопросов явно иронична. Массовый характер иронии коллективного говорящего — это не только выражение негативного отношения к конкретной политической партии. Многие вопросы, заданные спикеру Госдумы, являются вопросами лишь по форме. Они носят откровенно риторический характер и не содержат

момента так называемого иллокутивного вынуждения [Баранов, Крейдлин 1992]. Такое речевое поведение авторов вопросов может быть интерпретировано и как отказ от участия в реальном политическом диалоге.

У Твиттера «Перзидента России» есть авторы, которые предпочитают оставаться анонимными. Все записи этого микроблога — ироничные комментарии по поводу различных событий в России и мире:

[3] *Чтобы удвоить подушевой ВВП, нам потребуется вдвое сократить население.*

[4] *«Белое море» в Дзержинске — кладбище химических отходов. Будем решать, куда пойти ужинать — в Татлер или Пушкин.*

Микроблог «Перзидента» создается на основе записей официального микроблога президента РФ Д. А. Медведева. Интертекстуальные связи между некоторыми записями двух микроблогов очевидны:

[5] *«Белое море» в Дзержинске — кладбище химических отходов. Будем решать экологические проблемы в нашей стране.*

[6] *Теперь день рождения Александра Пушкина — День русского языка. Говорите правильно — и не только 6 июня.*

Записи президентского микроблога — пример «добросовестной» коммуникации, соответствующей прагматическому идеалу Принципа Кооперации Г. П. Грайса [Grice 1989]. Однако записи в Твиттере «Перзидента Роисси» показывают, что уровень доверия к прямой коммуникации главы государства невелик: доведение точки зрения политика до абсурда — еще один пример того, как аудитория с помощью иронии отказывается от участия в политической коммуникации.

Литература

Баранов, А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 84—99.

Grice, H. P. *Studies in the Way of Words* / H. P. Grice. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1989. — 394 p.

Источники

Вопросы к спикеру Государственной Думы Российской Федерации Б. В. Грызлову. — URL: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3337459.shtml?allq100> (дата обращения: 12.10.2010).

Твиттер Президента РФ Д. А. Медведева. — URL: <http://twitter.com/#!/medvedevrussia> (дата обращения: 15.07.2011).

Твиттер «Перзидента Роисси». — URL: <http://twitter.com/#!/KermlinRussia> (дата обращения: 15.07.2011).

ЯНУШ Ольга Борисовна

Казань, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЫБОРА СИСТЕМЫ ПИСЬМА

В данном докладе мы не будем затрагивать вопросы происхождения систем письма и формирования письменных ареалов. Исследовательский интерес сосредоточен на выборе системы письма для уже письменных языков: иными словами, выбор между сохранением уже существующей системы и переходом на какую-то иную. Среди факторов, влияющих на выбор письма, современные ученые выделяют лингвистические, экономические, психологические и политические. Политические факторы занимали и занимают далеко не последнее место.

В 1920-е гг. в СССР проект латинизации был направлен на разрыв с традициями царского времени, на преодоление замкнутости мусульманских народов СССР от других народов государства и от остального мира, на ожидание мировой революции с всемирным латинским алфавитом и единым языком.

Еще один пример — перевод в 1928 году турецкой письменности с арабской на латинскую основу знаменовал превращение страны в светское государство.

Распад СССР в 1991 году создал условия для уникального политико- и социолингвистического эксперимента, в котором 14 стран, объединенных до этого одним языком и политической системой, смогли оспорить лингвистический дисбаланс, укрепить статус титульных языков и установить новые лингвистические режимы в процессе строительства наций-государств. Смена системы письма на постсоветском пространстве имеет политические измерения, является формой политической демонстрации и имеет символическое значение. На территории бывшего СССР с кириллического на латинское письмо перешли в Азербайджане и Молдавии (хотя Приднестровье также по политическим причинам сохраняет кириллицу), Узбекистане и Туркменистане. Язык используется в качестве средства символического конструирования геополитической идентичности. Эти процессы свидетельствуют о новой политической и культурной ориентации.

Литература

Алпатов, В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства /

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Язык и политика: прагматика взаимодействия», проект № 11-03-00621а.

© Януш О. Б., 2011

В. М. Алпатов. — М. : Институт востоковедения РАН, 2000. — 224 с.
Pavlenko, A. Multilingualism in Post-Soviet Countries / A. Pavlenko. — Bristol : Multilingual Matters, 2008. — 240 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Антонина Александровна — аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета.

Айвазова Валерия Вячеславовна — кандидат филологических наук, преподаватель Сургутского государственного университета.

Алексеева Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Антонова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Оренбургский государственный университет.

Антонова Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Астахова Ольга Игоревна — магистр филологии, аспирант, ассистент кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Атьман Ольга Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной иноязычной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

Бабенкова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва».

Беляцкая Анастасия Александровна — кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, докторант кафедры английской фило-

логии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Борискина Ольга Олеговна — кандидат филологических наук, доцент Воронежского государственного университета.

Боровицкая Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Киевский национальный университет культуры и искусств.

Бринев Константин Иванович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии.

Будаев Эдуард Владимирович — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Булыгина Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.

Бушев Александр Борисович — кандидат филологических наук, соискатель-докторант государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Москва), доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Ван Личжи — г. Чанчунь (КНР).

Вдовиченко Лариса Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков №1 Сургутского государственного университета ХМАО-Югры.

Викторук Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Сибирского государственного технического университета.

Волкова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет.

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, кафедра стилистики и риторики Удмуртского государственного университета.

Ворошилова Мария Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации УрГПУ.

Гаврилова Марина Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор Невского института языка и культуры, НИУ — ВШЭ (Санкт-Петербург).

Галинская Татьяна Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры французского языка и методики преподавания французского языка Оренбургского государственного педагогического университета.

Геворгян Мариам Вардановна — ассистент кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета.

Голев Николай Данилович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, заведующий лабораторией юрислингвистики и документоведения КемГУ.

Грибан Ирина Владимировна — аспирант кафедры всеобщей истории, директор музея истории УрГПУ, Уральский государственный педагогический университет.

Гридина Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ.

Гришанина Анастасия Николаевна — кандидат филологических наук, психолог, доцент кафедры теории журналистики факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Громыко Сергей Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Гуляева Евгения Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградской академии государственной службы.

Данилкина Елена Юрьевна — студент Института социального образования Уральского государственного педагогического университета.

Данюшина Юлия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Государственный Университет Управления (Москва).

Денисов Юрий Петрович — кандидат политических наук, старший преподаватель Омской государственной медицинской академии, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Дзюба Елена Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Дубровская Татьяна Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Пензенского филиала Международного независимого эколого-политологического университета.

Дупкала Рудольф — кафедра философии философского факультета (Прешовский университет в Прешове).

Еремин Александр Николаевич — доктор филологических наук, декан филологического факультета Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

Ефремов Валерий Анатольевич — доктор филологический наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Иванова Светлана Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного университета.

Каблуков Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Каспарова Анна Юрьевна — аспирант кафедры лексикологии английского языка (МГЛУ), преподаватель кафедры английского языка факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета.

Керимов Руслан Джаванширович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Кемеровский государственный университет.

Ким Лидия Густовна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет.

Кирьянова Вероника Викторовна — студент 4 курса направления «Лингвистика» Альметьевского государственного института муниципальной службы.

Киуру Константин Валерьевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной коммуникации, Уральский государственный университет физической культуры.

Кишина Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Князев Николай Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Кожевникова Оксана Вячеславовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии, Удмуртский государственный университет.

Кондакова Юлия Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина.

Кондратьева Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Коновалова Надежда Ильинична — доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ.

Коробкова Ольга Михайловна — Московский педагогический государственный университет.

Костромичева Мария Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета.

Костюнина Марина Викторовна — преподаватель Сургутского государственного университета.

Кошкарлова Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета.

Красильникова Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в г. Новоуральске, заведующий кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

Крижановская Елена Мечиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации Пермского государственного университета.

Кубасов Александр Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы и методики их преподавания в специальной школе, Уральский государственный педагогический университет.

Кудрявцев Алексей Геннадьевич — аспирант кафедры французского языка и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет.

Култышева Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Курникова Елена Павловна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Альметьевского государственного института муниципальной службы.

Кушнерук Светлана Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета.

Лаврик Эльвира Петровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка, Ставропольский государственный университет.

Лаппо Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Лату Максим Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Лоскутова Ксения Никитична — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, атташе Министерства иностранных дел РФ.

Маврин Владислав Игоревич — аспирант, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Малевич Ирина Игоревна — студентка факультета германской и финской филологии Киевского национального лингвистического университета.

Мардиева Ляйля Агьдасовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета.

Матыгина Екатерина Борисовна — аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Михайлов Алексей Валерианович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф.Решетнева.

Михайлова Татьяна Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф.Решетнева.

Моргун Оксана Михайловна — аспирант кафедры политических и бизнес-коммуникаций факультета прикладной поли-

тологии научно-исследовательского университета «Высшая Школа Экономики».

Мохова Евгения Константиновна — аспирант Сургутского государственного университета.

Овруцкий Александр Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры теоретической социологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета.

Петрикова Анна — доцент кафедры русского языка Института русистики, украинистики и славистики философского факультета Прешовского университета в Прешове (Словакия).

Пименова Марина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет.

Плахотная Юлия Ивановна — соискатель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета.

Полугова Елена Владиславовна — старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Полякова Ирина Сергеевна — ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, аспирант УрГПУ.

Полякова Лилия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2 Магнитогорского государственного технического университета.

Попова Ольга Ивановна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Поцелуев Сергей Петрович — доктор политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета.

Пузыренко Ярина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины (Киев).

Резниченко Денис Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений НОУ ВПО «Институт международных связей».

Руженцева Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Русова Ирина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сургутского государственного университета.

Рыбаков Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. Б.М. Ельцина.

Рябкова Ирина Павловна — старший преподаватель кафедры перевода и стилистики английского языка, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Ряпосова Анна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Садуов Руслан Талгатович — аспирант кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного университета.

Салатова Людмила Маратовна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет.

Сарафанова Ольга Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Уральский гуманитарный институт.

Сатмари Жужанна — Университет им. Лорана Этвеша, г. Будапешт.

Семенец Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой издательского дела и редактирования Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко.

Сипко Йозеф — философский факультет Прешовского университета (Прешов, Словакия)

Смолина Анастасия Николаевна — кандидат философских наук, доцент Волгоградского института бизнеса.

Соболев Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент Сибирского государственного технического университета.

Совиньска Агнешка (Sowińska Agnieszka) — PhD, преподаватель кафедры английской филологии Университет им. Николая Коперника.

Солопова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета.

Стексова Татьяна Ивановна — Новосибирск.

Строкина Любовь Владимировна — учитель русского языка и литературы высшей категории Первого городского общеобразовательного лицея (Петропавловск, Республика Казахстан).

Суспицына Инесса Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Терских Марина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Техановская Н. В. —

Тиховская Ольга Александровна — редактор отдела международных проектов Центра гуманитарных проектов «Интер-Класс» (Кишинев, Молдова).

Трипольская Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета.

Упоров Артем Андреевич — аспирант кафедры современного русского языка Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, учитель русского языка и литературы СУНЦ УрФУ им. Б. Н. Ельцина.

Харченко О. А. — студент УрГПУ (Екатеринбург).

Цонева Лиляна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия (Велико-Тырново, Болгария).

Цуциева Мария Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода факультета иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Цыганкова Анна Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в специальной (коррекционной) школе УрГПУ.

Чистова Софья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его препода-

давания Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

Чудакова Наиля Муллахметовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования, заместитель директора Института филологии и массовых коммуникаций, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Чудинов Анатолий Прокопьевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Шестакова Элеонора Георгиевна — доктор филологических наук (Украина, г. Донецк)

Шехтман Наталия Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Уральского государственного педагогического университета.

Шилихина Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

Яковчиц Нина — Уральский гуманитарный институт.

Януш Ольга Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Казанского государственного энергетического университета.